Переводы святых отцов
по структуре

Славянского Добротолюбия
(на русском языке)

ТОМ 1

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМ 1

Предисловие [I]

Бог – существо блаженное, пресовершеннейшее совершенство, созидательное начало для всего благого и прекрасного, начало преблагое и преизящное. От начала времен предопределил, по своему богоначальному усмотрению, обожить (θέωσις) человека[II].

Бог, от начала предположив такой совет о человеке, и с благой волею в нем исполняет его во времени сем.

И от земли ибо взяв тело, от себя же вложив душу, яко некий мир великий, по множеству и преимуществу даров, в малом поставляет[III] зрителя чувственных тварей, и тайника разумения, по слову великаго богослова Григория[IV]. И что он такое есть, точно изваяние воистинну, и образ боготворный, всех даров исполненный? Также и заповедь ему дана, как некий искус самовластия, и оставлена в руке произволения[V] его, да по воли своей изберет предоставленное ему. И в воздаяние (плату) за соблюдение заповеди, примет существенную обожения благодать, и чистейшим светом во веки озаряем будет.

Но, о лукавыя злобы, и зависти! Не потерпит сему делу произойти древний начальник злобы. Позавидовав же Создателю и созданию, как глаголет божественный Максим: «Тому, да не будет дана действующая всехвальная благости сила, боготворящая человека». Посему, не имея такой преестественной по обожению славы, явится причастник (дьявол), лестию льстивый легко склоняемого[VI] человека перехитривши, благословными, то есть, склонил советами преступить Боготворную заповедь.

[I] Предисловие переведено мной и моим товарищем, в меру сил, по славянскому Добротолюбию. Возможно есть небольшие огрехи, но вцелом смысл передан, а при сомнениях вы можете сами сличить наш перевод со славянским текстом.

[II] Т. е. свершить его божественным.

[III] Являет собою.

[IV] В слове на рождество христово.

[V] Выбора.

[VI] В слав.: «удобопреклоннаго».

И Божественной сей славы, увы! лишив. Мнит отступник сам в себе быть как некий олимпийский победитель, как возмогший пресечь исполнение предвечного совета Божия.

Так как, по божественным прореченным глаголам, бывший совет Божий, об обожении человеческого естества во век пребывает. И помышления сердца его в род и род (Пс. 32; 11. Притч. 19; 21) – словеса; точнее говоря, промысла и суда, к сему предопределению клонящиеся, и в настоящем и в будущем веке непреложно будут шествовати[VII] (осуществлены).

По изъяснению божественного Максима: «То благоволил в последние дни по благости Сам, Богоначальнейшее Слово Отчее, низвергнуть советы князей тьмы; совершить же и в исполнить древний и истинный совет Свой, который предположил. И так благоволением Отца, и содействием Святого Духа воплотился, и приняв наше естество, и его обожествив; также и спасительные и богодеятельные заповеди Свои нам даровав; и совершенную благодать Всесвятого Духа своего в крещении; словно семя божественное посеяв на сердцах наших; и дав нам, по слову божественнаго евангелиста, силу по животворным его заповедям (Мф. 25; 15) и духовному переходу от возраста в возраст живущих, и через это делание благодать, которая в нас, неугасимую соблюдшим, напоследок плод принести; и стать его чадом, и обожитися; обретя совершеннство мужа, *в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4; 13)».

Тут бы сказать, кратко говоря, конец и совершение всего о нас смотрения Слова. Но увы! добро бы здесь возстенать горько, по божественному Златоусту. Таковую ибо благодать получивши, и такого благородства сподобившееся, как душе нашей более солнца во крещении сиять, очищаемой духом. Но младенцами эту боговиднейшую светлость приемля, то от неведения, многие же от мрачной ночи житейских попечений ослепнув, через страсти столько благодати схоронив, что бедствуем, да не совершенно угаснет дух Божий, который в нас. Увы немощи наши, как губит нас злоба, и к чувственным вещам неподобающее наше пристрастие! К исправлению, как о том умудряются богомудрые отцы, и к совершенному трезвению, и со всем вниманием и хранением ума; те, кто желает благодать обрести, должны ко Господу нашему Иисусу Христу, Сыну Божию, *непрестанно молиться*, не просто умом, глаголами и устами (1 Сол. 5; 17). Ибо сие всем вообще хотящим благочестно жить известно, и всякому удобно. Но весь ум во внутреннего человека обратив, в самой глубине сердца призывать всесвятое имя Господа.

И от него милости просить, внимая единым этим глаголам простой молитвы. Так говоря, результат же и сущность делания сего[VIII], приемлюще от самаго учения Господа, когда глаголющего[IX]: *«Царствие божие внутри вас есть»* (Лк. 17; 21). И иное также: «*Лицемеры, очи-*

[VII] Т. е. осуществлены.

[VIII] В слав.: «вины же делания сего, и вещество, так говоря».

[IX] Вариант перевода: «примите от самого учения Господа, когда глаголет Он»

стите прежде внутренние сткляницы и блюда, и тогда внешнее их будет чисто» (Мф. 23; 25).

Это же не о чувственном, но о внутреннем нашем человеке разумеется. И от апостола Павла, пишущаго ко ефесянам следующее: *«Сего ради преклоняю колена мои ко Отцу господа нашего Исуса Христа, да даст вам силою утвердиться духом Его во внутреннем человеке, вселиться Христу верою в сердца ваши»* (Еф. 3; 14, 16). Что может быть яснее этого свидетельства? А также: *«Воспевая, глаголет, и поет в сердцах ваших Господь»*. (Еф. 5; 19) Слышишь ли? В сердце, глаголет. Но и верховный апостол приподтверждает: *«До тех пор пока,* глаголя, *день озарит, и денница возсияет в сердцах ваших*» (2 Пет. 1; 19). Сему же как нужному для всякого благочестно живущего, и во многочисленных других местах нового Завета Дух Святой научает, как можно узреть тем, кто тщательно в оный проникает. От такого духовного и разумного делания, возможного заповедей и прочих нравственных добродетелей совместного исполнения, рождающеюся в сердце теплотою от призывания всесвятого Имени, и духовным таким действием, страсти истребляются. *Ибо Бог наш есть огонь, и огонь поедает нечестие* (Евр. 12; 29). Ум же и сердце помалу очищаются, и сами с собою соединяются. Очистившимся же им, и самим с собою соединившимся, и отсюда спасительные заповеди удобнее исправляются, а также плоды духовные прозябают в душах, и всякое обилие благ подается. И да вкратце скажу, отсюда скорейше можно нам востечь к дарованной нам с начала в крещении совершенной благодати духа, в нас существующей. Но и как искре в пепле страстями погребенной, можно ясно возсиявшую ее узреть, и просветититься умом, и последовательно усовершенствоваться и обожиться. Равномерно о сем делании многие от святых отцов в разных местах в писаниях своих упоминают, как к ве́дущим слово творя.

И от таких писаний, о возлюбленный читатель, составилась настоящая книга, сокровищница трезвения, сторож ума, таинственное училище умной молитвы, книга деятельности, изящное изображение, к видению непрелестное[X] путеводительство, рай отцев, добродетелей златая цепь, книга частого разглагольствования со Иисусом[XI].

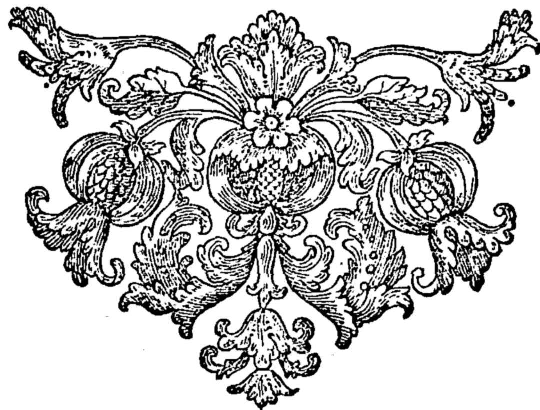
Таковым сущим, ныне самое удобное время[XII], с высоким проповеданием на духовный пир книги сей созвать всех, которые не являются (свидетелями) благой вечери. Посему, придите, придите и вкушайте существующий в этой премудрости духовный хлеб, и пейте вино мысленно возвеселяющее. Придите все, которые православного звания причастники есть, мирские совместно с иноками. Внутри вас царствие Божие

[X] Т.е. не лживое, не обманное.

[XI] В сей книге, Добротолюбие, пред именами некоторых отцев, переводом с греческаго поставлено название, святый, но церковь наша в числе святых не имеет их: почему то слово, святый, и должно разуметь титлою чествования, также как и название, богодухновенный отецъ.

[XII] В слав.: «благовременно».

есть. И в сердце имеющие желание, сокровенное сокровище обрести, которое есть сладкий Иисус Христос. От пленения от дольних[XIII], и от скитания ума вашего освобождаясь, непрестанным страшным призыванием Господа нашего Исуса Христа, и содействующими прочими добродетелями, предлагаемыми в настоящей книге, соединитесь сами с собою, сами же собою и с Богом, как и Господь к Отцу молясь, говорил: *«Да будут едины, как и мы едины есмь»* (Ин. 17; 11). И которые с Ним соединившиеся, и совершенно изменившись, обдержанием (управляемые) божественной любовью, обильнейше да обожитеся в чувстве мысленном, и несомнительном извещении. И к первому совету Божию[XIV] возвратитеся, славя Отца, и Сына, и Святого Духа: единое богоначальнейшее Божество. Ему же подобает всякая слава, честь, и поклонение во веки веков, аминь.

[XIII] Т.е. земного
[XIV] а именно, обожению человека

Святой Антоний Великий

Несколько слов о жизни святого Антония Великого [1]

Великий наш отец Антоний, положивший начало уединеннопустынному подвижничеству, родился около 251 года, жил во время царствования Константина Великого и, дожив до глубокой старости, умер в 356 году. Великий Антоний был современником Афанасия Великого, который почти без сокращений написал его житие. Вражеские стрелы, говорит Афанасий, были очень чувствительны; но мужественный борец отражал их, нимало не колеблясь. Враг влагал нечистые помыслы, а св. Антоний отражал их молитвою.

Положив в основание своей жизни добродетель, Антоний достиг бесстрастия, имея учителя свыше, вразумляющего младенцев и рыбаков, Духа Премудрости. От Него же и просветился умом. Великий Антоний получил дар чудотворений, дар власти над бесами, над силами природы и над животными, дар прозрения мыслей, дар видения происходившего вдали, дар откровений и видений. Но из всех даров самый многоплодный и обширный по приложению был дар слова; он умел с такою силою говорить на пользу каждому, что даже многие из людей знатных слагали с себя тяготы житейские и делались монахами.

Кроме 170 глав, дошли до нас и другие его изречения и сказания о нем, всегда назидательные и поучительные. А то что они есть порождение боговидного ума его, так об этом и Петр Дамаскин говорит. Да и сами слова Антония об этом свидетельствуют. Все, исшедшее из уст св. Антония и записанное, доставит богатую пищу душе, ищущей назиданий.

[1] Сведения соответствуют славянскому Добротолюбию, несколько строк добавлены из Феофановского источника.

Преподобного отца нашего Антония Великого наставления о доброй нравственности и святой жизни, в 170-ти главах [2]

Люди обычно именуются умными по неправильному употреблению сего слова. Не те умны, которые изучили изречения и писания древних мудрецов, но те, у которых душа – умна, которые могут рассудить, что добро и что зло; и злого, и душевредного убегают, а о добром и душеполезном разумно радеют и делают то с великим к Богу благодарением. Эти одни по истине должны именоваться умными людьми.

2. Истинно умный человек одну имеет заботу, вседушно повиноваться и угождать Богу всяческих. Тому и единственно тому поучает он душу свою, как бы благоугодить Богу, благодаря Его за Его благое промышление, в каких бы ни находился случайностях по жизни. Ибо неуместно врачей и тогда, как они дают нам врачевства горькие и неприятные, не благодарить за оздоровление тела, а к Богу из-за того, что кажется нам не радостным, оставаться неблагодарными, не разумея, что все бывает по Его промышлению и на пользу нам. В таком разумении и в такой вере в Бога – спасение и покой души.

3. Воздержание, незлобие, целомудрие, твердость, терпение и подобные им великие добродетели, как бы силы (ратные) получили мы от Бога, чтобы они сопротивлялись и противостояли встречающимся с нами прискорбностям и помогали нам во время их: так что если мы будем упражнять сии силы и иметь их всегда наготове, то ничто из случающегося с нами не будет для нас тягостно, или болезненно, гибельно и несносно; ибо все то будет преодолеваемо сущими в нас добродетелями. Этого не имеют в мысли те, у коих душа не умна, ибо они не верят, что все бывает на пользу нам, чтобы просияли добродетели наши и мы увенчаны были за них от Бога.

4. Если почитая богатство и полное им наслаждение одною кратковременною призрачною суетою, и ведая, что добродетельная и богоугодная жизнь лучше богатства, ты твердо будешь стоять в сем убежде-

---

2 Публикуется по переводу Феофана Затворника. См. Добротолюбие, том 1.

нии и содержать то в памяти; то не будешь ни воздыхать, ни сетовать, ни роптать на кого-либо, но за все будешь благодарить Бога, когда увидишь, что худшие тебя прославляются за краснословие или ученость и богатство. Ненасытное желание богатства и удовольствий, славолюбие и тщеславие при неведении истины суть самые злые страсти души.

5. Умный человек, рассматривая сам себя, познает, что должно и что полезно ему делать, что сродно душе его и спасительно и что чуждо ей и пагубно. И таким образом избегает того, что вредит душе как чуждое ей.

6. Чем кто умереннейшую проводит жизнь, тем тот спокойнее бывает, потому что не печется о многом, – о рабах, земледельцах (наемных работниках) и приобретении скота. Когда же прилепляемся мы к сему, то, подвергаясь случающимся из-за того прискорбностям, доходим до того, что на Бога ропщем. Таким образом самопроизвольное наше желание (многого) наполняет нас смятением, и мы блуждаем во тьме греховной жизни, не зная себя самих.

7. Не должно говорить, что невозможно человеку проводить добродетельную жизнь, но что это не легко. И точно не для всякого без различия удободостижимо это; но только те из людей приобщаются добродетельной жизни, которые благочестивы и имеют боголюбивый ум. Общий (обыкновенный) ум есть ум мирской и превратный; он дает помышления добрые и худые, изменчив и склонен к вещественному; а ум боголюбивый есть казнитель зла, которое бывает в людях от произвольной их беспечности.

8. Необразованные и простецы смешным делом считают науки и не хотят слушать их, потому что ими обличается их невежество, – и они хотят, чтобы все были подобны им: равным образом и невоздержные по жизни и нравам заботливо желают, чтоб все были хуже их, думая снискать себе обезвинение в том, что много злых. Гибнет и растлевается душа от зла греховного, которое многосложно и совмещает в себе блуд, гордость, алчность, гнев, продерзость, неистовство, убийство, ропот, зависть, лихоимство, хищничество, нетерпеливость, ложь, сластолюбие, леность, печаль, робость, ненависть, осуждение, разленение, заблуждение, невежество, обольщение, богозабвение. Этим и подобным терзаема бывает бедная душа, удаляющаяся от Бога.

9. Истинно ли подвижнически проходит кто добродетельную и прехвальную жизнь, об этом должно судить не по нраву, притворно на себя принимаемому, и не по лживому виду жития; но по тому, если кто, подобно искусным живописцам и ваятелям, показывает свою добродетельную и боголюбезную жизнь самым делом, отвращаясь от всяких сластей, как от сетей.

10. Человек богатый и благородного происхождения без душевного образования и добродетельной жизни несчастен в глазах людей здраво-

мыслящих; напротив, бедный и раб по состоянию – счастлив, если он украшен образованием и добродетелию. Как странники заблуждаются на дорогах (и гибнут), так погибают непекущиеся о добродетельной жизни, будучи увлекаемы пожеланиями.

11. Человекотворцем должно назвать того, кто успевает умягчить нрав необразованных и заставить их полюбить науки и образование. Равным образом и тех, кои людей невоздержной жизни приводят к жизни добродетельной и Богоугодной, тоже должно считать человекотворцами, потому что они будто воссозидают людей. Кротость и воздержание суть счастие и благая надежда для душ человеческих.

12. По истине должно людям надлежащим образом устроять свою жизнь и нравы. Когда это будет исправлено, тогда удобно познается и Бог. От всего сердца и со всею верою чтущий Бога промыслительно получает от Него помощь к укрощению гнева и похоти. Похоть же и гнев суть причина всех зол.

13. Человеком должно называть или того кто умен (по первому пункту), или того кто принялся исправлять себя. Неисправного не должно называть человеком; потому что это (т. е. неисправимость) есть дело не человеческое. От таковых должно бегать. Сживающиеся со злом никогда не будут в числе бессмертных (т. е. блаженным бессмертием).

14. Только самым делом качествующая в нас умность (по первому пункту) делает нас достойными называться людьми; не имея же такой умности, мы разнимся от бессловесных одним расположением членов и даром слова. Итак, да познает разумный человек, что он бессмертен; и да возненавидит всякую срамную похоть, которая бывает для людей причиною смерти.

15. Как всякий художник показывает свое искусство тем, что обделывает в прекрасные формы взятое им надлежащее вещество, как то: один дерево, другой медь, иной золото и серебро, так и нам должно показывать, что мы люди, не тем, что так устроены телесно, но тем, что истинно умны в душе, – тем, что покорствуем закону благожития, т. е. добродетельной и богоугодной жизни. Истинно умная и боголюбивая душа знает все, чему как следует быть в жизни, и Бога любительно умилостивляет, и благодарит Его искренно, к Нему устремляясь всем желанием и всею мыслию.

16. Как кормчие осмотрительно направляют корабль вперед, чтобы не наткнуться на подводный камень или скалу какую, так и ревнующие о добродетельной жизни пусть тщательно рассматривают, что им должно делать и чего убегать, полезным для себя почитая только то, что внушают истинные и Божественные законы, отсекая от души лукавые помышления.

17. Как кормчие и кучера, при сообразительности и старании, успевают быть исправными в своем деле, так и тем, кои ревнуют о правой

добродетельной жизни, должно внимательно соображать и заботиться о том, как бы пожить достодолжно и богоугодно: ибо хотящий сего и убедившийся в возможности для него достигнуть желаемого, верою достигает нетления (чистой жизни).

18. Свободными почитай не тех, кои свободны по состоянию, но тех, кои свободны по жизни и нравам. Не должно, например, называть истинно свободными знатных и богатых, когда они злы и невоздержны, потому что такие суть рабы чувственных страстей. Свободу и блаженство души составляют настоящая чистота и презрение привременного.

19. Напоминай себе, что непрестанно должно являть себя умным, но являть доброю жизнию и самыми делами. Так и больные находят и признают врачей спасителями и благодетелями не по словам, а по делам.

20. Чья душа действительно умна и добродетельна, – это обнаруживается во взоре, поступи, голосе, улыбке, разговорах и обращении. В ней все изменилось и приняло благообразнейший вид. Боголюбивый ум ее, как бодренный привратник, затворяет входы для злых и срамных помышлений.

21. Рассмотри окружающее тебя и знай, что начальники и владыки имеют власть над телом только, а не над душою, – и всегда содержи сие в мысли своей. Почему, когда они приказывают, например, убить, или другое что сделать неуместное, неправедное и душевредное, не должно их слушать, хотя бы они мучили тело. Бог создал душу свободною и самовластною, и она вольна поступать как хочет, – хорошо или худо.

22. Умная душа старается избавиться от беспутства, надмения, гордыни, обольщения, зависти, хищения и подобного, каковые дела суть (дела) демонов и злого произволения. Все же то, при заботливом старании и внимательном обдумывании, успевает совершить человек, у которого пожелание не устремляется к низким удовольствиям.

23. Те, кои проводят жизнь в малых и невысоких подвигах, и опасностей избавляются, и не имеют нужды в особенных предосторожностях. Побеждая же во всем пожелания, они удобно обретают путь, к Богу ведущий.

24. Умным людям не нужно слушать всякого рода беседы, но только те, кои приносят пользу, кои ведут к познанию воли Божией; ибо она есть путь, коим люди опять возвращаются к жизни и свету вечному.

25. Тем, кои стараются жить добродетельно и боголюбиво, надобно отстать от самомнения и всякой пустой и ложной славы, и стараться о добром исправлении жизни и сердца. Боголюбивый и непеременчивый ум есть руководство и путь к Богу.

26. Никакой нет пользы изучать науки, если душа не будет иметь доброй и богоугодной жизни. Причина же всех зол есть заблуждение, прелесть и неведение Бога.

27. Углубленное размышление о доброй жизни и попечение о душе производят добрых и боголюбивых мужей. Ищущий Бога обретает Его, побеждая всякое похотение непрестанною к Нему молитвою. Таковый не боится демонов.

28. Обольщающиеся земными благами и знающие все до слова, что должно делать проводящим добрую жизнь, походят на тех, кои приобрели лекарства и врачебные орудия, а пользоваться ими не умеют и даже не заботятся о том. Посему в соделанных нами грехах не будем винить ни рождения нашего, ни другого кого, а только себя самих; ибо если душа самоохотно предается разленению, то не может быть не побеждаемою.

29. Тому, кто не умеет различить, что добро и что зло, не пристало судить, кто добр и кто зол из людей. Человек, знающий Бога, – добр; а когда он не добр, то значит не знает (Бога) и никогда не будет познан (от Него): ибо единственный способ к познанию Бога есть доброта.

30. Добрые и боголюбивые мужи обличают в чем-либо худом людей, когда они есть налицо, а отсутствующих не только не укоряют сами, но и тем, кои покушаются говорить что-либо о них, не позволяют того.

31. В собеседованиях не должно быть никакой грубости: ибо умных людей обыкновенно украшают скромность и целомудрие более, чем дев. Боголюбивый ум есть свет, осиявающий душу, как солнце – тело.

32. При каждой из душевных страстей, восстающих на тебя, помни, что те, которые право мудрствуют и желают постановить касающееся их (свою участь) на должном и прочном основании, считают для себя усладительным не приобретение тленного богатства, а истинную славу (на небесах). Вот что соделовает их блаженными. Богатство и окрадывается и бывает отнимаемо сильнейшими, а добродетель душевная – одна есть стяжание безопасное и некрадомое, и при том такое, которое по смерти спасает стяжателей своих. Тех, кои так рассуждают, не увлекает призрачный блеск богатства и других утех.

33. Непостоянным и необученным не следует испытывать умных мужей. Умен тот, кто Богу угождает и больше молчит, или, если говорит, то говорит немного – и только нужное и Богу угодное.

34. Стремящиеся к добродетельной и боголюбивой жизни ревнуют о добродетелях душевных как о таком стяжании, которое составляет неотъемлемую их собственность и вечное утешение. Привременным же пользуются они лишь столько, сколько нужно и как дает и хочет Бог, употребляя его с веселием и всяким благодарением, хотя бы то было и очень умеренно. Ибо богатый стол питает тела, как вещественные, а познание Бога, воздержание, благость, благотворение, благочестие и кротость – обожают душу.

35. Властители, которые принуждают делать неуместные и душевредные дела, не господствуют над душою, которая создана самовластною. Они вяжут тело, но не произволение, которого господином пребывает умный человек по дару Создателя своего, сильнейшего всякой власти и принуждения и всякой силы.

36. Почитающие несчастием потерю денег, или детей, или рабов, или другого имущества да ведают, что, во-первых, должно быть довольными тем, что подает Бог; а потом, когда потребуется отдавать, то (обратно) с готовностию и благодушием, не муча себя скорбию по причине лишения того, или лучше, обратного возвращения: подобно тем, кои попользовавшись не своим, опять отдают то обратно.

37. Дело человека хороших качеств не продавать свободу свою ради приобретения богатства, хотя бы достающееся ему было очень значительно. Ибо сну подобны житейские блага, и богатство имеет только призрачный блеск, неверный и маловременный.

38. Люди с истинно-человеческими достоинствами (по значению вышеизложенному) должны столько стараться о боголюбивой и добродетельной жизни, чтоб их добродетельная жизнь сияла между другими людьми, подобно тому как малая порфира, набрасываемая поверх белых одежд в украшение им, выдается и всем заметна бывает. Ибо таким образом надежнее будет их ревность о душевных добродетелях.

39. Благоразумным людям должно осматривать свою силу (рать) и держать в строю находящиеся в душе добродетели, чтоб таким образом быть всегда готовыми воспротивиться нападающим страстям, с сущею в душе их силою (ратию добродетелей), естественно дарованною им от Бога. Таковы суть: против красоты и всякой душевредной похоти – воздержание; против нужды и бедности – терпение; против досаждения и гнева – незлобие и подобное сим.

40. Добрым и мудрым человеком вдруг сделаться нельзя; но сие достигается внимательным обсуждением, упражнением, опытом, продолжительным подвигом и (главное) сильным желанием доброго дела. Добрый и боголюбивый человек, истинно познавший Бога, покоя себе не дает, делая все без исключения угодное Богу. Но такие мужи редко встречаются.

41. Людям, не имеющих природных к добру расположений, не следует в отчаянии о себе, опустив руки, небречь о боголюбивой и добродетельной жизни, как бы она ни была недоступна и недостижима для них; но должно и им подумать, и посильное приложить попечение о себе. Ибо хотя и не возмогут они достигнуть верха добродетели и совершенства, но всячески думая о себе и заботясь, они или сделаются лучшими, или, по крайней мере, не станут худшими – и это немалая польза для души.

42. Человек по уму соприкасается с неизреченною Божественною силою, а по телу имеет сродство с животными. Но немного таких, которые, как настоящие люди, умные, стараются обращать мысль к Богу и Спасителю и иметь с Ним сродство, и это показывают делами и добродетельною жизнию. Большая же часть людей, несмысленные душою, оставив то Божественное и бессмертное всыновление, склоняются к мертвому, бедному и маловременному сродству с телами, и, как бессловесные, мудрствуя только о плотском и похотию разжигаясь, отлучают сами себя от Бога, и душу с неба низводят в пропасть плотских мучений.

43. Муж умный, помышляя о сопребывании и общении с Божеством, никогда не прилепится ни к чему земному или низкому, но устремляет ум свой к небесному и вечному, зная, что воля Божия – сия вина всякого добра и источник вечных благ для людей, – есть та, чтоб человек спасся.

44. Когда встретишь человека, который, любя спорить, вступает с тобою в борьбу против истины и очевидности, то, прекратив спор, уклонись от него, совсем окаменевшего умом. Ибо как дрянная вода делает ни к чему не гожими самые лучшие вина, так и злые беседы растлевают людей добродетельных по жизни и нраву.

45. Если мы употребляем все старание и все средства для избежания смерти телесной, то тем паче должны стараться избежать смерти душевной: ибо кто хочет спастися, тому нет к тому никакого препятствия, – разве только нерадение и разленение души.

46. О тех, которые не любят узнавать, что им полезно и что должно почитать добром, можно сказать, что они не в добром здоровьи; у тех же, кои, познав истину, бесстыдно спорят против нее, умерщвлена разумность: нрав их сделался скотским, не знают они Бога, и душа их не озарена светом.

47. Разные роды животных произвел Бог словом Своим для нашей пользы: одних для употребления в пищу, других для служения. А человека создал Бог, чтобы он был зрителем и благодарным истолкователем Его дел. Об этом и надобно стараться людям, чтобы иначе не умереть им не узревши и не уразумевши Бога и дел Его, подобно животным бессловесным. Ведать надлежит человеку, что Бог все может. Тому же, кто все может, никто не может противиться. Как из не сущего все, что ни восхотел, сотворил Он словом Своим, так (и ныне) все творит во спасение людей.

48. Небесные существа бессмертны, по сущей в них доброте; а земные стали смертными, по причине находящегося в них самопроизвольного зла, которое у неразумных умножается от разленения их и неведения Бога.

49. Смерть для людей, кои понимают ее, есть бессмертие; а для простецов, не понимающих ее, есть смерть. И этой смерти не следует боять-

ся, а (бояться надобно) погибели душевной, которая есть неведение Бога. Вот что ужасно для души!

50. Грех нашел себе опору в вещественном, и тело стало седалищем его. Но умная душа, поняв сие, свергает с себя бремя вещественного, и, возникнув из-под сего бремени, познает Бога всяческих и внимательно смотрит за телом как за врагом и противоборцем, не доверяя ему. И таким образом душа, победивши злые страсти и вещество, венчается от Бога.

51. Грех, быв понят душою, ненавидим бывает ею, как зверь зловоннейший; непонятый же он бывает и любим непонимающим его, и порабощая любителя своего, держит его в плену у себя. А он несчастный и бедный не видит, что для него спасительно, даже не думает о том; но полагая, что грех красит его, рад ему.

52. Чистая душа, будучи добротна, освящается и осиявается Богом, и тогда ум помышляет о добром и рождает боголюбивые намерения и дела. Но когда душа осквернится грехом, тогда Бог отвращается от нее, или лучше – сама душа отделяет себя от Бога, и лукавые демоны, вошедши в помысл, внушают душе неподобные дела: прелюбодеяния, убийства, хищения и подобные сим демонские злые деяния.

53. Ведающие Бога исполнены бывают всякими благими помышлениями и, вожделевая небесного, презирают житейское. Но таковые не многим нравятся; так что за это они не только бывают ненавидимы, но и подвергаются поруганию многими из несмысленных. Они готовы терпеть крайнюю бедность, зная, что кажущееся для многих злом для них есть добро. Кто помышляет о небесном, тот верует Богу и знает, что все творения суть дело воли Его, а кто не помышляет о том, тот не верит никогда, что мир есть дело Божие и сотворен для спасения человека.

54. Исполненные греха и упивающиеся невежеством не знают Бога, ибо не трезвенствуют они душою; Бог же умствен (т. е. трезвенным умом только может быть познаваем). Он хотя невидим, но очень явствен в видимом, как душа в теле. Как телу нельзя жить без души, так все видимое и существующее не может стоять без Бога.

55. Для чего создан человек? Для того, чтобы, познавая творения Божии, он зрел Самого Бога и прославлял Создавшего их для человека; ум, любовию к Богу прилепленный (боголюбец и боголюбезный), есть невидимое благо, от Бога даруемое достойным за добрую жизнь.

56. Свободен тот, кто не рабствует сластям (чувственным удовольствиям), но господствует над телом посредством рассуждения и целомудрия, и с полною благодарностию довольствуется тем, что подает ему Бог, хотя бы то было очень умеренно. Когда боголюбивый ум и душа войдут в согласие между собою, тогда тело смирно и не хотя, ибо тогда душа действием ума погашает всякое плотское движение.

57. Не довольствующиеся тем, что есть у них для поддержания жизни, но домогающиеся большего, порабощают себя страстям, мятущим душу и влагающим в нее помыслы и мечтания все худшие и худшие, – что все нехорошо и что следовательно надо приобресть новое и лучшее. Как сверх меры длинные одежды мешают идти путешествующим, так и желание имущества сверх меры не дает душе подвизаться и спастись.

58. В чем кто находится поневоле и неохотно, то для него есть темница и казнь. Итак, будь доволен тем, что есть у тебя; иначе, перенося (это состояние свое) без благодарения (с недовольством, неохотно), ты будешь тираном для себя самого, не сознавая того. Но путь к сему один – презрение житейских благ.

59. Как зрение имеем мы от Бога для того, чтоб распознавать видимое, – что бело и что цвету черного; так и разум дарован нам от Бога для того, чтоб различать, что душе полезно (и что вредно). – Пожелание, отвергаясь от рассудка, рождает пристрастие к чувственным удовольствиям, а это не дает душе спастися, или вступить в общение с Богом.

60. Не то грех, что делается по закону естества, но то, когда по произволению делают что худое. Вкушать пищу не есть грех, но грех вкушать ее без благодарения, неблагоговейно и невоздержно; не грех просто смотреть, но грех смотреть завистливо, гордо, ненасытно; не грех слушать мирно, но грех слушать с гневом; не грех заставлять язык благодарить и молиться, но грех позволять ему клеветать и осуждать; не грех утруждать руки милостынеподаянием, но грех позволять хищение и убийство. Так каждый член грешит, когда по нашему свободному произволению делает злое вместо доброго, в противность воле Божией.

61. Если сомневаешься, что каждое дело твое видимо бывает Богом, то рассуди, что и ты – человек и прах – зараз в одно и то же время можешь мысленно обзирать все известные тебе места и помышлять о них: не тем ли паче все видит, как зерно горчичное, Бог, все животворящий и питающий по Своему хотению.

62. Когда затворишь дверь жилища твоего и останешься один, ведай, что тебе соприсущ определенный от Бога каждому человеку Ангел, которого Еллины называют домашним духом. Он не дремлющ, и всегда будучи при тебе, все видит. Его обмануть нельзя, и тьма не скрывает от него. Вместе с ним сознавай и Бога во всяком месте присущим. Ибо нет места или вещества какого, где бы не было Бога, Который больше всех и все содержит в руке Своей.

63. Если воины хранят верность царю ради того, что от него доставляется им пища; во сколько больше мы должны стараться, благодаря Бога немолчными устами, непрестанно угождать Ему, все создавшему для человека?

64. Благодарность Богу и добрая жизнь есть угодный Богу плод от человека. По как плоды земные не в один час созревают, а требуют вре-

мени, дождя и ухода, так и плоды человеческие требуют подвига, рассуждения, времени пождания, воздержания, терпения, пока явятся во всем блеске своем. Впрочем, если ради них покажешься ты иногда кому-либо мужем благоговейным, не верь себе, пока находишься в теле сем, и ничего своего не считай вполне угодным Богу. Ибо знай, что неудобно (трудно) человеку до конца сохранить безгрешность.

65. У людей ничего нет честнее слова. Слово столь важно, что словом и благодарением мы Бога чтим. Употребляя слова непотребные или бесчестные, обличаем непотребство души своей.

Несмысленному человеку свойственно за грехи свои винить рождение свое или другое что, когда самопроизвольно употребляет он худое слово или делает недоброе дело.

66. Если стараемся мы врачевать иные телесные болезни ради того, чтоб не смеялись над нами те, с кем случается нам быть; то гораздо более необходимо нам со всею заботою постараться уврачевать болезни душевные, чтоб не оказаться бесчестными и осмеяния достойными пред Богом, пред лицом Коего имеем суд прияти. Ибо имея самовластие, мы можем, если захотим, не делать худых дел даже тогда, как вожделеваем их; в нашей также власти есть жить благоугодно Богу, и никто нас не принудит никогда сделать что-либо худое, если не хотим. Так подвизаясь, мы будем людьми Бога достойными, живя как Ангелы на небе.

67. Если хочешь, можешь быть рабом страстей, и если хочешь, можешь остаться свободным, не подклоняясь под иго страстей: ибо Бог создал тебя самовластным. Побеждающий страсти плотские венчается нетлением. Если б не было страстей, не было бы и добродетелей, ни венцов, даруемых от Бога людям достойным.

68. Не видящие, что для них полезно, и не знающие, что добро, слепотствуют душою и рассудок их ослеп. Не должно смотреть на них, чтоб тому же по необходимости не подвергнуться и нам непредвиденно, как слепым.

69. На согрешающих не должно гневаться, хотя бы совершаемые ими проступки были достойны наказания. Виновных, ради самой правды, должно обращать (на путь истинный) и наказывать, если потребуется, или самим, или чрез других, а гневаться на них или серчать не следует, потому что гнев действует только по страсти, а не по суду и правде. Не должно одобрять тех, кои сверх должной меры милостивы, но и наказывать злых должно ради самого добра и правды, а не ради собственной страсти гнева.

70. Одно только душевное стяжание безопасно и некрадомо; есть же оно – добродетельная и богоугодная жизнь, ведение и творение добрых дел. Богатство есть слепой руководитель и советник несмысленный. Тот, кто употребляет богатство худо, в свое только удовольствие, губит обуморенную душу свою.

71. Людям надобно или совсем не приобретать ничего излишнего, или, имея то, быть твердо уверенными, что все житейское по естеству тленно, может быть отнято, потеряно и разрушено, и что потому, когда случится что, не должно малодушествовать.

72. Знай, что телесные болезни естественно свойственны телу как тленному и вещественному. Итак, в случае таких болезней, душе обученной (добру) должно с благодарностию показывать мужество и терпение, и не укорять Бога, зачем создал тело.

73. Подвизающиеся на олимпийских играх увенчиваются не тогда, как победят одного, или другого, или третьего; но когда победят всех, вступающих с ними в состязание. Так и всякому, желающему быть увенчану от Бога, надобно обучать душу свою целомудрствовать не только в отношении к телесным страстям, но и тогда, как бывает искушаем корыстолюбием, желанием похитить чужое, завистию, сластолюбием, тщеславием, укорами, опасностями смерти и подобным сему.

74. Будем ревновать о доброй и боголюбивой жизни не ради человеческой похвалы; но изберем добродетельную жизнь ради спасения души; ибо каждодневно видится смерть пред глазами нашими, – и все человеческое ненадежно.

75. В нашей власти жить целомудренно, но сделаться богатым не в нашей власти. Итак, что же? Не должно ли осуждать душу нашу за желание маловременного и призрачного блеска богатства, которого стяжать не имеем власти? О, как неразумно поступаем мы, желая все богатства! Не знаем разве, что выше всех добродетелей есть смиренномудрие, как больше всех страстей есть чревоугодие и ненасытное желание житейских благ.

76. Помнить непрестанно должно людям рассудительным, что подъемля в жизни сей небольшие и маловременные труды, после смерти получим мы величайшее утешение и блаженство вечное. – Борющийся с страстьми и желающий быть увенчанным от Бога, если падет, да не малодушествует и не остается в падении сем, отчаиваясь в себе; но восстав опять пусть борется и заботится получить венец, до последнего издыхания восставая от случающихся падений. Телесные труды суть орудия добродетелей и спасительны для души.

77. Лишение житейских удобств людей мужественных и борцев соделовает достойными венцов от Бога. Итак, должно в жизни сей умертвить уды свои для всего житейского: ибо мертвый не будет уже заботиться ни о чем житейском.

78. Душе умной и подвизающейся не должно тотчас падать духом и устрашаться, когда случится что скорбное, чтоб не быть осмеянною за боязливость. Душа, увлекаемая житейским блеском, выходит из своего чина. Душевные добродетели делают нас достойными вечных благ, а самопроизвольные грехи человеческие суть причина вечных мучений.

79. Умный человек борим бывает страстьми душевными чрез чувства (телесные), кои есть у разумных тварей. Телесных чувств пять: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Чрез сии пять чувств подпадая четырем своим собственным страстям, бедная душа берется в плен. Эти четыре страсти душевные суть, – тщеславие, жажда утех, гнев и страх. Но когда человек с мудростию и рассуждением, хорошо повоевавши, одолеет и победит страсти, тогда уже не бывает борим, но мирствует душою и увенчивается от Бога как победитель.

80. Из останавливающихся в гостиницах некоторые получают постели, а другие, не имея постели, на полу ложатся и засыпают так же крепко, как и те, кои спят на постелях. Дождавшись конца ночи, утром те и другие оставляют постели и равно все выходят из гостиницы, неся с собою только свое собственное. Таким же образом и все шествующие путем жизни сей, – и те, кои жили в умеренном состоянии, и те, кои пожили в славе и богатстве, – выходят из жизни сей, как из гостиницы, не беря с собою ничего из сластей житейских и богатства, а одни только собственные дела свои, соделанные ими в жизни сей, – добрые ли то, или злые.

81. Имея большую власть, не грози сразу кому-либо смертию, зная, что по естеству и ты подлежишь смерти, и что всякая душа, как последнюю одежду, – скидает с себя тело свое. Разумея сие ясно, подвизайся быть кротким, делая добро, благодари всегда Бога. Кто немилостив, тот не имеет добродетели в себе.

82. Смерти избежать невозможно и нет способов. Зная сие, истинно умные люди, опытно навыкшие добродетелям и боголюбивому помыслу, встречают смерть без стенаний, страха и плача, имея в мысли, что она, с одной стороны, неизбежна, а с другой, – избавляет от зол, каким подвергаемся мы в жизни сей.

83. Забывших добрую и богоугодную жизнь и мудрствующих не по правым и боголюбивым догматам не должно ненавидеть, а более жалеть как оскудевших рассуждением и слепотствующих сердцем и разумом: ибо принимая зло за добро, они гибнут от неведения. И Бога не знают они, треокаянные и несмысленные душою.

84. Не со всяким веди беседы о благочестии и добром житии. Не по зависти говорю так, но потому, что пред неразумнейшим покажешься ты, думается мне, смешным. Подобное подобному сочувствует, а для таких бесед немного слушателей, или вернее, они очень редки. Лучше потому не говорить, ибо не этого хочет Бог для спасения человека.

85. Душа состраждет телу, а тело не состраждет душе. Так, когда тело рассекают, страдает с ним и душа, и когда тело крепко и здорово, соуслуждаются тем и чувства душевные. – Но когда душа раздумывает (раскаивается), не раздумывает (не раскаивается) вместе с нею и тело, а пребывает само по себе, оставаясь позади (не двигаясь): ибо раздумыва-

ние (раскаяние) есть болезненное чувство души; равно как – неведение, гордость, неверие, любостяжание, ненависть, зависть, гнев, малодушие, тщеславие, честолюбие, несогласие, нечувствие добра и подобное, – душою производятся.

86. Помышляя о Боге, будь благочестив, независтлив, добр, цело-мудр, кроток, щедр по силе, общителен, неспорлив, и подобное: ибо всем этим угождать Богу есть некрадомое богатство души, а также не осуждать никого, или ни о ком не говорить, что он-де нехорош, согрешил, но лучше разыскивать свои худые дела и свою жизнь рассматривать с самим собою, – угодна ли она Богу. Какое нам дело до того, что другой кто нехорош?

87. Истинный человек старается быть благочестивым. Благочестив тот, кто не желает чуждого ему; чуждо же человеку все сотворенное. Итак, презри все, так как ты образ Божий. Образом Божиим бывает человек, когда живет право и богоугодно, а этому быть невозможно, если не отстанет человек от всего страстного. У кого ум боголюбив, тот искусен во всем, что спасительно для души, и во всяком благоговеинстве, требуемом от него. Боголюбивый муж не укоряет никого другого, потому что знает, что и сам согрешает, и это есть признак души спасающейся.

88. Те, кои с усилием стараются иметь временное стяжание и, забыв о смерти и погибели души своей, любят вожделение злых дел, а о том, что спасительно для них, не заботятся, не представляют, бедные, что претерпевают люди от зла по смерти.

89. Бог не есть виновник зла. Он даровал человеку разум, способность различать добро и зло и самовластие; злые же страсти рождаются уже от нерадения и беспечности людей. Отнюдь не виновен в них Бог. По свободному выбору воли демоны сделались злыми, равно как и большая часть людей.

90. Человек, благочестиво живущий, не попускает злу войти в душу. А когда нет в душе зла, тогда она бывает безопасна и невредима. Над таковыми ни злобный демон, ни случайности не имеют власти. Бог избавляет их от зол, и живут они невредимо хранимы, как богоподобные. Похвалит ли кто такового человека, он в себе самом посмевается над хвалящими его; обесславит ли, он сам не защищается пред поносящими его, и не негодует за то, что так говорят они о нем.

91. Зло приражается к естеству, как ржавчина к меди, и грязнота к телу. Но как не медник произвел ржавчину и не родители грязноту; так не Бог произвел зло. Он даровал человеку совесть и разум, чтоб избегал зла, зная, что оно вредно для него и готовит ему муку. Смотри же внимательно, увидев какого счастливца в силе и богатстве, ни под каким видом не ублажай его, прельщен будучи демоном. Но тотчас смерть да

будет у тебя пред глазами; и никогда не возжелаешь ты ничего худого или житейского.

92. Бог наш тем, кои на небе, даровал бессмертие, а тех, кои на земле, создал подлежащими изменению; всему (прочему) даровал жизнь и движение, – и все для человека. Итак, да не увлекают тебя житейские прелести, когда диавол будет влагать злые помышления в душу твою; но тотчас вспомни о небесных благах и скажи себе самому: если захочу, в моей состоит власти победить и это восстание страсти; но я не побежду, если захочу удовлетворить моему желанию. Таким-то подвизайся подвигом, могущим спасти душу твою.

93. Жизнь есть соединение и сочетание ума (духа), души и тела; а смерть есть не погибель этих сочетанных (частей), а расторжение их союза; все это Бог хранит и по расторжении.

94. Ум не есть душа, но дар Божий, спасающий душу. Богоугодный ум течет впереди души и советует ей презреть временное, вещественное и тленное, а возлюбить блага вечные, нетленные и невещественные, так чтоб человек, живя в теле, умом представлял и созерцал небесное и Божественное. Таким образом ум боголюбивый есть благодетель и спаситель человеческой души.

95. Душа, поблажая телу, омрачается удовольствием и погибает, Боголюбивый ум действует противно сему: он причиняет скорбь телу и спасает душу, как врач, рассекающий и жгущий тела.

96. Те души, которые не обуздываются разумом и не управляются умом, который бы остепенял, удерживал и направлял (куда следует) страсти их, т. е. скорбь и удовольствие, – такие души погибают, как неразумные животные; потому что у них разум увлекаем бывает страстями, как кучер лошадьми, вышедшими у него из повиновения.

97. Величайшая болезнь души, крайняя беда и пагуба, – не знать Бога, все создавшего для человека и даровавшего ему ум и слово, коими, возносясь горе, может он вступать в общение с Богом, созерцая и прославляя Его.

98. Душа в теле, в душе – ум, в уме – слово, коими созерцаемый и прославляемый Бог обессмертивает душу, даруя ей нетление и наслаждение вечное. Ибо Бог всему сущему даровал бытие по единой Своей благости.

99. Бог, сотворив человека самовластным, как независтный (всещедрый) и благий, доставил ему возможность, если захочет, угождать Богу. Угодно же Богу то, чтоб в человеке не было зла. Ибо, если люди хвалят хорошие дела и добродетели святой и боголюбивой души, а дела срамные и злые осуждают, не тем ли паче Бог, хотящий спасения человеку?

100. Благо получает человек от Бога, как благого; а злу подвергается человек сам от себя, от сущего в нем зла, от похоти и нечувствия.

101. Безрассудная душа, по естеству бессмертная и госпожа тела, становится рабою тела из-за чувственных удовольствий, не разумея, что услаждение тела – пагуба душе. Но впадши в нечувствие и объюродевши, заботливо печется она о сем услаждении тела.

102. Бог благ, а человек зол. На небе нет зла, а на земле нет истинного блага. Но умный человек избирает лучшее: познает Бога всяческих, благодарит и воспевает Его; телом же гнушается прежде смерти и злым его чувствованиям (требованиям, желаниям) не позволяет приходить в исполнение, зная их пагубность и злое действие.

103. Грехолюбивый человек любит многостяжание; а о правде нерадит, не помышляя о неверности, непостоянстве и маловременности жизни, и не помня о неподкупности и неизбежности смерти. Если же и в старости кто бывает так срамен и несмыслен, – то он, как древо гнилое, негож ни на какое дело.

104. Удовольствие и радость чувствуем мы после того, как испытываем скорбное: ибо несладко пьет тот, кто не томился жаждою, несладко ест, кто не голодал, несладко засыпает, кого сильно не клонила дремота, не сильно чувствует радость, кто прежде не был в скорби: – так и вечными благами не насладимся мы, если не презрим маловременные.

105. Слово есть слуга ума. Что хочет ум, то и слово выражает.

106. Ум все видит, даже то, что на небе, и ничто не помрачает его, кроме одного греха. Для чистого же ничего нет неудобопонятного, как для слова его, – неизглаголанного.

107. По телу человек смертен, а по уму и слову – бессмертен. Молча ты умствуешь и, умствуя, говоришь в себе: ибо в молчании ум рождает слово. Благодарное же слово, Богу приносимое, есть спасение для человека.

108. Говорящий несмысленно не имеет ума; ибо говорит, ничего не думая. Но рассмотри, что полезно тебе делать для спасения души.

109. Слово умное и душеполезное есть дар Божий; напротив, слово пустопорожнее, хотящее определять меру и расстояние неба и земли, и величину солнца и звезд, есть изобретение человека, всуе трудящегося, который по пустому самомнению ищет того, что никакой ему не приносит пользы, как бы желая решетом зачерпнуть воды; ибо этого людям нет возможности найти.

110. Неба никто не видит, и того, что на нем, познать никто не может, кроме человека, ревнующего о добродетельной жизни, который ведает и прославляет Сотворшего оное (небо) во спасение и живот человеку. Таковый боголюбивый муж несомненно знает, что без Бога нет ничего, но что Он есть везде и во всем, яко Бог, ничем не ограниченный.

111. Как из матернего чрева выходит человек, так из тела душа выходит голою, и бывает иная чиста и светла, иная запятнана падениями, а иная черна от многих прегрешений. Почему умная и боголюбивая душа, поминая и рассуждая о бедах и крайностях послесмертных, живет бла-

гочестиво, чтоб не быть осужденною и не подвергнуться им. А неверующие не чувствуют и грешат, презирая имеющее быть там, безумные душою.

112. Как, исшедши из чрева, не помнишь того, что было в чреве; так, исшедши из тела, не помнишь того, что было в теле.

113. Как, из чрева исшедши, стал ты лучше и больше телом; так, исшедши из тела чистым и нескверным, будешь лучшим и нетленным, пребывая на небесах.

114. Как телу, когда совершенно разовьется во чреве, необходимо родиться; так душе, когда она достигнет положенного Богом предела ее жизни в теле, необходимо выйти из тела.

115. Как ты будешь относиться к душе, пока она в теле; так и она отнесется к тебе, вышедши из тела. Хорошо послуживший здесь телу своему, доставляя ему всякие утехи, худую сам себе оказал услугу по смерти (как известно из притчи о богатом и Лазаре); ибо подверг осуждению душу свою, как безрассудный.

116. Как тело, вышедшее из матерней утробы несовершенным, не может жить; так душа, исшедшая из тела, не достигнув боговидения чрез доброе житие, спастися, или быть в общении с Богом, не может.

117. Тело, соединяясь с душою, выходит на свет из мрака чрева; а душа, соединяясь с телом, заключается во мраке тела. Посему надобно не жалеть, а обуздывать тело, как врага и противоборца души; ибо множество яств и сласти возбуждают злые страсти в людях, воздержанное же чрево усмиряет страсти и спасает душу.

118. Орган зрения телесного – глаза, а орган зрения душевного – ум. Как тело, не имеющее очей, слепо; не видит солнца, освещающего всю землю и море, не может наслаждаться светом его: так душа, не имеющая благого ума и доброй жизни, слепа: – не ведает и не славит Бога, Творца и Благодетеля всех (тварей), и войти в наслаждение Его нетлением и вечными благами не может.

119. Неведение Бога – от нечувствия и безумия души: от сего неведения рождается зло; от боговедения же прибывает людям добро и спасает душу. Итак, если, пребывая в трезвении и боговедении, стараешься ты не исполнять своих пожеланий, то ум твой обращен на добродетели; если же, опьянев неведением Бога, в удовольствие свое стараешься исполнять злые пожелания свои, то погибнешь подобно бессловесным, не помня тех бед, какие имеют встретить тебя по смерти.

120. Дело промысла есть и то, что бывает по непреложному порядку, Богом для мира определенному, как например то, что солнце восходит и заходит каждодневно и земля приносит плоды. Все же человека ради сотворено.

121. Что Бог творит, как Благий, для человека творит; а что человек делает, то делает сам для себя, как доброе, так и злое. Чтоб не быть тебе в недоумении относительно благоденствия злых людей, знай, что как

города содержат палачей не потому, чтоб похваляли их злейшее произволение, но для того, чтоб посредством их наказывать достойных того; так и Бог попускает злым преобладать в житейском для того, чтоб чрез них наказывать нечестивых. После же их самих предает Он суду, потому что не Богу служа, а своей собственной злобе раболепно удовлетворяя, причиняли они людям зло.

122. Если б почитающие идолов знали и видели сердцем, что почитают, то не совратились бы с пути благочестия, несчастные; но созерцая красоту, чин и промысл во всем сотворенном и бывающем от Бога, познали бы Сотворившего все сие для человека.

123. Человек, будучи зол и неправеден, может убить; Бог же непрестанно дарует жизнь и недостойным. Будучи независтен (ко всем щедр) и благ по естеству, восхотел Он, чтоб был мир, и он стал быть и продолжает быть для человека и спасения его.

124. (Настоящий) человек есть тот, кто понял, что такое тело, – именно, что оно тленно и маловременно. Таковый и душу понимает (как следует) – именно, что она божественна и бессмертна, и, будучи вдуновением Бога, соединена с телом для испытания и восхождения к богоподобию. Понявший же душу как следует, живет право и богоугодно, не доверяя и не поблажая телу. Созерцая Бога умом своим, он зрит умно и вечные блага, даруемые Богом душе.

125. Бог, будучи благ и независтен (щедродателен), дал человеку свободу в отношении к добру и злу, одарив его разумом, чтоб, созерцая мир и что в мире, познавал он Сотворшего всяческая для человека. – Но человек неправедный может желать и не разуметь сего, может, к своему несчастию, не веровать и мыслить противно истине. Такую имеет человек свободу в отношении к добру и злу!

126. Таково Божие определение, чтоб, по мере возраста тела, душа исполнялась умом, – дабы человек из добра и зла избирал угодное уму (т. е. добро), душа же, не избирающая добра, не имеет ума. Почему хотя все тела имеют душу, но нельзя сказать, чтобы всякая душа имела ум. Ум боголюбивый бывает у целомудренных, преподобных, праведных, чистых и благих, милостивых и благочестивых. Присутствие ума бывает помощно человеку в его отношениях к Богу.

127. Одно только невозможно человеку – быть не смертну (миновать смерти). С Богом возыметь общение он может, если поймет, как сие возможно. Ибо при желании и понимании (дела) ради веры и любви, свидетельствуемой доброю жизнию, человек становится собеседником Богу.

128. Глаз видит видимое, а ум постигает невидимое. Боголюбивый ум есть свет души. У кого ум боголюбив, тот просвещен сердцем и зрит Бога умом своим.

129. Ни один добрый не срамен. Кто не добр, тот, конечно, и зол, телолюбив. Первоначальная добродетель человека есть презрение плоти.

Отрешение от благ привременных, тленных и вещественных, по произволению, а не по бедности, соделовает нас наследниками благ вечных и нетленных.

130. Кто имеет ум, тот знает о самом себе, что он есть, именно, – что он есть человек тленный. Себя же познавший знает и обо всем, что оно есть творение Божие и создано для спасения человека. Так все разуметь и право веровать состоит во власти человека. Таковый муж твердо знает, что презирающие житейские блага труд имеют очень небольшой, а утешение и покой вечные получают от Бога по смерти.

131. Как тело без души мертво, так душа без ума бездейственна (бесплодна) и Бога достоянием своим иметь не может.

132. Одного человека Бог слушает, одному человеку Бог является; ибо человеколюбив есть Бог, и где бы ни был человек, там есть и Бог; один человек есть достойный Бога поклонник; для человека Бог преображается.

133. Для человека создал Бог небо, украшаемое звездами, для человека создал Он землю, – и люди возделывают ее для себя. Не чувствующие такого Божия промышления – несмысленны душою.

134. Добро невидимо, как невидимо сущее на небе; а зло видимо, как видимо сущее на земле. Добро есть нечто сравнения не имеющее; человек же, имеющий ум, избирает добрейшее. Один человек способен познавать Бога и творения Его.

135. В душе действует ум, а в теле природа. Ум обожает душу, а природа разлагает тело. В каждом теле действует природа, но не в каждой душе бывает ум; почему не всякая душа спасается.

136. Душа есть в мире, как рожденная; а ум превыше мира, как нерожденный. Душа, понимающая, что есть мир, и желающая спастися, имеет неотложным законом – каждый час помышлять в самой себе, что вот ныне подвиг (смертный) и истязание (дел), на коем не стерпишь (взора) Судии, и что будто уж гибнет душа. Помышляя так, она хранит себя от ничтожных и срамных удовольствий.

137. На земле положены Богом рождение и смерть, а на небе полнота всего и неизменность. Все же сотворено для человека и спасения его. Не нуждающийся ни в каких благах, Бог для человека устроил небо, землю и стихии, доставляя ему чрез них всякое наслаждение благами.

138. Смертное подчинено бессмертному и служит ему, т. е. стихии человеку, по человеколюбию и существенной благости Создателя Бога.

139. Убогий, не имеющий сил вредить, не ставится в числе деятельно благочестивых. Но кто может причинить вред и не употребляет силы своей на зло, а щадит уничиженных по благочестию пред Богом, тот бывает причастником воздаяний благих и по смерти.

140. По человеколюбию создавшего нас Бога, ко спасению есть весьма много путей, обращающих души и возводящих их на небеса.

Души человеческие получают за добродетель награды, а за грехи – наказания.

141. Сын в Отце, Дух в Сыне, Отец в Обоих. Верою человек познает все невидимое и умопредставляемое. Вера же есть свободное убеждение души в том, что возвещается от Бога.

142. Как те, кои по каким-либо потребностям и обстоятельствам вынуждаемы бывают переплывать большие реки, если бывают трезвы, сохраняют жизнь; ибо хотя бы случилось сильное стремление вод, хотя бы даже зачерпнулась и вода лодкою, – они спасаются, ухватившись за что-либо, бывающее обычно при берегах; если же бывают пьяны, то хотя бы тьмократно покушались доплыть до края, будучи одолеваемы вином, погружаются в волнах и остаются вне круга живых: таким же образом, если и душа, впадши в волны и кружение течений жизни, сама не возникнет из-под плотолюбия и не познает самой себя, – именно, что она, будучи божественною и бессмертною, соединена с вещественным телом, маловерным, многострастным и смертным только на испытание, и позволит себе увлечься плотскими страстями на пагубу себе; то как презрительница себя самой, пьяная неведением и о себе не заботящаяся, погибает и остается вне круга спасаемых. Ибо тело, подобно реке, часто увлекает нас к непотребным удовольствиям.

143. Умная душа, стоя непоколебимо в своем добром намерении, как коня, обуздывает гнев и похоть – эти неразумнейшие свои страсти, и за то, что борется с ними, укрощая и преодолевая их, увенчивается и удостоивается пребывания на небесах, получая сие как воздаяние за посев и труды от создавшего ее Бога.

144. Истинно умная душа, смотря на счастие злых и благоденствие недостойных, не возмущается, помышляя о их наслаждениях в сей жизни, как это бывает с людьми безрассудными; ибо такая душа ясно знает и непостоянство счастия, и безвестность пребывания здесь, и маловременность жизни сей, и нелицеприятность суда, и верует, что Бог не небрежет о том, что необходимо для ее пропитания.

145. Жизнь плотская и наслаждение в жизни сей большим богатством и властию бывает смертию для души; напротив, труд, терпение, бедность с благодарением и умерщвление тела есть жизнь души и путь к вечному утешению.

146. Умная душа, презирая вещественное стяжание и маловременную жизнь, избирает утешение небесное и жизнь вечную, которую и получит от Бога за доброе житие.

147. Имеющие на себе замаранную одежду марают платье тех, кои прикасаются к ним. Таким же образом люди злые нравом и неисправные поведением, обращаясь с простейшими и говоря к ним неподобающие речи, как грязью, оскверняют душу их чрез слух.

148. Начало греха есть похоть, чрез которую погибает умная душа. Началом же спасения и Царствия Небесного бывает для души любовь.

149. Как медь, брошенная в небрежении и оставленная без должного о ней попечения, повреждается ржавчиною, появляющеюся на ней от долговременного лежания в связках и неупотребления в дело, и чрез то делается недобротною и непотребною: так и душа, в бездействии пребывающая и не заботящаяся о доброй жизни и обращении к Богу, злыми делами своими лишая себя покрова Божия, снедается злом, разраждающимся от такого нерадения в веществе тела, и чрез то является недобротною и негожею ко спасению.

150. Бог благ и бесстрастен и неизменен. Если кто, признавая благословным и истинным то, что Бог не изменяется, недоумевает однако ж, как Он (будучи таков) о добрых радуется, злых отвращается, на грешников гневается, а когда они каются, является милостив к ним; то на сие надобно сказать, что Бог не радуется и не гневается: ибо радость и гнев суть страсти. Нелепо думать, чтоб Божеству было хорошо или худо из-за дел человеческих. Бог благ и только благое творит, вредить же никому не вредит, пребывая всегда одинаковым; а мы, когда бываем добры, то вступаем в общение с Богом, по сходству с Ним, а когда становимся злыми, то отделяемся от Бога, по несходству с Ним. Живя добродетельно, мы бываем Божиими, а делаясь злыми, становимся отверженными от Него; а сие не то значит, чтобы Он гнев имел на нас, но то, что грехи наши не попускают Богу воссиять в нас, с демонами же мучителями соединяют. Если потом молитвами и благотворениями снискиваем мы разрешение во грехах: то это не то значит, что Бога мы ублажили и Его переменили, но что посредством таких действий и обращения нашего к Богу уврачевав сущее в нас зло, опять соделоваемся мы способными вкушать Божию благость; так что сказать: Бог отвращается от злых, есть то же, что сказать: солнце скрывается от лишенных зрения.

151. Благочестивая душа знает Бога всяческих: ибо быть благочестивым есть не что иное, как исполнять волю Божию, а это и значит знать Бога, т. е. когда старается кто быть независтливым, целомудренным, кротким, щедрым по силе, общительным, не любопрительным и делать все, что угодно воле Божией.

152. Ведение Бога и страх Божий суть врачевство против страстей плоти. Почему когда в душе есть неведение Бога, тогда страсти, оставаясь неисцеленными, портят душу. Она тогда растлевается от живущего в ней зла, как от долговременного вреда. Но Бог не виновен в этом, потому что Он даровал людям ведение и разум.

153. Бог исполнил человека ведением и разумом, стараясь очистить страсти и самопроизвольное зло и по Своей благости желая преложить смертное в бессмертие.

154. Ум, находящийся в чистой и боголюбивой душе, истинно зрит Бога – нерожденного, невидимого, неизглаголанного – Единого Чистого для чистых сердец.

155. Венец нетления, добродетель и спасение человека есть благодарно переносить несчастие. Обуздание же гнева, языка, чрева и сластолюбия весьма великою бывает помощию для души.

156. То, чем держится мир, есть промышление Божие, и нет ни одного места, которого не касалось бы сие промышление. Промышление же есть самосовершительное Слово Божие, образователь входящего в состав мира сего вещества, Устроитель и Художник всего бывающего. Никак не возможно веществу принять прекрасное устройство без рассудительной силы слова, которое есть образ, ум, мудрость и промышление Божие.

157. Возбуждаемая воспоминанием похоть есть корень страстей, родственных тьме. Находясь в сем похотном воспоминании, душа не знает о себе, что она есть вдуновение Бога, и бросается на грех, не помышляя о крайней беде, в какой будет находиться по смерти, – безумная.

158. Самая большая и неисцельная болезнь души и пагуба ее есть богозабвение и тщеславие. Похотение зла есть лишение блага; благо же наше состоит в том, чтоб охотно делать всякое добро, которое угодно Богу всяческих.

159. Один человек способен принимать Бога. Ибо с этою одною живою тварию беседует Бог, ночью чрез сновидения, а днем чрез ум, и всячески предсказывает и предзнаменует Он достойным Его людям будущие блага.

160. Для верующего и желающего нисколько не трудно познать Бога. Если же хочешь зреть Его, смотри на благоустройство всего и промышление о всем, что было и бывает словом Его. – И все это для человека.

161. Святым называется тот, кто чист от зла и грехов. Почему величайшее совершенство души и дело весьма Богу угодное есть то, когда нет зла в человеке.

162. Имя есть означение одного из числа многих (нарицательное). Но неразумно думать, чтоб Бог, Который есть Един и единствен, имел соименных Себе: ибо слово Бог означает безначального, все сотворшего для человека.

163. Если сознаешь за собою худые дела, отсеки их от души твоей, в чаянии благ: ибо Бог праведен и человеколюбив.

164. Знает Бога и знаем бывает от Бога тот человек, который старается быть всегда неотлучным от Бога; неотлучным же от Бога бывает человек добрый во всем и воздерживающийся от всякого чувственного удовольствия не по недостатку средств к тому, а по своей воле и свободной воздержности.

165. Благодаря тому, кто обижает тебя, и Бога будешь иметь другом. Никому не наговаривай на врага своего. Подвизайся в любви, в целомудрии, в терпении, в воздержании и подобном; ибо то и есть познание

Бога, чтоб посредством смиренномудрия и подобных добродетелей последовать Богу. Но такие дела не всякому свойственны, а только душе умной.

166. Против тех, кои дерзают говорить, что растения и травы имеют душу, написал я сию главу к сведению для простейших. Растения имеют жизнь физическую, но души не имеют. Человек называется разумным животным, потому что имеет ум и способен приобретать познания. Прочие же животные – земные и воздушные, у которых есть голос, имеют дыхание и душу. Все растущее и умаляющееся можно назвать живым потому, что живет и растет, но нельзя сказать, чтоб все такое имело душу. Живых существ четыре различных вида: одни из них бессмертны и воодушевлены, каковы Ангелы; другие имеют ум, душу и дыхание, каковы люди; иные имеют дыхание и душу, – каковы животные; а иные имеют только жизнь, – каковы растения. Жизнь в растениях держится и без души, и без дыхания, и без ума и бессмертия; но и прочее все без жизни быть не может. Всякая человеческая душа есть приснодвижна.

167. Когда восприимешь мечтание о каком-либо чувственном удовольствии, поберегись, чтоб не быть тотчас увлечену им; но несколько отстранив его, вспомни о смерти и помысли, сколько лучше сознать себя тогда победившим эту прелесть сластолюбия.

168. Бог приличнейшим образом положил преграду злу в людях тем, что даровал им ум, ведение, разум и различение добра, чтобы, познавая зло, что оно вредит нам, мы убегали его. Но безумный человек идет вслед зла, и даже величается им, и как бы в сеть попавшись, бьется он, будучи опутан им внутрь и не имея сил возникнуть когда-либо из-под него, чтоб увидеть и познать Бога, все создавшего во спасение и обожение людей.

169. Смертные должны заботиться о себе, зная наперед, что их ожидает смерть. Ибо блаженное бессмертие бывает уделом преподобной души, когда бывает доброю, и смерть вечная сретает ее, когда она бывает злою.

170. Когда склоняешься на свое ложе, со благодарением воспоминай в себе благодеяния и Промысл Божий. Тогда, исполненный этим благим помышлением, ты полно возвеселишься духом и будет для тебя сон тела трезвением души, смежение очей твоих – истинным видением Бога, и молчание твое, будучи преисполнено чувством блага, от всей души и силы воздаст восходящую горе – сердечную славу Богу всяческих. Ибо когда нет зла в человеке, тогда благодарение и одно, паче всякой многоценной жертвы, – приятно Богу. Емуже слава во веки веков. Аминь.

Святой Марк Подвижник

Сведения о жизни и писаниях святого Марка [3]

Преподобный Марк Подвижник принадлежит к числу знаменитейших отцов египетских. Жизнь его продолжалась более ста лет: он был современником и тех из святых отцов, которые жили в конце IV столетия, и тех, которые были в начале V века. По сей-то причине, надобно полагать, и произошла некоторая разность в сказаниях о времени его жизни.

О великой святости его и совершенстве духовном свидетельствует преподобный Макарий Александрийский, бывший пресвитером церкви Нитрийских келлиотов, в которую приходил из пустыни преподобный Марк для приобщения Святых Тайн. *«Никогда же подах*, — говорит святой Макарий, — *Божественныя Тайны Марку Подвижнику аз; но ангел от олтаря подаваше ему невидимо, аз же точию персты руки подающаго видех»*[4].

О писаниях же преподобного Марка свидетельствует Никифор Каллист, который, кроме восьми его слов, упоминаемых патриархом Фотием, приписывает ему еще тридцать два других, обучающих всякому пути подвижнического жития, но, к сожалению, ныне не обретающихся. Упоминают также о сочинениях его преподобномученик Петр Дамаскин, святитель Григорий Фессалонитский, преподобный Григорий Синаит, святейший патриарх Каллист и другие многие из отцов, которые, прочитав оные, и нас к чтению их увещевают.

Память преподобного Марка Подвижника Православная Церковь творит в 5/18-й день марта, проповедуя постнические его труды, и духовную мудрость в словах, и свыше данную ему благодать чудес[5].

В настоящую книгу включены:

1. 200 глав святого марка о законе духовном,
2. 226 глав к тем которые думают оправдаться делами,
3. Послание Марка Подвижника к монаху Николаю.

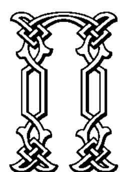
[3] Данные приложены из перевода издательства Козельской Введенской оптиной пустыни.

[4] Жития святых [свт. Димитрия Ростовского]. — Январь, 19. М., 1859. Л. 113 об.

[5] Сведения о прп. Марке взяты из греческого «Добротолюбия», помещенные там перед началом его писаний.

200 глав святого Марка Подвижника о законе духовном [6]

оелику вы многократно желали узнать, как закон, по слову Апостола, «*духовен есть*» (Рим.7, 11); и что должны знать, и как поступать желающие сохранять его, то скажем о сем по силе нашей.

2. Во–первых надобно знать, что Бог есть начало (причина), средина и конец всякого блага. Благому же нельзя веровать или совершать оное иначе, как только во Христе Иисусе и в Духе Святом.

3. Всякое благо даруется нам от Господа, и кто так верует, тот не лишится его.

4. Несомненная вера есть крепкий столп, и Христос бывает всем для верующего.

5. Во всяком твоем предприятии началом да будет Бог, Который есть виновник всякого блага, дабы предпринимаемое тобой (дело) было по Богу.

6. Смиренномудрый и упражняющийся в духовном делании, читая Божественное Писание, все будет относить к себе, а не к другим.

7. Призывай Бога, чтобы Он отверз очи сердца твоего, и тогда увидишь пользу молитвы и чтения, уясняемого опытом.

8. Кто имеет какое–либо духовное дарование, и состраждет не имеющим оного, тот состраданием сохраняет сей дар. Кичливый же, будучи поражаем помыслами самомнения, теряет оный.

9. Уста смиренномудрого изрекают истину, а кто противоречит ей, тот подобен слуге, ударившему Господа в ланиту.

10. Не будь учеником того, кто хвалит самого себя, чтобы вместо смиренномудрия не научиться гордости.

---

[6] Приводится по изданию Козельской Введенской оптиной пустыни.

11. Не возносись в сердце твоем разумением писаний, дабы не впасть умом в дух хулы.

12. Не старайся разрешить трудное дело посредством спора; но тем, чем повелевает закон духовный, то есть терпением, молитвой и мысленною надеждою.

13. Кто молится телесно, и не имеет еще духовного разума, тот подобен слепому, взывавшему: *«Сыне Давидов, помилуй мя*!» (Марк. 10, 48).

14. Бывший некогда слепым, прозрев и увидев Господа, поклонился Ему и исповедал Его уже не сыном Давидовым, но сыном Божиим (Ин. 9, 35, 38).

15. Не возносись, изливая слезы в молитве твоей; ибо Христос коснулся очей твоих, и ты прозрел умственно.

16. Кто подобно слепому, сбросил одежду, и приблизился ко Господу, тот делается его последователем и проповедником совершеннейших учений (Мак. 10, 50, 51).

17. Злоба, питаемая помышлениями, делает сердце дерзким, а истребляемая воздержанием и надеждою, сокрушает его.

18. Сокрушение сердца бывает одно ровное (мягкое) и полезное (которое ведет) к умилению; другое же неровное (жестокое) и вредное, которое ведет к смущению.

19. Бдение, молитва и терпение в постигающих нас (скорбях) доставляют сердцу безвредное и полезное сокрушение, если только излишеством не нарушим соразмерности в их соединении. Кто в сих терпелив, тот и в прочем получит помощь. Нерадивый же и послабляющий себе будет иметь при кончине нестерпимую болезнь.

20. Сластолюбивое сердце бывает темницею и узами для души во время ее исхода, а трудолюбивое есть отверстая дверь.

21. Жестокое сердце подобно железным вратам, во град вводящим, злостраждущему же[7] и оскорбленному (терпеливо переносящему оскорбление) они сами собою отворятся, как и Петру.

22. Есть много образцов молитвы, отличных один от другого; но ни один образ молитвы не вреден, кроме того, что не есть молитва, но делание сатанинское.

23. Человек, намереваясь сделать зло, молится сперва по обыкновению в уме своем, и будучи промыслительно удержан, после много благодарит.

24. Давид, намереваясь убить Навала Кармильского и будучи удержан от своего намерения воспоминанием Божественного воздаяния, много благодарил (Бога). Мы знаем также, что он сделал, забыв Бога, и

[7] под сим разумеются труды, наносящие скорбь телу, как–то: бдение, пост, молитва, коленопреклонение и т. п.)

не преставал делать, пока Пророк Нафан не привел его в памятование о Боге.

25. Во время памятования о Боге, умножай моление, чтобы, когда забудешь о Нем, Господь помянул тебя.

26. Читая Божественное Писание, старайся уразуметь сокровенное в нем; ибо сказано: «*Елика бо преднаписана быша, в наше наказание преднаписашася*» (Римл. 15, 4).

27. *«Вера,* — говорит Писание*, есть уповаемых извещение»* (Евр. 11, 1), и тех, которые не познали вселения Христова, оно называет неискусными.

28. Как из дел и слов открывается мысль, так и из сердечных действий будущее воздаяние.

29. Милостивое (сострадательное) сердце очевидно будет помиловано, немилостивому же соответственное будет и последствие.

30. Закон свободы научает всякой истине; и многие читают его по своему разумению, но не многие разумеют, по мере исполнения заповедей.

31. Не ищи совершенства в добродетелях человеческих; ибо в них совершенного не находится: совершенство его сокрыто в кресте Христовом.

32. Закон свободы читается с помощью истинного разумения, уразумевается чрез исполнение заповедей, а исполняется по милосердию Христову.

33. Когда мы, понуждаемые совестью, станем направляться ко всем заповедям Божиим; тогда познаем, что закон Господень непорочен и хранится в добрых делах наших; но без милосердия Божия люди не могут исполнить его совершенно.

34. Те, которые не считают себя должниками всякой Христовой заповеди, читают закон Божий только телесно, *«не разумеющи ни яже глаголют, ни о нихже утверждают»* (1 Тим. 1, 7); а потому и думают, что они исполняют его делами.

35. Иное дело, по–видимому, бывает как хорошее, но намерение совершающего оное недоброе; а иное исполняется как бы худое, а намерение совершающего оное бывает доброе. Сим показанным образом некоторые не только делают дела, но и произносят слова, потому что одни дают делу иной вид по неопытности, или незнанию; другие по лукавому намерению, а иные по благочестию.

36. Скрывающий под покровом похвалы осуждение и порицание, непонятен для простейших; подобен же сему и тщеславящийся под видом смирения, кои долго прикрывали истину ложью, напоследок попустительно обличаются делами.

37. Иной, делая какое–либо, по–видимому, доброе дело, мстит чрез то ближнему; а иной, не сделав оного, получит пользу по мысли.

38. Иное дело обличение по злобе и мщению; иное по страху Божию и истине.

39. Оставившего грех и уже раскаивающегося не обличай более. Если же ты говоришь, что обличаешь его по Богу, то прежде объяви свои грехи.

40. Начало всякой добродетели есть Бог, как и дневного света — солнце.

41. Исполнив добродетель, вспомни сказавшего: *«Без Мене не можете творити ничесоже»* (Ин. 15, 5).

42. За скорби уготовлено людям благое, а за тщеславие и наслаждение — злое.

43. Обижаемый людьми, избегает греха, и получает равное скорби заступление.

44. Кто верит Христу относительно воздаяния, тот по мере веры, усердно переносит всякую обиду.

45. Кто молится о людях обижающих его, тот низлагает демонов, а сопротивляющийся первым, уязвляется последними.

46. Лучше человеческое прегрешение, нежели демонское; благоуждающий же Господу, побеждает тех и других.

47. Всякое благо приходит от Господа промыслительно; отходит же тайно от неблагодарных, неразумных и праздных.

48. Всякий порок оканчивается непозволенным наслаждением, и всякая добродетель — духовным утешением. И как первый, овладев нами, влечет к своему, так и второе ведет к сродному себе.

49. Поношение человеческое причиняет сердцу скорбь, но для терпящего оное бывает причиною чистоты.

50. Неведение заставляет говорить вопреки полезному, и сделавшись дерзновенным, умножает пороки.

51. Не имея ни в чем недостатка, принимай (посылаемые) скорби, и как долженствующий дать отчет, отвергай излишество.

52. Согрешив тайно, не покушайся утаить сего, ибо *«вся нага и объявлена пред очима Господа, к Нему же нам слово»* (Евр. 4, 13).

53. Мысленно открывай себя Владыке[8]: *«Человек бо на лице зрит, Бог же на сердце»* (1 Цар. 16, 7).

54. Ничего не помышляй и ничего не делай без намерения по Богу; ибо безрассудно путешествующий напрасно будет трудиться.

55. Согрешающему не по нужде трудно бывает раскаиваться; ибо невозможно укрыться от правды Божией.

56. Прискорбный случай разумному напоминает о Боге, и равномерно огорчает забывающего о Боге.

---

[8] В «Библиотеке» Галланди: «Открывай Владыке свои мысли и намерения».

57. Пусть всякая невольная скорбь научает тебя помнить о Боге, и ты не будешь иметь недостатка в побуждении к покаянию.

58. Забвение само по себе не имеет никакой силы, но укрепляется по мере нашего нерадения.

59. Не говори, что мне делать? я и не хочу, а оно (забвение) приходит: это за то, что ты, помня, пренебрег должное.

60. Какое помнишь добро — делай; (тогда) и то, которого не помнишь, откроется тебе, и не предавай мысль безрассудному забвению.

61. Писание говорит: *«Ад и пагуба явна пред Господом»* (Прит. 15, 11). Сие говорит оно о сердечном неведении и забвении.

62. Ад есть неведение: ибо то и другое неявно. Пагуба же есть забвение: ибо они из среды существующих погибли.

63. Старайся дознать свои худые дела, а не ближнего, и хранилище ума твоего не будет окрадено.

64. Нерадение о всех посильных добродетелях неудобопростительно, милостыня же и молитва восставляет нерадевших.

65. Всякая скорбь по Богу есть существенное дело благочестия; ибо истинная любовь искушается противными.

66. Не полагайся приобрести добродетель без скорби, ибо находящийся в покое неопытен.

67. Рассуждай о конце всякой невольной скорби, и найдешь в нем истребление греха.

68. Многие советы ближнего служат в пользу, но для каждого нет ничего приличнее своего совета[9].

69. Ища врачевания, заботься о совести, и что она тебе говорит, делай и получишь пользу.

70. Тайны каждого знает Бог и совесть; с этого самого всякий и должен начинать свое исправление.

71. Человек, сколько может, старается (делать добро) по своей воле; Бог же устрояет исполнение сего сообразно с Своею правдою.

72. Если хочешь неосужденно принимать похвалу от людей, сперва возлюби обличение о грехах своих.

---

[9] Это относится не ко всем, а только к тем, которые уже очистили сердце свое от страстей; к немощным же и страстным прп. Марк говорит ниже сего таким образом:

«Прежде нежели истребишь из себя зло, не повинуйся своему сердцу. Ибо каково вложенное в него, таковых оно и приложений требует» (см. ниже гл. 177).

«Находящийся под грехом сам собою не может преодолеть плотского влечения, ибо имеет непрестанное и содержащееся в членах разжжение» (см. сл. «О тех, которые думают оправдаться делами», гл. 159).

«Страстным надлежит пребывать в молитве и повиновении, ибо и с помощию (наставника) едва можно вести брань с прежними греховными навыками» (см. сл. «О тех, которые думают оправдаться делами», гл. 160).

73. Если кто потерпит какое–либо посрамление за истину Христову; то он во сто крат прославится от многих. Впрочем, лучше всякое добро делать ради будущих (воздаяний).

74. Когда человек человеку принесет пользу словами или делами, да признают оба они в этом благодать Божию. Не разумеющий же сего будет обладаем разумеющим.

75. Кто хвалит ближнего по кому–нибудь лицемерию, тот при случае уничижит его, и сам посрамится.

76. Не знающий засады врагов, легко подвергается смерти; а не знающий причины страстей, удобно падает.

77. От сластолюбия рождается нерадение, а от нерадения забвение. Ибо Бог даровал всем познание полезного.

78. Человек советует ближнему, как знает. Бог же действует в слышащем по мере его веры (к советующему).

79. Видел я людей простых, смиренномудрых на самом деле, и они были премудрее мудрецов.

80. Другой из простых, услышав, что тех хвалят, не подражает их смиренномудрию, но, тщеславясь простотою, делается еще гордым.

81. Кто презирает знание и хвалится невежеством; тот невежда не только словом, но и разумом.

82. Ибо как иное есть премудрость в словах, и иное благоразумие (мудрость); так иное есть невежество в слове, а иное безумие.

83. Неискусство в речи нимало не повредит благочестивого; равно как и премудрость в слове — смиренномудрого.

84. Не говори: *«Я не знаю должного, и потому невиноват, не делая оного. Ибо ежели бы ты делал добро, какое знаешь; то и прочее открылось бы тебе по порядку, будучи постигаемо одно посредством другого. Неполезно тебе прежде исполнения первого узнать последующее. Ибо «разум кичит», по причине бездействия, а «любовь созидает»* (1 Кор. 8, 1), поелику *«вся терпит»* (1 Кор. 13, 7).

85. Слова Божественного Писания читай делами, а не многословь, тщеславясь одним простым пониманием.

86. Оставивший деятельность, и утверждающийся на простом ведении, вместо обоюдоострого меча, держит трость, которая во время брани, по Писанию (Ис. 36, 6), пронзит руку его и, взойдя в нее, еще прежде врагов, — вольет яд надмения.

87. Всякая мысль имеет пред Богом меру и вес. Ибо об одном и том же можно мыслить или пристрастно, или просто.

88. Исполнивший заповедь, должен ожидать за нее искушения. Ибо любовь ко Христу искушается противными.

89. Не подумай когда–нибудь нерадеть о помыслах. Ибо никакая мысль не может утаиться от Бога.

90. Когда увидишь, что помысл обещает тебе человеческую славу, то знай верно, что он готовит тебе стыд.

91. Враг знает правду духовного закона, и ищет только согласия ума. Ибо так он подвергает подвластного себе или трудам покаяния, или, если он не кается, то удручает его невольными скорбями; а иногда и побуждает восставать против сих скорбей, дабы таким образом и здесь умножить болезни, и при смерти, по причине нетерпения, показать человека неверным.

92. Невольным злоключениям многие противопоставляли многое; но без молитвы и покаяния никто не избежал скорбей.

93. Зло одно от другого получает силу: подобным образом и добро возрастает одно от другого, и того, в ком оно есть, побуждает к большему.

94. Диавол уменьшает (в наших глазах) малые согрешения: ибо иначе он не может привести нас к большому злу.

95. Корень постыдной похоти — человеческая похвала; так как и целомудрия — обличение наших пороков, не тогда, когда только слышим оное, но когда и принимаем его.

96. Никакой не получает пользы отрекшийся от имения и живущий в сладострастии. Ибо что он делал, пользуясь имением, — то же делает и ничего не имея.

97. Также воздержник, если приобретает деньги, есть брат первому помышлением, от одной с ним матери по мысленному услаждению, а от другого отца, по причине перемены страсти.

98. Иной отсекает страсть для большего сладострастия, и от незнающих его намерения получает славу. А может быть, он и сам себя не знает, трудясь бесполезно.

99. Причина всякого порока есть тщеславие и сласть. Не возненавидевший их не истребляет страсти.

100. *«Корень всем злым,* — как сказано*, сребролюбие»* (1 Тим. 6, 10), но очевидно, что оно из них составляется.

101. Ум ослепляется сими тремя страстями, то есть: сребролюбием, тщеславием и сластолюбием.

102. Это *«три дщери пиявицы»*, по Писанию, материю — *безумием «возлюбленные»* (Притч. 30, 15).

103. Разум и вера — совоспитательницы естества нашего притупились не от чего иного, как только от них.

104. Раздражительность, гнев, брани, убийства и вся прочая постепенность зол, от них весьма усилились между людьми.

105. Должно возненавидеть сребролюбие, тщеславие и сласть, как матерь пороков и прочих добродетелей.

106. Ради их не велено нам *«любить мир, и яже в мире»* (1 Ин. 2, 15). Не для того, чтобы мы безрассудно возненавидели создания Божии, но чтобы отсекли причины сих трех страстей.

107. *«Никтоже,* — говорит Писание*, воин бывая обязуется куплями житейскими»* (2 Тим. 2, 4). Ибо кто, обязавшись ими, хочет победить страсти, тот подобен человеку, который тушит пожар соломою.

108. Кто гневается на ближнего за имение или за славу, или за сласть, тот еще не познал, что Бог праведно управляет Своими тварями.

109. Когда услышишь сказанное от Господа: *«Аще кто не отречется всего имения своего, несть Мене достоин»* (Лк. 14, 33. Мф. 10, 38), то разумей сказанное не только об имении, но и всех действиях зла.

110. Незнающий истины, не может и веровать истинно. Ибо ведение по естеству предваряет веру.

111. Как каждой видимой вещи Бог определил сродное ей свойство, так и человеческим помыслам, хотим ли мы того, или не хотим.

112. Если кто, явно согрешая и не каясь, нимало не страдал до самой смерти своей, считай, что его постигнет немилостивый суд.

113. Молящийся разумно, переносит находящие на него (скорби), а злопамятный еще не молился чисто.

114. Быв кем–либо обижен, поруган, или изгнан, не о настоящем думай, но ожидай будущего; и найдешь, что он был тебе виновником многих благ, не только в настоящем, но и в будущем веке.

115. Как тем, у кого испорчено пищеварение, полезна горькая полынь, так людям злонравным полезно терпеть злоключения. Ибо одним к здравию, а другим к покаянию служат сии врачевства.

116. Если не хочешь терпеть зла, то не желай и делать зла. Ибо за сим оное последует неизбежно. *«Еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет»* (Гал. 6, 7).

117. Произвольно сея злое, и поневоле пожиная оное, мы должны дивиться правде Божией.

118. Поелику между сиянием и жатвою определено некоторое время, то мы и не должны не верить воздаянию[10].

119. Согрешивши, обвиняй не действие, а мысль. Ибо если бы ум не предшествовал, то и тело не последовало бы.

120. Тайный делатель зла хуже обижающих явно; потому он и наказывается строже.

121. Строящий ковы, и скрытно делающий зло, есть, по Писанию, *«змий, седяй на пути, и угрызаяй пяту конску»* (Быт. 49, 17).

122. Кто в одно и тоже время в чем–либо похваляет, и в чем–нибудь порицает ближнего, тот одержим тщеславием и завистию: похвалами старается скрыть зависть, а порицанием поставляет себя лучшим его.

---

[10] В «Библиотеке» Галланди: «…посему мы не должны верить воздаянию».

123. Как нельзя пасти овец вместе с волками, так невозможно получить милости тому, кто делает зло ближнему.

124. Кто тайно примешивает к заповедям свою волю, тот *«прелюбодей»*, как сказано в Премудрости, *«и за скудость ума болезни и безчестие понесет»* (Притч. 6, 32, 33).

125. Как вода и огонь противятся друг другу при совокуплении; так словооправдание и смирение сопротивляются одно другому.

126. Ищущий прощения грехов, любит[11] смиренномудрие. Осуждающий же другого, налагает печать на свои (закрепляет за собою) злые дела.

127. Не оставляй неизглаженным греха даже и самого малого, чтобы впоследствии он не повлек тебя к большему злу.

128. Если хочешь спастись, возлюби истинное слово, и никогда безрассудно не отвращайся обличений.

129. Слово истины переменило порождения ехидны, и указало им бежать будущего гнева.

130. Приемлющий слово истины, приемлет Бога–Слова: ибо Христос говорит: *«Иже вас приемлет, Мене приемлет»* (Матф. 10, 40).

131. Расслабленный, свешенный сквозь кровлю, есть грешник, от верных по Богу обличаемый, и ради веры их получающий прощение грехов (Лук. 5, 19).

132. Лучше с благоговением молиться о ближнем, нежели обличать его во всяком согрешении.

133. Истинно кающийся подвергается осмеянию безумных. И это есть для него знак угождения Богу.

134. *«Подвизайся от всех воздержится»* (1 Кор. 9, 25), и не перестанет делать сего, доколе Господь не истребит семени Вавилонского.

135. Представь, что есть двенадцать бесчестных страстей. Если ты одну из них произвольно возлюбишь, то она одна займет место одиннадцати.

136. Грех есть горящий огонь. По мере уменьшения вещества, он угасает, и по мере прибавления разгорается.

137. Превознесшись похвалами, ожидай бесчестия. Ибо сказано: *«Возносяйся смирится»* (Матф. 23, 12).

138. Когда всякий произвольный порок отвергнем от мысли, тогда опять вступим в брань с давно укоренившимися в нас страстями.

139. Преднапечатление есть невольное воспоминание прежних зол, которому подвижник не дает дойти до страсти, а победитель низлагает даже и самое приражение оного.

140. Приражение есть безвидное движение сердца, которым искусные овладевают предварительно на подобие замка́.

---

[11] В «Библиотеке» Галланди: «да возлюбит».

141. Где образы помысла, там уже было согласие; ибо невиновное приражение есть безвидное движение сердца. Иной от них исторгается, как головня от огня; а иной не отвращается, пока не возжет пламени.

142. Не говори: *«Я не хочу, а приходит* (на ум)*»*. Конечно, если не сие самое, то причины оного ты любишь.

143. Кто ищет похвалы, тем обладает страсть; а кто плачет о том, что его постигла скорбь, тот любит наслаждение.

144. Как на весах, колеблется помысл предающегося сластолюбию: иногда плачет и рыдает о грехах своих, иногда же вооружается на ближнего, и спорит с ним, оправдывая свое сластолюбие[12].

145. Все испытывающий и доброго держащийся, постепенно удалится от всякого зла.

146. Муж долготерпеливый изобилует разумом, равно как и преклоняющий слух свой к словам премудрости.

147. Без памятования о Боге, не может быть истинного ведения. Ибо без первого второе ложно.

148. Для жестокосердого полезно слово тончайшего ведения; ибо (такой человек) без страха не принимает на себя трудов покаяния.

149. Для кроткого человека прилично верное слово, ибо он не искушает долготерпения Божия, и не побеждается частым нарушением (заповедей Божиих).

150. Мужа сильного не обличай в тщеславии, но укажи ему на бесчестие, которому за тщеславие подвергаются. Ибо таким образом удобно бывает обличаем разумный.

151. Ненавидящий обличения погрязает в страстях умышленно. А кто любит оное, тот очевидно увлекается (силою) прежних греховных привычек.

152. Не желай слышать о чужих злых делах: ибо при таковом желании изображаются и в нас черты сих дел.

153. Наслушавшись худых речей, досадуй на себя, а не на того, кто говорил их. Ибо худому слышанию (был) худой собеседник.

154. Если кто будет беседовать с пустословами, тот должен почитать себя виновным в таковых речах их, если не по настоящему случаю, то по прежнему долгу.

155. Если увидишь, что кто–либо лицемерно тебя хвалит, то ожидай от него в свое время порицания.

156. Настоящие скорби сравнивай с будущими благами; и нерадение никогда не расслабит твоего подвига.

157. Если за телесное подаяние похвалишь человека как доброго, забывая о Боге, то впоследствии тот же человек покажется тебе злым.

---

[12] В слав.: «отгоняя сласти».

158. Всякое благо приходит от Господа, по Его смотрению. И приносящие нам оное, суть служители благ.

159. Сплетения доброго и злого принимай ровным помыслом; и так Бог отвратит неравенство между сими вещами.

160. Неравенство помыслов производит в нас особенные перемены. Поелику Бог невольное с произвольным разделил в соразмерности.

161. Внешние дела суть порождения дел духовных и воздают должное по определению Божию.

162. Когда сердце предается сладострастию, то рождаются в нем пагубные помыслы и слова: и от дыма мы узнаем лежащее внутри вещество.

163. Будь постоянен в мысли[13], и не изнеможешь в искушениях; а уклонившись от сего, терпи находящие (скорби).

164. Молись, чтобы не постигло тебя искушение. Пришедшее же прими как твое, а не чужое.

165. Устрани мысль от всякого любостяжания; и тогда возможешь увидеть козни диавольские.

166. Кто говорит о себе, что он видит все диавольские козни, тот, не зная себя самого, представляет себя совершенным.

167. Когда ум освободится от телесных попечений, тогда соразмерно с сим он видит ухищрения врагов.

168. Увлекаемый помыслами, ослепляется ими, и действия греха видит, причины же сих действий видеть не может.

169. Иной, исполняя по видимому заповедь, раболепствует страсти, и злыми помыслами истребляет доброе дело.

170. Допустив в себе начало порока, не говори: *«Он не победит меня»*. Ибо насколько ты предался ему, настолько уже побежден им.

171. Все бывающее начинается от малого, и, будучи мало помалу питаемо, возрастает.

172. Ухищрение лукавого есть многосложная сеть; и кто, запутавшись в ней, отчасти вознерадит (о сем), тот весь опутывается ею.

173. Не желай слушать о несчастии враждебных тебе людей. Ибо слушающие таковые речи собирают плоды своего произволения.

174. Не думай, что всякая скорбь находит на людей за грехи. Ибо некоторые благоугождающие (Богу) бывают искушаемы. Ибо писано: *«Нечестивии и беззаконницы изженутся»* (Пс. 36, 28). Подобным образом, и *«хотящии благочестно жити о Христе, гоними будут»* (2 Тим. 3, 12).

175. Во время скорби обращай внимание на приражение сласти: ибо оно, поелику утешает скорбь, бывает нам приятно.

---

[13] В слав.: «пребывай в разуме».

176. Некоторые называют мудрыми тех, которые умеют рассуждать о чувственных вещах; мудры же те, кои обладают своими пожеланиями.

177. Прежде нежели истребишь из себя зло, не повинуйся своему сердцу. Ибо каково вложенное в него, таковых оно и приложений требует.

178. Как змеи, одни встречаются в пещерах, а другие гнездятся в домах: так и страсти, одни образуются в уме, а другие совершаются на самом деле; хотя они и преобразуются из одного вида в другой.

179. Когда видишь, что лежащее внутрь тебя пришло в сильное движение, и влечет безмолвствующий ум к страсти, то знай, что некогда ум предупредил сие: он привел это в действие, и вложил в сердце.

180. Не образуется облако без движения ветра: и страсть не рождается без мысли.

181. Ежели мы более уже не творим похотей плоти, по словам Писания; то легко, при помощи Господа, перестанет (беспокоить нас) внутрь лежащее.

182. Определенный образ, получивший представление ума, хуже и сильнее чисто мысленных; но последние бывают виною первых, и предваряют их.

183. Если порок, который обдержит сердце, по причине долговременного укорения; и есть порок, который мысленно ратует против нас по причине ежедневных случаев.

184. Бог вменяет нам дела и намерения[14]. Ибо сказано: *«Даст ти Господь по сердцу твоему»* (Пс. 19, 5).

185. Кто не пребывает в рассматривании своей совести, тот не примет на себя и телесных трудов ради благочестия.

186. Совесть есть естественная книга. Деятельно читающий оную, на опыте познает Божественное заступление.

187. Кто добровольно не подъемлет и произвольных трудов за истину, тот сильнее накажется невольными.

188. Познавший волю Божию, и посильно исполняющий оную, чрез малые труды избежит великих.

189. Кто без молитвы и терпения хочет победить искушения, тот не отразит их, а более запутается в них.

190. Господь сокровен в Своих заповедях, и обретается ищущими Его по мере (исполнения оных).

191. Не говори: *«Я исполнил заповеди, и не обрел Господа»*. Ведение и правду, по Писанию, ты находил многократно; а истинно ищущие Его, найдут мир.

192. Мир есть избавление от страстей, которого нельзя снискать без действия Святого Духа.

---

[14] В греч. «Добротолюбии» на полях замечено, что лучше: «по [намерениям]».

193. Иное есть исполнение заповеди, а иное добродетель; хотя одно от другого заимствуют они побуждение к добру.

194. Исполнением заповеди называется то, когда мы исполнили повеленное, а добродетелью — то, когда сделанное поистине угодно (Богу).

195. Как чувственное богатство, хотя одно, но многоразлично по образу приобретения; так и добродетель — одна, но имеет многообразные действия.

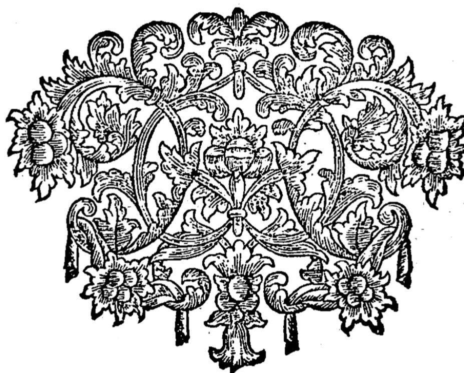
196. Кто, не имея дел, ухищряется, и говорит одни слова: тот богатеет неправедно, *и «труды его,* — по Писанию, *в до́мы чуждые внидут»* (Притч. 5, 10).

197. *«Все покорится злату»*, говорит Писание (Еккл. 10, 19). Мысленное же будет управлено благодатию Божиею.

198. Добрая совесть приобретается молитвою; а чистая молитва — совестью. Ибо одна в другой по естеству своему имеет нужду.

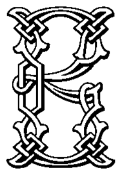
199. Иаков сделал Иосифу пеструю одежду. И Господь дарует кроткому познание истины, как написано: *«Научит Господь кроткия путем Своим»* (Пс. 24, 9).

200. Всегда делай благое по силе своей. И когда предстоит случай сделать большее, не обращайся к меньшему; ибо *«обративыйся вспять, сказано, несть управлен в царствии Божии»* (Лк. 9, 62).

О тех, которые думают оправдаться делами, 226 глав [15].

следующем писании твердо верующими и познавшими истину, обличается зловерие внешних (неправоверующих).

2. Господь, желая показать, что исполнение всякой заповеди есть наш долг, и что усыновление Он даровал людям Своею кровию, говорит: *«Егда сотворите вся поевленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко еже должни бехом сотворити, сотворихом»* (Лк. 17, 10). Посему царство небесное не есть возмездие за дела, но благодать Владыки, уготованная верным рабам.

3. Раб не требует свободы, как возмездия, но благоугождает, как должник, и ожидает оной по благодати.

4. *«Христос умре грех наших ради, по писанием»* (1 Кор. 15, 3). И тем, которые верно Ему служат, дарует свободу. Ибо говорит: *«Добрый, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего»* (Мф. 25, 23).

5. Тот еще не есть верный раб, кто утверждается на одном простом ведении: но кто изъявляет свою веру послушанием Христу, давшему заповеди.

6. Почитающий Владыку своего, исполняет повеленное Им. Согрешивший же, или преслушавший Его, претерпевает находящее, как им заслуженное.

7. Будучи любознателен, будь и трудолюбив. Ибо одно просто ведение надмевает человека.

8. Искушения, неожиданно с вами случающиеся, по смотрению Божию, научают нас быть трудолюбивыми, и невольно влекут к покаянию.

9. Скорби, постигающие людей, суть порождения их собственных худых дел. Если же мы перенесем их в молитве, то опять обретем приращение в добрых делах наших[16].

10. Некоторые, будучи похвалены за добродетель, усладились сим, и сласть тщеславия своего приняли за утешение. А другие, будучи обли-

[15] По переводу «оптиной пустыни».

[16] В слав.: «благих вещей наведение».

чены во грехе, опечалились, и сию полезную печаль сочли действием злобы.

11. Те, которые под предлогом подвигов возносятся пред нерадивыми, думают оправдаться делами телесными; мы же, которые, утверждаясь на одном ведении, уничижаем незнающих, бываем гораздо безумнее оных.

12. Ведение без дел, соответствующих ему, еще нетвердо, хотя и истинно; ибо всякую вещь подтверждает дело.

13. Часто от нерадения о делании помрачается и разум. Ибо что совершенно перестают делать, то мало помалу и из памяти истребляется.

14. Писание советует нам (разумно) познавать Бога для того, чтобы мы верно служили Ему делами.

15. Когда явно исполняем заповеди, то сообразно с сим получаем свойственное от Господа; пользу же от сего приобретаем, смотря по цели нашего намерения[17].

16. Кто хочет что–нибудь сделать, но не может, тот (вменяется) как бы сделавший сие пред Сердцеведцем Богом. Это должно разуметь как о добрых, так и о злых делах.

17. Ум и без тела много делает доброго и худого; тело же без ума не может сделать ничего такого: ибо закон свободы познается прежде действия.

18. Некоторые, не исполняя заповедей, считают себя правоверующими; а некоторые, исполняя оные, ожидаю царствия, как должного возмездия: но и те и другие погрешают против истины.

19. Награда дается рабам от Владыки не по долгу; но и не служащие Ему верно, не получают свободы.

20. Ежели Христос за нас умер, по Писанию, и мы живем не для себя, но для умершего за нас и воскресшего: то явно, что мы должны служить Ему до смерти. Как же можем считать усыновление за должное?

21. Христос есть Владыка по существу, и Владыка по усмотрению; поелику и не существовавших Он сотворил, и умерших грехом искупил Своею кровию, и таким образом верующим даровал благодать.

22. Когда услышишь слова Писания: *«Воздаст комуждо по делом его»* (Мф. 16, 27), то оно не разумеет дела, которые сами по себе достойны геены, или царствия; но дела собственного неверия или веры, за которые Христос воздаст каждому, не как соразмеряющий вещи, но как Бог Созидатель и Искупитель наш.

23. Мы, которые удостоились *«бани покибытия»* (Тит. 3, 5), совершаем добрые дела не ради воздаяния, но для сохранения данной нам чистоты.

---

[17] В слав.: «по намерению произволения».

24. Всякое доброе дело, которое делаем естественными нашими силами, удаляет нас от противного ему порока, но без благодати не может приложить нам освящения.

25. Воздержанный удаляется чревообъядение, нестяжательный — корыстолюбия, безмолвный — многословия, чистый — сладострастия, целомудренный — блуда, умеренный — сребролюбия, кроткий — смущения, смиренномудрый — тщеславия, послушный — спорливости, обличательный — лицемерия; подобным образом и молящийся удаляется безнадеждия, (произвольно) нищий — многостяжания, исповедник — отречения, мученик — идолослужения. Видишь ли, как всякая добродетель, совершаемая до смерти, есть ничто иное, как удаление от греха, удаление же от греха есть дело естества, а не цена Царствия[18].

26. Человек едва сохраняет и то, что ему естественно; Христос же крестом дарует усыновление.

27. Одна заповедь частная, а другая общая: ибо в одном месте частно повелевается подавать неимущему; а в другом дается заповедь отречься всего имения.

28. Иное есть действие благодати, непонятное для младенца (по духовному возрасту), а иное действие злобы (врага), похожее на истину. Но хорошо не обращать внимания на таковые действия, чтобы не впасть в обольщение, — и не проклинать их, дабы не проклясть истину; но (лучше) с надеждою все предавать Богу; ибо он знает пользу того и другого.

29. Кто хочет переплыть мысленное море, тот долготерпит, смиренномудрствует, бодрствует, воздерживается. Без сих же четырех, если понудит себя войти в него, то возмутит только сердце, а переплыть не может.

30. Безмолвие есть отсечение зла. Если же к молитве присоединить и четыре оные добродетели, то нет лучшего пособия к бесстрастию.

31. Невозможно безмолствовать умом без тела, не разорить средостения их без безмолвия и молитвы.

32. *«Плоть похотствует на духа, и дух на плоть»* (Галат. 5, 17); ходящий же духом, похотей плоти не совершает.

33. Молитва несовершенна без мысленного призывания. Нерассеянно вопиющую мысль услышит Господь.

34. Нерассеянно молящийся ум утесняет сердце. *«Сердце же сокрушенно и смиренно Бог не уничижит»* (Пс. 50, 19).

35. И молитва называется добродетелью, хотя она есть мать добродетелей; ибо рождает их от соединения своего со Христом.

36. Что сделаем без молитвы и доброй надежды, то после бывает вредно и несовершенно.

---

[18] Т. е. не заслуга, которою мы приобретаем Царствие.

37. Когда услышишь, что *«будут последни первии, и перви последнии»* (Матф. 19, 30); то разумей сие об имеющих добродетели и имеющих любовь. Ибо любовь первая из всех по достоинству, и предшествовавшие себе делает последними.

38. Если молясь, или будучи многообразно оскорбляем злобою (врагом), впадешь в уныние; то вспомни конец жизни и лютые мучения. Но лучше прилепляться к Богу молитвою и надеждою, нежели вспоминать о внешнем, хотя бы оно было и полезное.

39. Никакая добродетель одна сама по себе не отверзает естественную нашу дверь, если все они не будут последовательно зависеть одна от другой.

40. Тот невоздержник, кто питается помыслами, хотя бы они были и полезны: ибо они не могут быть полезнее надежды.

41. Всякий грех, оставленный без покаяния, есть грех к смерти, о котором если и святой помолится за другого, не будет услышан.

42. Истинно кающийся не полагает, что труд его служит заменою прежних грехов, но им умилостивляет Бога.

43. Все, что естество наше имеет в себе доброго, то мы должны исполнять ежедневно. Что же воздадим Богу за прежде сделанное зло?

44. Сколько бы мы ни приумножали добродетель сего дня, сие служит лишь обличением нашего прежнего нерадения, а не вина к получению воздаяния.

45. Кто утесняется мыслию, а упокоевается телом, тот подобен страждующему телесно и веселящемуся мысленно.

46. Добровольная скорбь обоих содействует взаимно одна другой: мысленная телесной, а телесная мысленной. Соединение же их бывает более прискорбно.

47. Великая добродетель — терпеть постигающее нас, и, по слову Господню, любить ближнего, который нас ненавидит.

48. Знак нелицемерной любви есть прощение обид. Ибо так и Господь возлюбил сей мир.

49. Невозможно от сердца простить чьи–либо проступки без истинного ведения; ибо оно показывает каждому, что постигающее (его) есть его собственное.

50. Ты ничего не потеряешь из того, что оставил ради Господа; ибо в свое время оно возвратится с избытком.

51. Когда ум забудет цель благочестия, тогда и явное исполнение добродетели становится бесполезным.

52. Если всякому человеку вреден худой совет; то тем более избравшим строгую жизнь.

53. Делом любомудрствую о совете человеческом и воздаянии Божием: ибо слово не мудрее и не полезнее дела.

54. За трудами о благочестии последует заступление (Божие). Это надлежит познавать из закона Божия и совести.

55. Один, приняв какой–либо образ мыслей, усвоил его себе без рассмотрения, а другой принял, и сличил его с истиною: надлежит рассмотреть, кто из них поступил благочестивее?

56. Истинное ведение состоит в терпении скорбей, и в том, чтобы не обвинять людей в своих бедствиях.

57. Кто делает благое и ищет воздаяния, тот служит не Богу, а своей воле.

58. Согрешившему нельзя избегнуть воздаяния иначе, как покаянием, соответствующим согрешению.

59. Некоторые говорят: не можем делать добра, если ощутительно не получим благодати Святаго Духа.

60. Пребывающие всегда произвольно в сластях, оставляют посильное делание, как бы беспомощное.

61. Крестившимся во Христа таинственно дарована благодать; действует же она, по мере исполнения заповедей, и не престает вспомоществовать нам тайно. Но в нашей власти состоит делать или не делать доброе по силе своей.

62. Во–первых, она (благодать) боголепно возбуждает совесть: от чего и зло делавшие покаялись и благоугодили Богу.

63. Она также скрывается (иногда) в учении ближнего; иногда же и во время чтения последует (какой–либо) мысли, и естественным порядком научает ум своей истине. И так, если не скроем сего таланта (полученного) в частном случае, то действительно внидем в радость Господа.

64. Ищущий действий Святаго Духа прежде исполнения заповедей, подобен купленному за деньги рабу, который в то самое время, как его купили, ищет, чтобы вместе с купчею написали и отпускную.

65. Кто уразумел, что внешние злоключения случаются по правде Божией, тот, ища Господа, нашел ведение с правдою.

66. Если будешь разуметь согласно Писанию, что *«по всей земли судьбы Господни»* (Пс. 104, 7): то всякий случай будет для тебя учителем Богопознания.

67. По мысли каждого встречается должное. Различие же приличного воздаяния[19] знает один Бог.

68. Когда потерпишь какое–либо бесчестие от людей, разумей, что это послано от Бога к славе твоей; и таким образом в бесчестии будешь без печали и смущения, и в славе, когда она придет, будешь верен, и избежишь осуждения.

[19] В слав.: «наведения».

69. Будучи, по благоволению Божию, хвалим многими, не примешивай ничего самохвального к промыслу Господню о тебе, чтобы опять от перемены не подпасть противному.

70. Посеянное не возрастет без земли и воды, а человек не получит пользы без произвольных трудов и Божественной помощи.

71. Нельзя без облака пролиться дождю; а без доброй совести угодить Богу.

72. Не отрекайся научаться, хотя бы ты был и весьма мудр. Ибо промышление Божие полезнее нашей мудрости.

73. Когда сердце какою–либо сластию подвигнется с места трудолюбия; тогда оно, подобно тяжелому камню, катящемуся вниз, бывает неудободержимо.

74. Как неопытный теленок, спеша за травою, попадает в место, окруженное стремнинами; так бывает и с душой, мало помалу прельщаемой помыслами.

75. Когда ум, укрепившись о Господе, отвлекает душу от долговременного худого навыка; тогда сердце бывает мучимо, как палачами, умом и страстями, влекущими его туда и сюда.

76. Как плавающие в море, в надежде прибытка, охотно переносят солнечный зной; так и ненавидящие зло любят обличение: ибо тот противодействует ветрам, а сей страстям.

77. Как *«бегство в зиме или в субботу»* (Мф. 24, 20) причиняет болезнь телу и осквернение душе: так и возрастание страстей в устаревшем теле и освященной душе.

78. Никто столько не благ и не милосерд, как Господь; но не кающемуся и Он не прощает.

79. Многие из нас скорбят о грехах, а причины их мы охотно принимаем.

80. Крот, ползающий под землею, будучи слеп, не может видеть звезд; и неверующий (Богу) относительного временного, не может веровать и в отношении вечного.

81. Истинное ведение даровано от Бога людям, как благодать прежде благодати, и научает имеющих оное прежде веровать Даровавшему оное.

82. Когда греховная душа не принимает постигающих ее скорбей; тогда Ангелы говорят о ней: *«Врачевахом Вавилона, и не исцеле»* (Иерем. 51, 9).

83. Ум, забывающий истинное ведение, борется с людьми за вредное для него, как бы за полезное.

84. Как огонь не может долго пробыть в воде; так и скверный помысл в Боголюбивом сердце. Поелику всякий Боголюбивый бывает и трудолюбив; произвольный же труд по естеству есть враг сласти.

85. Страсть, которую произвольно приводили в действие и питали, после того уже и против воли обладаемого ею, крепко возрастает на него.

86. Мы любим причины непроизвольных помыслов, от того они и приходят; произвольных же, очевидно, любим и самые действия.

87. Самомнение и гордость суть причины хулы; сребролюбие же и тщеславие — немилосердия и лицемерия.

88. Когда диавол увидит, что ум помолился от сердца; тогда он наносит великие и хитросплетенные искушения, желая малые добродетели истребить великими нападениями.

89. Закостенение помысла обличает пристрастие человека; скорое же истребление его означает брань и сопротивление.

90. Есть три мысленные состояния, в которые ум входит от изменения: естественное, сверхъестественное и противоестественное. Когда он войдет в естественное состояние, тогда находит себя виновным в злых помыслах, и исповедует Богу грехи, познавая причины страстей. Когда же будет в противоестественном состоянии; то забывает правду Божию, и восстает на людей, как на обижающих его. Когда же приведен будет в сверхъестественное состояние; тогда ощущает в себе плоды Святаго Духа, которые, по словам Апостола, суть: *любовь, радость, мир* и проч. (Гал. 5, 22–23), и знает, что ежели предпочтет телесные попечения, то не может пребывать там, и вышедши из сего состояния, впадает в грех и в последующие за ним злоключения, если и не вскоре, то в свое время, как ведает правда Божия.

91. Ведение каждого бывает истинно в такой мере, в какой его утверждают кротость, смирение и любовь.

92. Всякий, православно крестившийся, получил таинственно всякую благодать. Удостоверяется же в сем, по мере исполнения заповедей.

93. Заповедь Христова, по совести исполняемая, по множеству сердечных болезней, подает утешение; впрочем каждое из них приходит в свое время.

94. Постоянно молись во всяком деле, чтобы ничего не делать без помощи Божией.

95. Нет ничего сильнее молитвы по действию; и нет ничего полезнее ее для благоугождения Богу.

96. Всякое исполнение заповедей содержится в ней. Ибо нет ничего выше любви к Богу.

97. Нерассеянная молитва есть знак любви к Богу пребывающего в оной; нерадение же о ней и развлечение есть знак сластолюбия.

98. Кто безскорбно пребывает во бдении, долготерпит и молится; тот очевидно причастником есть Духа Святаго. А кто отягощается сим, но терпит это по доброй воле, и тот скоро получит помощь свыше.

99. Одна заповедь бывает выше другой; так и вера бывает тверже веры.

100. *«Есть вера от слуха»* (Римл. 10, 17), по Апостолу, и *«есть вера уповаемых извещение»* (Евр. 10, 1).

101. Хорошо словами доставлять пользу вопрошающим, но лучше содействовать им молитвою и добродетелью. Ибо сими приносящий себя Богу, помогая себе, помогает и ближнему.

102. Если хочешь кроткими словами доставить пользу любознательному, укажи ему: молитву, правую веру и терпение находящих (скорбей). Ибо все прочее доброе сими обретается.

103. В чем кто возложил упование на Бога, тот уже не ссорится об этом с ближним.

104. Если все невольное происходит от произвольного, по Писанию, то нет для человека такого врага, как он сам себе.

105. Всякому злу предшествует неведение, второе же по нем неверие.

106. Избегай искушения терпением и молитвою. Если же без сих будешь сопротивляться ему, то оно сильнее станет нападать.

107. Кроткий по Богу премудрее премудрых, и смиренный сердцем сильнее сильных; ибо они разумно несут иго Христово.

108. Что мы без молитвы говорим или делаем, то бывает впоследствии или погрешительно, или вредно, и обличает нас чрез дела неведомым для нас образом.

109. По делам, словам и мыслям праведен только Один; а чрез веру, благодать и покаяние много праведников.

110. Как кающемуся несвойственно высокомудрствовать, так и произвольно согрешающему не возможно смиренномудрствовать.

111. Смиренномудрие есть не осуждение совести, но признание благодати Божией и Его милосердия.

112. Что чувственный дом для разлитого повсюду воздуха, то ум мудрствующий (по Богу) для Божественной благодати; насколько освободишь его от вещества, столько привнидет благодать; и сколько внесешь в него вещества, столько удалится.

113. Вещество домашнее — сосуды и снеди; а вещество ума — тщеславие и сласть.

114. Пространство сердца есть упование на Бога, а теснота его — попечение о теле.

115. Благодать Духа одна и неизменна; но действует она в каждом особенно, как хочет.

116. Как дождь, излившийся на землю, подает произрастаниям свойственное им качество: сладким сладость, жестким жесткость; так и благодать, входящая в сердца верных, не изменяясь, дарует соответственные добродетелям силы.

117. Алчущему Христа ради она бывает пища, жаждущему — сладчайшее питие, зябнущему одежда, труждающемуся покой, молящемуся удостоверение, а плачущему утешение.

118. Итак, когда услышишь слова Писания о Святом Духе, что Он нисшел на каждого из Апостолов (Деян. 2, 3), или что Он восшел на пророка (1 Цар. 10, 10), или что Он действует, бывает оскорбляем, угашаем, раздражаем, и также, что одни имеют начаток Духа, другие исполнены Духа Святаго; то не разумей в Духе какого–либо раздробления, или преложения, или изменения; но веруй так, как мы прежде сказали, что Он непреложен, неизменен и всесилен. Посему Он и в действиях пребывает тем, чем Он, есть; и каждому богоприлично дарует свойственное. Ибо Он, подобно солнцу, вполне излился на крестившихся; но каждый из нас просвещается по той мере, как возненавидев помрачающие страсти, отвергает их; а насколько любя их, помышляет о них, настолько же помрачается.

119. Кто ненавидит страсти, тот отсекает и причины их; а кто пребывает с производящими их причинами, тот и нехотя бывает борим от страстей.

120. Когда мы подлежим действию злых помыслов, то должны обвинять самих себя, а не прародительский грех.

121. Корни помыслов суть явные пороки, которые мы руками, и ногами и устами защищаем всегда.

122. Невозможно, чтобы тот преклонялся к страсти в мысли, кто не любит причин ее.

123. Ибо кто, презирая посрамление, предается тщеславию? Или кто, любя уничижение, смущается бесчестием? Кто же, имея сердце сокрушенное и смиренное, примет плотскую сласть? Или кто, веруя Христу, заботится о временном, или ссорится за оное?

124. Кто, будучи презираем кем–либо, ни словом, ни мыслию не ссорится с презирающим его; тот приобрел истинное ведение и являет твердую веру Владыке.

125. *«Лживи сынове человечестии в мерилех, еже неправдовати»* (Пс. 61, 10); тогда как Бог каждому готовит то, что ему следует по правде.

126. Если ни обижающему нет приобретения, ни обижаемому — лишения; *«образом убо ходит человек, обаче всуе мятется»* (Пс. 38, 7).

127. Если увидишь, что кто–либо, находясь в многоразличном бесчестии, скорбит о сем; то знай, что он, насытившись помыслами тщеславия, с неприятностью пожинает снопы сердечных семян.

128. Насладившийся телесными удовольствиями более надлежащего, вознаградит избыток их сторичными скорбями.

129. Начальник обязан говорить послушнику должное; а когда он ослушается его, то предвозвещать ему скорби, которые за сие посылаются.

130. Обижаемый кем–либо, и не взыскивающий с обижающего его: этой частью верует Христу, и сторично получит за сие в сем веке и жизнь вечную наследует.

131. Память Божия есть болезнование сердца о благочестии; всякий же забывающий Бога бывает сластолюбив и бесчувствен.

132. Не говори, что бесстрастный не может скорбеть. Ибо ежели не о себе, то о ближнем он должен сие делать.

133. Когда враг соберет много записей о грехах, совершенных в забвении; тогда понуждает должника и не в забвении делать их, как бы уже по праву[20], пользуясь законом греховным.

134. Если хочешь непрестанно памятовать о Боге, то не отвергай злоключений, как несправедливо находящих; но переноси оные, как справедливо (тебя) постигающие. Ибо терпение оных при каждом случае пробуждает память, а отвержение их (злоключений) ослабляет умственное рассуждение, и чрез послабление (телу) производит забвение.

135. Если хочешь, чтобы Господь покрыл грехи твои, то не выказывай людям добродетель, если какую имеешь. Ибо как мы поступаем в отношении наших добродетелей, так Бог делает с нашими грехами.

136. Скрыв добродетель, не возносись, как бы совершающий правду. Ибо правда не в том только состоит, чтобы скрывать добрые дела, но и в том, чтобы не мыслить ни о чем запрещенном.

137. Не радуйся, когда сделаешь кому–либо добро; но когда без злопамятства перенесешь последующее за тем сопротивление. Ибо как ночи следуют за днями, так и пороки за добродетелями.

138. Тщеславие, сребролюбие и сластолюбие не оставят неоскверненным доброе дело, если они прежде не будут истреблены страхом Божиим.

139. В невольных скорбях сокрыта милость Божия, которая влечет переносящего оные к покаянию, и избавляет от вечной муки.

140. Некоторые, исполняя заповеди, ожидают, что они на весах будут противопоставлены их грехам; а другие умилостивляют ими Умершего за грехи. Надобно испытать: кто из них имеет справедливый образ мыслей?

141. Страх геенны и любви царствия подают терпение в скорбях. И сие не от себя, но от Того, Который знает помышления наши.

142. Верующий будущему удаляется здешних наслаждений без запрещения; а неверующий предается наслаждениям и безчувствен бывает.

---

[20] В слав.: «благословие».

143. Не говори: «Как может бедный предаваться сладострастию, не имея к тому способов?» Ибо иной может и еще бедственнее сладостраствовать помыслами.

144. Иное есть ведение вещей, а иное ведение истины. Сколько различно солнце от луны, столько второе полезнее первого.

145. Ведение вещей получается, по мере исполнения заповедей; ведение же истины, по мере надежды на Христа.

146. Если хочешь спастись и достигнуть ведения истины; то старайся всегда возвышаться над чувственным, и одною надеждою прилепляться к Богу. Таким образом с понуждением уклоняясь (от чувственного), встретишь начала и власти, ведущие с тобою брань приражениями помыслов; но побеждая их молитвою, и пребывая благонадежным, будешь иметь благодать Божию, которая избавить тебя от будущего гнева.

147. Кто разумеет таинственное изречение Св. Павла, что *«наша брань к духовом злобы»* (Ефес. 6, 12), тот уразумеет и притчу Господню, в которой Он сказал, что должно всегда молиться и не унывать (Лук. 18, 1).

148. Закон преобразовательно повелевает шесть дней делать, а в седьмой праздновать. Поскольку дело души состоит в благотворении имением, то есть делами; упразднение же ее и покой в том, чтобы продать все и дать нищим, по слову Господню, и чрез такую нестяжательность успокоившись, пребывать в мысленном уповании. В сей–то покой и Павел поощряет нас войти со тщанием, говоря: *«Потщимся внити в оный покой»* (Евр. 4, 11).

149. Сказав сие, мы не заключаем будущего и не утверждаем, что здесь будет всеобщее воздаяние; но что должно прежде иметь в сердце действующую благодать Святаго Духа, и таким образом по мере ее в нас действия войти в царствие небесное. — Открывая сие, Господь сказал: *«Царствие небесное внутрь вас есть»* (Лук. 17, 21). То же сказал и Апостол: *«Вера есть уповаемых извещение»* (Евр. 11, 1); и еще: *«Тако тецыте, да постигнете»* (1 Кор. 9, 24); и еще: *«Искушайте себе, аще есте в вере, или не знаете, яко Иисус Христос живет в вас, разве точию чим неискусни есте»* (2 Кор. 13, 5).

150. Познавший истину не противится скорбным приключениям. Ибо знает, что они приводят человека к страху Божию.

151. Прежние грехи, будучи воспоминаемы по виду, вредят благонадежного. Ибо если они приносят с собою печаль, то удаляют от надежды, а представившись без печали, влагают внутрь прежнюю скверну.

152. Когда ум, чрез отречение от пороков, приобретет мысленную надежду: тогда враг, под предлогом исповедания, изображает прежде бывшие пороки, дабы страсти, по благодати Божией преданные забвению, воспламенить, и тайно повредить человеку. — Ибо тогда и твер-

дый[21] и ненавидящий страсти (ум) по необходимости помрачится, смутившись сделанными (грехами). И если он еще мрачен и сластолюбив, то всячески умедлит и будет пристрастно беседовать с приражениями помыслов, так что воспоминание это будет не исповеданием грехов, а представлением прежних греховных впечатлений.

153. Если хочешь приносить Богу неосужденное исповедание, то не вспоминай греховных изменений по виду их, но мужественно терпи находящии скорби за них.

154. Скорби находят за прежде бывшие грехи, принося с собою сродное каждому прегрешению.

155. Разумный и познавший истину исповедается Богу не воспоминанием о сделанном, но терпением постигающих его (злоключений).

156. Отвергнув сердечное болезнование (о грехах) и бесчестие, не обещайся принести покаяние посредством других добродетелей; ибо тщеславие и бесчувствие умеют служить греху и посредством правых дел.

157. Как добродетель обыкновенно рождается от скорбей и бесчестия; так и порок от сластей и тщеславия.

158. Всякая телесная сласть происходит от предшествовавшего упокоения (тела), а упокоение рождается от неверия.

159. Находящийся под грехом не может один преодолеть плотского мудрования. Ибо имеет непрестанное и содержащееся в членах разжжение.

160. Страстным надлежит пребывать в молитве и повиновении. Ибо и с помощью едва можно вести брань с прежними греховными навыками.

161. Кто добровольно с повиновением и молитвою подвизается, тот есть искусный подвижник, ясно показывающий удалением от чувственного мысленную борьбу.

162. Не соглашающий своей воли с волею Божией, встречает препятствие в своих предприятиях, и бывает подвластен врагам.

163. Когда увидишь двух порочных, имеющих любовь друг к другу, то знай, что они один другому содействуют к исполнению своей воли.

164. Высокомудрый и тщеславный охотно соглашаются друг с другом: ибо тот хвалит тщеславного, рабски пред ним уничижающегося, а сей величает высокомудрого, часто похваляемого[22].

165. Боголюбивый слушатель с обеих сторон получает пользу. Если его хвалят за добрые дела, то делается ревностнее к оным; а если обличают в злых делах, то понуждается к покаянию. Должно же нам жизнь вести сообразно преуспеянию (духовному) и, смотря по жизни, должно Богу приносить молитвы.

---

[21] По другому чтению на полях греч. текста: «светлый»
[22] В греч. Добротолюбии: «похваляющего».

166. Хорошо держаться главной заповеди, и ни о чем в частности не заботиться, ни о чем в частности не молиться; но только искать царствия и слова Божия. А если мы еще заботимся о каждой потребности, то и молиться должны о каждой; ибо кто без молитвы делает что–нибудь, или о чем–либо заботится, тот не получает успеха в окончании своего дела. О сем–то Господь сказал: *«Не можете без Мене творити ничесоже»* (Иоан. 15, 5).

167. Кто пренебрегает заповедь о молитве, того постигают грубейшие преступления, которые пересылают его как узника от одного к другому.

168. Кто переносит настоящие скорби с надеждой получения будущих благ, тот обрел ведение истины, и удобно избавится от гнева и печали.

169. Кто за истину терпит оскорбление и бесчестие, тот идет путем Апостольским, неся крест и облагаясь веригами. А кто без сего покушается внимать сердцу, тот заблуждается умом, и впадает в искушения и сети диавола.

170. Ни злых помыслов отдельно от причин их, ни причин отдельно от помыслов нельзя победить ведущему с ними брань. Ибо, если одно что–нибудь отдельно отвергнем, то спустя немного посредством другого обоими будем облагаемы.

171. Кто из боязни страдания и поношения борется с людьми, тот или здесь сильно страдает от находящих на него злоключений, или в будущем веке мучится без милости.

172. Кто желает отклонить от себя всякое злоключение, тот должен молитвою примирить с Богом дела свои, и мысленно иметь упование на Него, а попечением о чувственном пренебрегать по силе.

173. Когда диавол найдет человека, без нужды занимающегося телесными делами, то прежде похищает как добычу разумное его ведение, а потом как главу отсекает упование на Бога.

174. Когда достигнешь твердыни чистой молитвы, то не принимай приносимого в то время от врага разумения вещей, дабы не потерять тебе большего. Ибо лучше стрелами молитвы уязвлять его, заключенного внизу где–нибудь, нежели беседовать с ним, когда он приносит нам вредные (помыслы), и ухищряется отвлечь нас от моления на него.

175. Разумение вещей во время искушения бывает полезно для человека, а во время молитвы обыкновенно вредит.

176. Если тебе выпал жребий учить о Господе, и тебя ослушиваются, то скорби о сем мысленно, и не смущайся явно. Ибо, скорбя, не будешь осужден с ослушником, смущаясь же, подвергнешься в том же деле искушению.

177. При изложении учения, не скрывай от присутствующих приличного для них; что благоприлично, излагай яснее, а чего вместить не могут (по причине строго обличения), то предлагай загадочно.

178. Неподчиненного тебе не обличай в проступке; ибо это есть более дело власти, чем совета.

179. Что говорится (вообще) в числе множественном, то бывает всем полезно; ибо каждому свое укажет совесть.

180. Говорящий справедливое, должен и сам как бы от Бога принимать слова. Ибо истина не есть (собственность) человека говорящего, но действующего Бога.

181. Не имей спора с противляющимися истине, которые не подчиняются тебе добровольно, чтобы не возбудить в них ненависти к себе по Писанию.

182. Кто попускает послушнику противоречить себе там, где не следует, тот обольщает его в этом деле, и допускает отвергать обеты повиновения.

183. Кто со страхом Божиим вразумляет и наставляет согрешающего (в чем–либо), тот приобретает себе добродетель, противоположную греху. А злопамятный и недоброжелательно порицающий его, впадает по закону духовному в одинаковую с ним страсть.

184. Хорошо обучившийся Закону, боится Законодателя; и боясь Его, уклоняется от всякого зла.

185. Не будь двоязычен, то есть иначе расположен на словах, и иначе в совести. Ибо таковой, по Писанию, подлежит проклятию.

186. Иной говорит истину, и бывает за сие ненавидим от безумных, по слову Апостола; иной лицемерит, и бывает за то любим: однако ни одно из сих воздаяний не бывает продолжительно. Поелику Господь в свое время каждому воздаст должное.

187. Желающий отклонить от себя будущие бедствия должен с радостью переносить настоящие. Ибо таким образом, мысленно изменяя одно на другое, он чрез малые скорби избежит великих мучений.

188. Огради ум от самохваления и помысл от высокого о себе мнения, дабы не быть попущену сделать противное, ибо благое не одним человеком совершается, но помощью всевидящего Бога.

189. Всевидящий Бог как делам нашим определяет достойное воздаяние, так и помыслам и произвольным разумениям.

190. Невольные помыслы рождаются от предварительного греха, а произвольные от самовластной воли. Посему последние бывают причиной первых.

191. Злым мыслям, бывающим против (нашего) намерения, последует печаль; посему они скоро и исчезают; а бывающим по произволению последует радость, посему и трудно от них избавиться.

192. Сластолюбивый печалится о порицаниях и злостраданиях, а боголюбивый о похвалах и преизбытке.

193. Не познавающий судеб Божиих идет умом по пути, пролегающему между стремнин, и от всякого ветра удобно низлагается: будучи хвалим он гордится; будучи порицаем, огорчается; наслаждаясь (пищею), увлекается телесною страстью; в злостраданиях плачет, — зная что–либо, хочет показываться (знающим); и не разумевая, притворяется разумевающим; богатея, кичится; находясь в нищете, лицемерствует; насытившись, бывает дерзновенен, и постясь тщеславится; с обличающими любит спорить, и на подающих ему прощение смотрит как на неразумных.

194. Итак, если кто благодатию Христовой не приобретет ведения истины и страха Божия, тот не только от страстей, но и от внешних обстоятельств жестоко бывает уязвляем.

195. Если хочешь разрешить неудобопонятное дело, то ищи о нем, что угодно Богу, и тогда найдешь полезное об оном разрешение.

196. Дела к которым благоволит Бог, тем и вся тварь служит; а от которых Он отвращается, тем и тварь противится.

197. Кто противится постигающим его скорбям, тот сам того не зная, противится повелению Божию. А кто принимает их с истинным ведением, тот, по Писанию, *«терпит Господа»*.

198. Когда постигнет тебя (скорбное) искушение, то не изыскивай, для чего, и отчего оно пришло; (но старайся), как бы оное перенес с благодарностью, без печали и злопамятства.

199. Чуждое зло не прибавляет греха, ежели мы не воспримем оного злыми мыслями.

200. Если трудно найти человека, без искушений благоугодившего Богу; то должно благодарить Бога за всякий встретившийся с нами случай.

201. Если бы Петр не оставил ночной ловитвы, то не получил бы успеха и в дневной. И если бы Павел не ослеп чувственно, то не прозрел бы и умственно. Если бы и Стефан не был оклеветан, как хулитель, то в отверзшихся небесах не увидел бы Бога.

202. Как делание по Богу называется добродетелью, так и нечаянная скорбь называется искушением.

203. Бог искушал Авраама, то есть, посылал ему скорби к его же собственной пользе, не для того, чтобы узнать каков он: ибо знающий все прежде бытия, знал и его; но чтобы подать ему повод к совершенной вере.

204. Всякая скорбь обличает, куда преклоняется наша воля, на добрую или худую сторону. Посему случайная скорбь именуется искушением: ибо служит для подвергшегося ей испытанием сокровенных его желаний.

205. Страх Божий понуждает нас вести борьбу с пороком; и когда мы боремся, Господь истребляет его.

206. Мудрость состоит не в том только, чтобы естественным порядком узнать истину, но и в том, чтобы от обижающих нас переносить зло, как собственное свое. Ибо пребывающие в первой уклоняются в гордость, а достигшие второй приобретают смиренномудрие.

207. Если хочешь, чтобы тебя не беспокоили злые помыслы, то принимай уничижение души и скорбь телесную, и не отчасти, но во всякое время, во всяком месте, и во всяком деле.

208. Кто произвольно подвергает себя скорбям, тем не будут обладать непроизвольные помыслы. А кто первых не принимает, тот невольно делается пленником последних.

209. Когда от обиды раздражится внутренность твоя и сердце, то не печалься о том, что смотрительно пришло в движение прежде внутри лежавшее, но с радостью низлагай возникшие помыслы, зная, что если будешь истреблять их при первом приражении, то и злое по движении истребляется вместе с ними; а от умножения помыслов, и зло обыкновенно получает приращение.

210. Без сокрушения сердца невозможно совершенно избавиться от зла; а сердце сокрушается от тройственного воздержания: от сна, говорю, пищи и телесного покоя. — Ибо излишество оных производит сладострастие, сладострастие же принимает злые помыслы и противится молитве и приличному служению.

211. Получив жребий повелевать братиями, сохраняй достоинство (твоего звания), и по причине прекословящих не умалчивай должного. В чем они будут послушны, в том получишь награду за их добродетель; в чем же не послушают, то совершенно прости им, и примешь равное от того, который сказал: *«Отпустите и отпустится вам»* (Лк. 6, 37).

212. Всякий случай подобен торговле: умеющий производить оную приобретает многое, а неумеющий терпит убыток.

213. Кто от одного слова не оказывает послушания, того не понуждай прением: но приобретением, которое он отверг, сам воспользуйся. Ибо незлобие больше принесет тебе пользы, нежели его исправление.

214. Когда вред от одного распространяется на многих, тогда не следует быть долготерпеливым, и не своей искать пользы, но спасения многих. Поелику общая добродетель полезнее частной.

215. Если кто впадет в какое–либо согрешение, и не будет печалиться по мере оного, то легко опять впадет в ту же сеть.

216. Как львица не встречается дружелюбно с теленком, так бесстыдство не принимает с любовью печали по Боге.

217. Как овца с волком не сходится для деторождения, так болезнование сердечное не соединяется с пресыщением, к зачатию добродетелей.

218. Никто не может иметь болезнование и печали по Боге, если не возлюбит прежде причины оных.

219. Страх Божий и внутреннее себя обличение рождают печаль; а воздержание и бдение соединены с болезнованием.

220. Кто не исправляется от заповедей и учений Писания, тот будет гоним конским бичом, и рожном ослиным. А если и сие отвергнет, то браздами и уздою востягнуты будут челюсти его.

221. Кто малыми искушениями легко бывает побеждаем: тот великими поневоле порабощен будет; а кто малые презирает, тот противостанет о Господе и великим.

222. Не покушайся обличениями принести пользу тому, кто хвалится добродетелями; ибо кто любит себя выказывать, тот не может быть любителем истины.

223. Всякое слово Христово являет милость, правду и премудрость Божию, и силу их чрез слух подает охотно слушающим. Посему немилостивые и неправедные, неохотно его слушая, не могли познать премудрость Божию, и даже Учащего оной распяли. Итак, и мы должны смотреть, охотно ли Его слушаем. Ибо Он сказал: *«Любяй Мя, заповеди Мои соблюдет, и возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам»* (Ин. 14, 15, 21). Видишь ли, как Он явление Свое сокрыл в заповедях? Итак, все заповеди содержатся в любви к Богу и ближнему, к которой ведет удаление от вещественного и безмолвие помыслов.

224. Зная сие, Господь заповедует нам говоря: *«Не пецытеся о утри»* (Мф. 6, 34). Да и справедливо. Ибо не освободившийся от вещественного и от попечения о нем, как освободится от лукавых помыслов? А одержимый помыслами как увидит скрывающийся под ними существенный грех, который есть тьма и мгла души, и получает начало от лукавых мыслей и дел, так что диавол искушает (человека) без понуждения одним приражением, показывая лишь начало (зла). Человек же, охотно сочетавшись с ним по сластям и тщеславию, хотя и по рассуждению и не желал сего, но делом услаждался и принимал. Если же не познает сего общего[23] греха[24], то когда помолится о нем, чтобы очиститься от него? А не очистившись, как найдет место чистого естества? Не найдя же его, как увидит внутренний дом Христов? Ибо мы есмы дом Божий по слову Пророческому, Евангельскому и Апостольскому (Иезек. 37, 27. Захар. 2, 10. Иоан. 14, 23. 1 Кор. 3, 16).

225. Итак, надлежит вышепоказанным порядком искать, дабы найти сей дом, и, пребывая в молитве, стучать, (Матф. 7, 7), дабы или здесь, или при смерти отверз его нам Владыка, и дабы не сказал вознерадевшим: *«Не вем вас откуду есте»* (Лук. 13, 25). Но мы должны не только

---

[23] В слав. переводе: «обдержительнаго».

[24] Т. е. греха, который заключает в себе другие грехи и служит им началом.

просить и получить, но и сохранить данное нам; ибо некоторые и после получения утратили. — Посему простое знание вышесказанных предметов и случайную опытность в оных, может быть, имеют и поздно начавшие учиться и юные; а продолжительное делание с терпением едва имеют и благочестивые[25] и многоопытные старцы, которые оное часто от невнимания теряли, и опять добровольными трудами отыскивали и находили. И так и мы да не престанем делать сего, доколе не приобретем оного (делания) неотъемлемо.

226.Таковы оправдания духовного закона. Мы узнали немногие из многих, которым и великий Псалмопевец непрестанно советует поучаться и исполнять оные, часто воспевая о Господе Иисусе, Которому подобает слава и держава и поклонение ныне и во веки. Аминь.

[25] В слав. переводе: «благоговейные».

Послание к монаху Николаю [26]

Преревозлюбленному сыну Николаю!

Поелику ты прежде много заботился о спасении своем и, имея великое попечение о жизни по Боге, объяснил нам о себе, какими трудами и с каким пламенным стремлением желал ты соединиться с Господом строгою жизнию и воздержанием, подвизаясь во всяком злострадании, во многом бдении и крепкой молитве. Ты изъяснил нам также, какие брани и какое множество плотских страстей воздвигаются в естестве тела и восстают на душу от закона греховного, противовоюющии закону ума нашего. Ты сетовал о том, что тебя слишком беспокоят страсти гнева и похоти, и искал какого–либо способа, и разумного совета спрашивал, какие труды и подвиги употребив, ты мог бы победить упомянутые пагубные страсти. И в то время, сколько было можно, мы лично советовали любви твоей, предлагая тебе душеполезные разумения и мудрования и показывая, какими трудами и подвижническими усилиями с разумом и просвещенным рассудительным ведением душа, живя по Евангелию верою, при помощи Благодати, может преодолеть истекающее извнутрь зло греха, особенно упомянутые страсти. Ибо от каких страстей по укоренившейся привычке душа наиболее восприняла как бы образ и сильнее ими привлекается, противу тех должна она предпринять и усерднейший, непрестанный подвиг, пока не покорит себе плотские и неразумные действия сердца, которым прежде сама покорялась и которыми увлекалась, и чрез частое воспоминание помыслов и злое поучение в них была их пленницею по причине внутреннего согласия с ними мыслей.

Поелику же мы на время удалены от тебя лицем, а не сердцем, ушедши в пустыню к истинным делателям и подвижникам Христовым, чтобы и нам хотя мало несколько подвизаясь и сподвизаясь с братиею, подвизающеюся противу сопротивных действий и доблественно сопротивляющеюся страстям, отложить леность, оттрясти уныние, отвергнуть

[26] По переводу «оптиной пустыни».

нерадение и воспринять всякое старание и прилежание в угождении Богу. Потому и поусердствовали мы письменно изложить искренности твоей малый совет и полезное учение, чтобы ты, с прилежанием прочитывая в малом письменном совете, нашел то же самое, вкратце изложенное, о чем лично мною говорено было тебе, как бы в присутствии нашем насладился духовной пользы. Итак, сын мой, начало пользы твоей о Боге должно быть отсюда. Ты должен всегда незабвенно помнить и в непрестанном (внутреннем) поучении размышлять о всех благодеяниях Человеколюбивого Бога и о действиях Его Промысла, совершившихся на тебе и совершающихся ко спасению души твоей, а не быть покрываемым порочным забвением или по причине уныния не вспоминать многих и великих Его благодеяний и поэтому бесполезно и неблагодарно проводить остальное время. Ибо такое непрестанное памятование, как бы некое острие, пронзая сердце, побуждает его всегда к исповеданию, к смирению, к благодарению с сокрушенною душою, ко всякому благому усердию, к приобретению доброго нрава и благих навыков и (к исправлению) всякой о Боге добродетели, сердце, которое всегда с мыслью, (проистекающею) от благой совести, поучается сему пророческому слову: *«Что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми»* (Пс. 115, 3)? Ибо когда душа помыслит о благодеяниях Человеколюбивого Бога, от рождения на ней бывших, или от скольких бед многократно была она избавлена, или то, сколько подпавши злу и в прегрешения многократно поползнувшись волею, не предана была праведно в погибель и смерть прельстившим ее духам; но (напротив) человеколюбивый Владыка, долготерпеливо презирая согрешения и ожидая обращения ее, — ее, произвольно работавшую чрез страсти врагам и лукавым духам, Он питал, покрывал и всячески помышлял о ней, и напоследок благим мановением наставил ее на путь спасения, вложил в сердце ее любовь к подвижнической жизни, укрепил с радостью оставить мир и всякую его прелесть плотских сластей, украсил Ангельским образом постнического чина и устроил удобное принятие от св. мужей в собрание их братства. Кто, (спрашиваю), имея мысль, (руководимую) благою совестью, и размышляя о всем этом, не будет всегда в сокрушении сердца, имея столько обручений предварительных благодеяний, еще не сделав сам ничего благого? Не возымел ли бы навсегда (таковой) по рассмотрении себя твердую надежду, (размышляя в себе так): «Если и тогда, как я не сделал ничего доброго, но и много согрешил пред Ним, живши в плотских нечистотах и в иных многих страстях, Он не по грехам моим сотворил мне и не по беззакониям моим воздал мне (Пс. 102, 10), но ниспослал такие дары и благодеяния во спасение мне. Если отселе посвящу себя совершенно на то, чтобы работать Ему во всяком непорочном пребывании и исправлении добродетелей, то скольких благ и духовных дарований сподобит Он меня, укрепляя на всякое благое дело, исправляя и наставляя?» Имеющий всегда таковой помысл и не забывающий Божиих благодеяний,

преклоняет, направляет и понуждает себя ко всякому благому обучению добродетели и ко всякому деланию правды, будучи всегда усерден, всегда готов исполнить волю Божию. Посему, возлюбленный сын мой! имея благодатью Христовою естественный разум, всегда храни в себе сие постоянное размышление и благое поучение, и не будь покрываем пагубным забвением, или возбраняем унынием, которое соделывает ум суетным и уклоняет от жизни, или помрачаем в помыслах невежеством, которое есть причина всех зол, или прельщаем от всезлобного нерадения; не (будь также) отвлекаем плотскою сластью, ни побеждаем от чревонеистовства, ни пленяем умом от похоти, производя в себе осквернение согласием с блудными помыслами, ни побеждаем от гнева, рождающего братоненавидение, и (мнимого) ради милосердия или под каким–либо презренным предлогом опечаливая и опечаливаясь, и приводя себе на память лукавые помыслы против ближнего, уклоняясь от чистой Богу молитвы, и умом пленяем, и зверским помыслом подзирая единодушного брата; (ибо), связуемый в совести неразумным нравом плотского мудрования, предан будешь до времени в наказание злым духам, которым сам покорялся, пока ум (твой), будучи отвсюду окружен недоумениями и поглощен печалью, и унынием, и предварительными винами, погубив преуспеяние по Богу, снова начнет воспринимать со многим смирением начало пути спасения, и много потрудившись в молитвах и всенощных бдениях, разрешив вины смирением и исповеданием Богу и ближнему, таким образом начнет снова истрезвляться и, вразумляемый просвещением разума Евангельского, при содействии благодати Божией, познает, что не предавший себя совершенно на крест смиренным образом мыслей и не повергнувший себя под всеми для того, чтобы переносить попрания, уничижения, презрение, обиды, осмеяние и поругание, и все сие терпеть с радостью Господа ради, отнюдь не преклоняясь к человеческой славе, или к чести, или к похвале, или к сласти пищи и пития, или к (лучшей) одежде, — не может быть истинным христианином.

Итак, видя, что нам предлежат таковые подвиги, почести и венцы, доколе мы будем поругаемы видом притворного благочестия, с ухищрением работая Господу, будучи за одних почитаемы от людей, а другими видимы от Ведущего тайное? Ибо, почитаемые от многих святыми, мы еще свирепы нравом, поистине имеем *«образ благочестия, силы же его»* пред Богом не приобрели (2 Тим. 3, 5); бываем почитаемы от многих девственниками и чистыми, а пред Ведущим тайны внутренно оскверняемся согласием с блудными помыслами, и очерняемся действиями страстей, и ради притворного еще подвижничества нашего ниспадаем от человеческих похвал и ослепляемся умом нашим. Доколе будем ходить в суете ума, не усвояя себе Евангельского образа мыслей и не познавая жительства по совести, дабы со всем тщанием преуспевать в оном и чрез сие обрести дерзновение в совести нашей, но еще утверждаемся на одной мнимой правде внешнего человека по причине лишения истинного

ведения, и прельщаем себя лишь внешними обучениями, желая угождать людям и ища от них славы, чести и похвал. Поистине, *«приидет Господь, Иже во свете приведет тайная тмы и объявит советы сердечныя»* (1 Кор. 4, 5), необольстимый Судия, Который ни богатого не стыдится, ни нищего не помилует, Тот, Который отнимет внешний образ и объявит внутрь сокровенную истину: по совести жительствующих истинных подвижников и страдальцев увенчает в присутствии Ангелов пред Отцем Своим, а притворных и образом благочестия одеянных, показывающих людям жизнь только наружную, и на ней суетно утверждающихся, и умом прельщающих себя изобличит пред Вышнею Церковью святых и пред всем Небесным воинством и так их горько стыдящихся пошлет во тьму кромешную, по примеру юродивых дев, которые и внешнее девство сохранили, (ибо нимало за сие не были порицаемы), и имели несколько елея в сосудах своих, то есть были причастницами некоторых добродетелей, и внешних исправлений, и некоторых дарований, почему и светильники их горели до некоторого времени; (отвержены же были за то, что) по нерадению, и невежеству, и унынию не позаботились о себе как должно и не познали достоверно множество страстей, кроющихся внутри, и приводимое в действие лукавыми духами; но разумения их были растлеваемы противными действиями, и, сообщаясь с ними согласием помыслов, они были тайно прельщаемы и побеждаемы злобнейшею завистью, ненавидящею добра, ревностью, ссорами, спорливостью, ненавистью, гневом, огорчением, злопамятностью, лицемерием, раздражительностью, гордостью, тщеславием, человекоугодием, самоугодием, сребролюбием, унынием, похотью плотскою, помыслами, производящими сладострастие, неверием, бесстрашием, боязнью, печалью, прекословием, слабостью, сном, высокоумием, самооправданием, возношением, кичливостью, ненасытностью, невоздержанием, лихоимством, всего лютейшим отчаянием и тонкими действиями зла. Сии девы и добрые дела свои или похвальную жизнь, которые они считали нужным совершать перед людьми для получения от них похвал, и самое то, что были они причастницами некоторых дарований, продавали духам тщеславия и человекоугодия; и, порабощаясь также прочими страстями, смешивали добрые обучения с лукавым и плотским образом мыслей и чрез то соделывали оные неприятными и нечистыми, как Каинову жертву, почему и лишены радости Жениха и затворены вне Чертога Небесного.

Итак, помышляя, рассуждая и испытывая о сем, познаем и уразумеем, в каких делах мы пребываем, дабы, доколе еще имеем время покаяния и обращения, исправить себя так, чтобы добрые наши дела, будучи совершаемы чисто, были истинны и добры, не смешиваемы с плотским мудрованием, да не окажутся отверженными (от Господа), как жертва порочная, за бесстрашие, нерадение и оскудение истинного ведения; дабы (и с нами) не случилось того, что и труды девства, и воздержания, и

бдения, и поста, и страннолюбия мы понесем, и дни утратим, а за вышесказанные вины страстей мнимая наша праведность, оказавшись жертвою порочною, будет неприятна Небесному Священнику — Христу.

Прежде всего, сын мой, надлежит стараться о ведении и разуме (духовном) тому, кто хочет взять крест свой и последовать (Христу) с непрестанным в себе испытанием своих помыслов, и многим попечением о спасении и (истинном) ведении, со многим к Богу тщанием, и вопрошением единодушных и единомудренных рабов Божиих, и одинаковым подвигом подвизающихся, чтобы, не зная где и как ходит, не шествовать (ему), (как) во тьме без света светильника, ибо кто идет (путем сим) самочинно, без Евангельского ведения и совсем без наставления, тот много претыкается, впадает во многие ямы и сети лукавого, много заблуждает, и во многие впадает беды, и не знает, какой конец получит. Многие прошли (путь свой) со многими трудами, подвижничеством и злостраданием и многие труды претерпели Бога ради, но самочиние, нерассуждение и нетребование от ближнего пользы соделало таковые труды их нетвердыми и суетными.

Итак, ты, о сын мой возлюбленный, помни, что я сказал тебе в самом начале увещания, и не забывай благодеяний, оказанных тебе достопокланяемым и человеколюбивым Богом, будучи отвлекаем (от сего) охранением злобы (вражией) и унынием, но, полагая пред очами своими бывшие от начала рождения твоего доныне или телесные, или духовные благодеяния, Размышляй об оных и всегда поучайся в них, по сказанному: *«Не забывай всех воздаяний Его»* (Пс. 102, 2), чтобы сердце удобно возбуждалось ко страху Божию и любви, дабы по силе своей внимательно провести жизнь, (сохраняя) добродетельное жительство, совесть благочестивую, слово благоприличное, правую веру, смиренное мудрование и, просто сказать, предать всего себя Богу, убеждаясь памятью благодеяний, которые ты получил от Благого и Человеколюбивого Бога, чтобы сердце твое само собою таковою памятью благодеяний, и особенно при содействии помощи свыше, уязвлялось в любовь и желание (к Богу). Поелику Он не сотворил другим много лучше тебя то чудесное, что на тебе показал по неизреченному Своему человеколюбию. Итак, все, бывшее тебе от Бога благое, постарайся содержать в непрестанной памяти. Особенно же непрестанно вспоминай ту великую и дивную благодать, которую Бог подал тебе, как ты нам говорил, во время плавания твоего вместе с матерью от св. мест в Константинополь, когда ночью воздвиглась страшная и неудержимая буря и волнение, и все, бывшие в корабле, вместе с корабельниками и с самою матерью твоею погибли во глубине, и только один ты с двумя другими спаслись преславною Божественною силою, будучи выкинуты на берег, и как (Господь) устроил путь твой в Анкору, где с отеческим благоутробием был принят некоторым милостивым мужем и соединился любовью с благоговейнейшим сыном Епифанием, и как оба вы, быв наставлены преподобным мужем,

обратились на путь спасения и были приняты от св. рабов Божиих как искренние чада. За все сии бывшие тебе от Бога благодеяния что достойное можешь ты воздать Призвавшему душу твою в жизнь вечную? Поистине, отселе ты должен жить (по Писанию) не себе, но умершему за тебя и воскресшему Христу во всякой добродетели, правде, во всяком исполнении заповедей, ища всегда, *«что есть воля Божия благая и угодная и совершенная»* (Рим. 12, 2), и всею своею силою стараясь достигать сего. Вместе с сим юность твою, сын мой, покори слову Божию так, как само слово сего требует: представить тело (свое) *«жертву живу святу, благоугодну Богови, словесное служение»* (Рим. 12, 2); и всякую влагу плотской похоти заставь иссякнуть и иссуши малоядением, малопитием и всенощными бдениями, дабы и ты мог сказать о себе от залога сердечного: *«Бех яко мех на слане: оправданий Твоих незабых»* (Пс. 118, 83); и познав, что ты Христов, *«распни плоть»* свою, по апостольскому гласу, *«со страстьми и похотьми»* (Гал. 5, 24) и *«умертви уды яже на земли»*, т. е. не только деяние блуда, но и возбуждаемую от лукавых духов во плоти нечистоту. И не сим только ограничивает подвиг свой ожидающий венца истинного, нескверного и всесовершенного девства, но, последуя апостольскому учению, подвизается умерщвлять и самое явление и движение этой страсти; даже и сим еще не удовлетворяется с сильным рачением домогающийся вселить в свое тело ангельское и пречистое девство, но молится, дабы истребилось и самое воспоминание тонкой похоти, бывающее в одном помысле без движения и действия телесной страсти, во время рассеяния ума находящее. Сие же может совершиться лишь помощию свыше и единою силою и подаянием Св. Духа. Есть ли такие, которые сподобляются сей благодати? Таким образом, ожидающий венца чистого, невещественного и нескверного девства, распинает постническими трудами плоть свою, умерщвляет уды, яже на земли, продолжительным и непрестанным воздержанием, истневая (сокрушая) внешнего человека, и истончевая его, и соделывая ветхим и иссохшим, чтобы верою, подвигами и действием благодати внутренний человек обновлялся день ото дня, преуспевая на лучшее, возрастая любовью, украшаясь кротостью, веселясь радованием духа, упокоеваем миром Христовым, водим благодатью, оберегаем благостью, окружаем страхом Божиим, освещаем разумом и ведением, просвещаем премудростью, наставляем смиренномудрием. Сими и сим подобными добродетелями ум, будучи обновляем от Духа, познает в себе начертание боговидного образа, и усматривает мысленную и неизреченную доброту Владычнего подобия, и постигает богатство завещательного закона самонаученной и саморазумной Премудрости. Итак, сын мой, вышереченными (подвигами) истончи юношескую плоть и утучни бессмертную душу, а вышереченными добродетелями обнови ум содействием Духа. Ибо юношеская плоть, утучненная различными снедями и питием вина, есть как бы вепрь, готовый на заклание разжением телесных сластей, ко-

торого закалается душа и ум пленяется распалением злой похоти, будучи не в состоянии сопротивляться плотским сластям. Ибо умножение крови удаляет Духа. Особенно же юность не должна даже и обонять вкушения вина, дабы сугубый пожар, являющийся во внутреннем действии страсти и отвне обливаемый питием вина, которым сильнее возгорается плотская сласть, не отогнал от нее (души) духовную сладость болезненного умиления и не произвел в сердце смешения и нечувствия; но ради духовного вожделения юношество не должно и воды вкушать до сытости, ибо скудость воды к приобретению целомудрия весьма содействует. Испытав сие на деле, ты опытом убедишься в этом. Не думай, чтобы мы хотели наложить на тебя ярем нужды, законополагая или повелевая сие, но любезно поучаем и советуем сие как способ и благое художество, содействующее истинному девству и достоверному целомудрию, оставляя твоему самовластному произволению делать, что оно хочет.

Приди, наконец, рассудим несколько и о неразумной страсти гнева, опустошающей, смущающей и помрачающей всякую душу и являющей человека во время движения и действия своего подобным зверям, особенно же легко впадающего в нее и быстропреклонного к ней. Страсть сия особенно утверждается и укрепляется гордостью и бывает неразоримa, пока сие диавольское дерево огорчения, гнева и раздражительности бывает напояемо злою водою гордости, тогда оно хорошо растет, хорошо цветет и приносит много плодов беззакония. Таким образом, здание лукавых бывает неразоримо в душе, утверждаясь и укрепляясь на основании гордости. Итак, если хочешь, чтобы сие дерево беззакония, разумею страсть огорчения, гнева и раздражительности, иссохло в тебе и было бесплодным, чтобы секира Духа, пришедши, посекла его, ввергла в огонь, по гласу Евангельскому, и истребила его со всякою злобою; и если хочешь, чтобы сей дом беззакония, который лукавый всегда злобно созидает, собирая, как камни, различные основательные или неосновательные причины — дела вещественные или слова в помыслах (наших), и при сооружении в душе здания злобы полагая в утверждение и укрепление (оного) помыслы гордости. Если хочешь, говорю, чтобы дом сей был разорен и раскопан, то имей незабвенно в сердце твоем смирение Господне, что Он и чем сделался ради нас и от каковой высоты света Божества откровенного, по силе горних существ, и на небесах славимого от всего разумного естества: Ангелов, Архангелов, Престолов, Господствий, Начал, Властей, Херувимов и Серафимов и неименуемых Умных Сил, которых имена до нас не достигли, по пророчеству апостола, в каковую глубину человеческого смирения сошел по неизреченной Своей благости, по всему уподобившись нам, *«седящим во тьме и сени смертной»* (Ис. 9, 2; Мф. 4, 16), и чрез Адамово преступление бывшим пленниками, и чрез действие страстей от врага обладаемым. Итак, когда мы находились в таковом лютом пленении и были обладаемы невиди-

мою и горькою смертию, Владыка всей видимой и невидимой твари не постыдился, но смирил Себя и, восприняв осужденного человека от страстей бесчестия, запрещения и Владычнего (на него) изречения, стал подобен нам по всему, кроме греха, то есть кроме страстей бесчестия. Ибо постигнувшее человека в наказание за грех преступления изречением Владыки, то есть смерть, труды, алчбу, жажду и все таковое, восприял Он, быв тем, что мы, да мы будем тем, что Он: *«Слово плоть бысть, чтобы плоть была Словом, богат сый обнища нас Ради, да мы нищетою Его обогатимся»* (2 Кор. 8, 9); по великому человеколюбию уподобился нам, дабы мы всякою добродетелью уподобились Ему. Ибо с тех пор как пришел Христос, поистине новый человек обновляется по образу и по подобию благодатью Духа и силою, достигая в меру совершенной любви, вон изгоняющей страх и уже не подверженной падению, *«ибо любы николиже отпадает»* (1 Кор. 13, 8), потому что *«Бог,* — говорит Иоанн, *любы есть, и пребывали в любви в Бозе пребывает»* (1 Ин. 4, 16).

Сей меры сподобились апостолы и подобно им обучившиеся добродетели, и представившие себя Господу совершенными, и совершенным желанием во всей жизни своей последовавшие Христу. Итак, если будешь всегда незабвенно рассматривать таковое смирение, которое по неизреченному человеколюбию из любви к нам восприял Господь, то есть вселение Бога Слова в ложеснах, восприятие человека, рождение от Жены, постепенность телесного возрастания, бесчестие, досады, поношения, поругания, укорения, биения, оплевания, насмешки, наругание, червленую хламиду, терновый венец, приговор на Нею правителей, вопли против Него беззаконных иудеев, Его единоплеменников: *«Возми, возми, распни Его»* (Ин. 19, 15), крест, гвозди, копие, напоение оцтом и желчью, торжествование язычников, насмешки тех, которые, проходя, говорили Ему: *«Аще Сын еси Божий, сниди со креста... и веруем в Тя»* (Мф. 27, 40, 42), и прочие страдания, которые Он претерпел ради нас: распятие, смерть, тридневное во гробе погребение, сошествие во ад, затем — плоды страданий — каковы и какие? То есть, воскресение из мертвых, пленение ада и смерти, исшедших (оттуда) с Господом душ, на небеса вознесение, сидение одесную Отца *«превыше всякаго Началства и Власти... всякаго имене именуемаго»* (Еф. 1, 2), честь и славу, поклонение всех Ангелов Первенцу из мертвых, по причине Его страданий, согласно апостольскому слову: *«Сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе: Иже, во образе Божий сый, не восхищением непщева бытиравен Богу: но Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеся якоже человек: смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти лее крестныя. Темже и Бог Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних»* и прочее (Флп. 2, 5–10 и след.). Вот видишь ли последствия выше-

сказанных (страданий) по правде Божией: на какую славу и высоту вознесли человека Господня! А потому, если с любовью и желанием будешь незабвенно помнить сие в сердце твоем, то страсть огорчения, гнева и раздражительности не будет обладать тобою. Ибо если основание, (утверждающееся) на страсти гордости, чрез смирение Христово, которое рассматриваешь, исторгнуто будет наружу, то все здание беззакония, раздражительности, гнева и печали удобно разорится само собою. Ибо какое жесткое и каменное сердце не сокрушится, не умилится и не смирится, если будет всегда иметь в уме таковое Единородного Божество, смирившееся нас ради, и памятование вышесказанных исчисленных страдании? Не будет ли произвольно, по Писанию, земля, и пепел, и попрание всем человекам? И если душа (таким образом), смотря на смирение Христово, будет смиряться и сокрушаться, то какая раздражительность, какой гнев возможет обладать ею? Какое огорчение возможет одолеть ее? Но, как кажется, забвение сих полезных и оживотворяющих нас помыслов, и сестра его — уныние, и сим содействующее и единонравное неведение — тягчайшие и внутреннейшие страсти души, неудобообретаемые и неудобоисправляемые, лютым любопытством покрывая и помрачая душу, способствуют и прочим злым страстям действовать и укрываться в ней, ибо влагают бесстрашие и нерадение о добрых делах и удобно попускают каждой страсти дерзостно входить и действовать. Когда душа бывает покрыта всезлым забвением, пагубным унынием и всех зол матерью и питательницею — неведением, тогда жалкий и слепотствующий ум удобно привязывается ко всему видимому, разумеваемому или слышимому, то есть, если увидит красоту женскую, тотчас уязвляется плотскою похотью. Далее же, память, возобновляя страстно и с приятностью виденное, или слышанное, или осязанное воображением мыслей и злым (в этом) поучением живописует внутрь образы и через то оскверняет страстный еще и жалкий ум действием блудных духов. А наконец, и плоть, если будет тучна, или юна, или сыра [27], будучи удобно возбуждена таковыми воспоминаниями, страстно действует свойственное себе, возбуждаясь к похоти и иногда во сне или наяву производя нечистоту, хотя (таковой) в действительности и не имел общения с женою. И будучи от многих почитаем целомудрым, девственником и чистым, хотя и считает себя святым, пред Видящим же тайное бывает скверным, и блудником, и прелюбодеем, и справедливо будет осужден в оный день, если не будет плакать, и рыдать, и, истаяв плоть постом, бдениями и непрестанными молитвами и исцелив и исправив ум воспоминаниями и поучениями в слове Божием, не принесет достойного покаяния к Богу, пред Которым помыслил или соделал злое. Ибо неложен есть живый глас Сказавшего: *«Аз же глаголю вам, яко всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцы своем»* (Мф.

[27] В слав. переводе: «мокротна».

5, 28). Посему полезно, особенно юным, дабы отнюдь, если можно, не беседовать с женами, хотя бы они и казались святыми; так же, если можно, пребывать вне сообщества человеческого, то это облегчает брань и дает яснее разумевать свое преуспеяние; особенно же, если (кто) осторожно внимает себе и, употребляя мало пищи и мало воды, со многим бдением пребывает в молитве, подвизаясь и стараясь обращаться, и пребывать с искусными духовными отцами, и пользоваться их наставлениями. Ибо бедственно жить наедине самочинно, не опираясь на свидетельства (опытных), и вместе жить с неопытными в духовной брани, Потому что таковые бывают одержимы Другими образами браней. Поскольку многие суть козни злобы и сокровенные засады и отовсюду распростерты различные сети вражеские, посему, если можно, надлежит ходить вместе, то есть стараться часто приходить к разумным мужам и (по наставлению их) подвизаться, да таким образом если (кто) сам и не имеет светильника истинного разума по причине еще несовершенства умного возраста и младенчества; то, шествуя вместе с имеющим оный, не ходит во тьме, не терпит бедствий от тенет и сетей, не попадает мысленным зверям, пасущимся во тьме, которые похищают и избивают ходящих в ней без умного светильника Божественного слова. Итак, если хочешь, сын мой, иметь внутри (себя) свой светильник мысленного света и духовного разума, дабы возмог ты непреткновенно ходить в глубочайшей ночи века сего и чтобы стопы твои исправились от Господа (Пс. 118, 133), да по пророческому слову *«восхощеши зело»* (Пс. 36, 23) пути Евангелия, то есть с горячайшею верою проходить совершеннейшие Евангельские заповеди и желанием и молитвою быть причастником страданий Господних; то показываю тебе дивное художество и изобретение нрава духовного, требующее не телесного труда или подвига, но душевного труда, постоянства[28] ума и внимательной мысли, страхом и любовью Божиею споспешествуемое изобретение, которым ты возможешь удобно победить полк врагов, по примеру блаженного Давида, убившего одного исполина из иноплеменников верою и упованием на Бога и чрез то победившего со своими людьми тьмы врагов.

Содержание же нашего слова имеет предметом трех сильных и крепких иноплеменных исполинов, на которых утверждается вся сопротивная сила мысленного Олоферна; если они низложены и умерщвлены будут, то изнеможет в смертной борьбе всякая сила лукавых духов; кажущиеся же крепкими исполины лукавого суть три уже поименованные: неведение, мать всех зол; забвение — сестра его, содеиственница и помощница; и уныние, которое, соткав темную черного облака одежду и покрывало души, оба первые утверждает, укрепляет, служит им связью, вкореняет в нерадивейшей душе зло и делает его твердым. Ибо уныние, забвение и неведение укрепляют и увеличивают подпоры прочих стра-

[28] В слав. переводе: «настоятельства».

стей. Будучи помощниками одно другому и одно без другого не могши составиться, они являются силами сопротивного и сильными князьями лукавого, коими все воинство духов лукавствия обращается, утверждается и успевает совершать свои замыслы, без которых вышесказанное не может составить одного целого. Итак, если хочешь одержать победу над вышесказанными страстями и удобно победить полк мысленных иноплеменников, то молитвою и содействием Божиим, пришед в себя и входя в глубину сердца, исследуй сих трех сильных исполинов диавольских: разумею забвение, уныние и неведение, подпору мысленных иноплеменников, помощью коих и прочие злые страсти, обращаясь, живут, и действуют, и возмогают в сердцах сластолюбивых и в душах неразумных[29]. И многим вниманием и постоянством ума, с помощью свыше, найдя прочим неведомые, и даже не предполагаемые, губительнейшие прочих злые страсти, оружиями правды, сопротивными оным, разумею, памятью благою, причиною всех благ, и просвещенным разумом, коим, бодрствуя, душа отгоняет от себя тьму неведения, и особенным усердием, приготовляющим и возбуждающим душу ко спасению, — и, облекшись в сии оружия добродетели силою Святого Духа, всякою молитвою и молением доблестно и мужественно победишь трех вышесказанных исполинов, мысленных иноплеменников; при особенном[30] памятовании Бога всегда помышляя, *«елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста... елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала»* (Флп. 4, 8), и сим отгоняя от себя всезлейшее забвение; просвещенным же и небесным разумом истребляя губительное неведение тьмы; вседобродетельным же и добрейшим усердием изгоняя безбожное уныние, которое соделывает зло всажденным в душе. Стяжав же сии добродетели не одним произволением, но силою Божиею и содействием Святого Духа, со многим вниманием и молитвою, таким образом, возможешь избавиться трех вышесказанных крепких исполинов лукавого. Ибо когда в душе действенною благодатью понудительно составится согласие истинного ведения, памятования словес Божиих и благого усердия и прилежно будет сохраняться, то и самый след забвения, неведения и уныния в ней истребляется и превращается в ничто и отселе царствует в ней благодать о Христе Иисусе Господе нашем, Коему слава и держава во веки веков. Аминь.

[29] В слав. переводе: «ненаказанных».
[30] В слав. переводе: «изряднейшем».

Святой Симеон, новый богослов

Святой Симеон, новый богослов краткое сведение о нем [31].

Святого отца нашего Симеона, по дарованной ему от Бога благодати богословствования, называют Новым Богословом. Родился он в 949 году, родом был из Пафлагонии, воспитывался в Константинополе у дяди, одного из придворных. По окончании учения был немного при дворе, но скоро все оставил и вступил в обитель Студийскую, где был старец его, Симеон Благоговейный.

Св. Симеон говорил поучения и писал послания и наставления, общехристианские и подвижнические. Послания более в виде кратких статеек или глав. Формулируя мысль Симеона кратчайшим образом, можно сказать, что главным для него в христианской вере является личный, непосредственный опыт богообщения. В этом он продолжает традицию преп. Макария Великого.

Св. Симеон достиг высоты добродетели и бесстрастия, от чего сподобился божественной благодати, которую весьма трудно описать словами. Можно сказать, что он принял в себя всю силу Духа Утешителя и стал источником его сияния.

Скончался святой в 1022 году. Ученик его Никита Стифат, составитель жития его, собирал его писания и переписывал набело еще при жизни святого.

Ниже приводим 152 главы деятельные и богословские[32], «Слово о вере» святого Симеона и «Слово о трех образах молитвы» [33].

---

[31] Сведения по современному источнику.

[32] Часть глав принадлежит не Симеону, а его старцу, Симеону Благоговейному; но мы сохраняем традицию славянского Добротолюбия и оставляем главы как есть.

[33] Последние исследования склоняют к тому, что это слово принадлежит не Симеону Новому Богослову; однако мы придерживаемся традиции и оставляем все как есть.

Преподобного Симеона Нового Богослова деятельные и богословские главы, 152 [34]

Вера есть (быть готову) умереть Христа ради за заповедь Его, в убеждении, что такая смерть приносит жизнь, – нищету вменять в богатство, худость и ничтожество в истинную славу и знаменитость, и в то время как ничто не имеется, быть уверену, что всем обладаешь, – особенно же (она есть) стяжание неисследимого богатства познания Христа и взирание на все видимое как на прах или дым.

2) Вера во Христа есть не только, чтоб небречь о приятностях жизни, но и то, чтоб терпеливо и благодушно переносить всякое находящее искушение, в печалях, скорбях и неприятных случайностях, пока возблаговолит Бог призреть на нас, – подражая Давиду, который говорит: *терпя потерпехГоспода и внят ми* (Пс. 39, 1). (То есть, терпя скорби, я уповал, что Господь поможет мне; почему и Господь, видя, что я не колеблясь чаю помощи от Него, призрел на меня и явил мне милость Свою).

3) Предпочитающие в чем-либо родителей своих Заповеди Божией не имеют веры во Христа. Конечно, и собственная совесть их обличает их в таком неверии, если только совесть жива в них. Ибо истинно верующих отличительный знак есть ни в чем никогда не преступать заповеди великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

4) Вера во Христа, Истинного Бога, рождает желание вечных благ и страх мучений; желание же сих благ и страх мук приводят к строгому исполнению заповедей, а строгое исполнение заповедей научает людей глубокому сознанию своей немощности; это сознание истинной немощности нашей рождает память о смерти; кто же возымел сию память сожительницею себе, тот приболезненно взыщет узнать, каково будет ему по исходе и удалении из сей жизни; а кто тщательно старается узнать о будущем, тому прежде всего надлежит лишить себя настоящего (т. е. благ и вещей мира сего). Ибо обладаемый пристрастием к чему-либо из

[34] Перевод взят из русского Добротолюбия Феофана. Главы опубликованы в том порядке, в каком они идут в слав. Добротолюбии.

сего последнего, даже самому ничтожному, не может стяжать совершенного познания о том первом. Даже когда бы, по смотрению Божию, вкусил он сколько-нибудь такого познания, то – если тотчас не оставит того, к чему одержим пристрастием, и не предастся всецело стяжанию сего единого познания, не позволяя себе даже думать о чем-либо другом кроме него, – взято будет от него и это познание, какое мнится он имети.

5) Отречение от мира и совершенное из него удаление, – если восприимем при сем и совершенное отрешение от всех житейских вещей, нравов, воззрений и лиц, с отвержением тела и воли своей, в короткое время великую принесет пользу тому, кто с таким жаром ревности отрекся от мира.

6) Имея в намерении удалиться из мира, смотри не вдавай души своей в плотские утешения, в начале, пока еще живешь и вращаешься в мире, хотя бы все сродники и друзья понуждали тебя к тому. Это им демоны внушают, чтобы погасить теплоту сердца твоего, – через что, если и не воспрепятствуют они исполнению твоего намерения, то всячески охладят и ослабят его.

7) Когда ты мужественно будешь отказываться от всех удовольствий житейских и держать себя чуждым всякого утешения, тогда демоны, возбудив сострадание в родных, заставят их плакать и рыдать о тебе перед лицом твоим. Что это истинно так есть, сие познаешь из того, что, когда ты останешься непоколебим и при этом искушении, то тотчас увидишь, как родные твои возгорятся яростью и ненавистью против тебя. Отвратятся от тебя как от врага и смотреть на тебя хотеть не будут.

8) Видя скорбь о себе родителей, братьев и друзей, посмевайся демону, разнообразно сим против тебя вооружающемуся; но поспеши и удалиться со страхом, прилежною докучая Богу молитвою сподобить тебя поскорее достигнуть в пристанище доброго Отца, в коем Сей упокоил бы душу твою, утружденную и обремененную, ибо житейское море представляет много бедственного и крайне пагубного.

9) Желающий возненавидеть мир из глубины души должен возлюбить Бога и память о Нем стяжать непрестанную, ибо ничто другое, как сие, не побуждает с радостью оставить все и отвращаться от того, как от уметов.

10) Ни по благословным, ни по бессловесным причинам не оставайся долго в мире; но как только позван будешь, спеши послушаться. Ибо ничему другому не радуется так Бог, как нашей скорости (в исполнении воли Его), так как лучше скорое послушание с бедностью, нежели медлительность со множеством имений.

11) Если мир и что в мире преходит все, а Бог нетленен и бессмертен; то радуйтесь все, которые ради Него оставили тленное. Тленно же не только богатство и деньги, но и всякое удовольствие и наслаждение

греховное есть тля. Одни Заповеди Божии свет суть и жизнь, – и так всеми именуются.

12) Если, брате, пламенем ревности о спасении объятый, бегом притек ты в киновию или к духовному отцу, то, когда будет предлагать тебе он или сподвизающиеся тебе братия бани, или брашна, или другие какие утешения в упокоение плоти, не соглашайся на то. Но всегда будь готов (желай, ищи, стремись) к пощению, к злостраданию (произвольным лишениям), к крайнему воздержанию. Если отец твой о Господе повелит тебе дать некое утешение телу, послушай его, отсекая и в этом собственную волю свою; а если нет, то с радостью исполняй терпеливо, что делать произвольно восхотел ты (т. е. всячески воздерживаться от всего). Соблюдая сие, будешь всегда во всем как постящийся и воздерживающийся и своей воли по всему отрекшийся. И не это только, но и сущий в сердце твоем пламень, все презирать тебя принуждающий, сохранишь ты неугасимым.

13) Когда демоны, сделав все с своей стороны, не успеют расстроить наше по Богу намерение или воспрепятствовать исполнению его, тогда привходят они в притворяющихся благочестивыми (братий) и посредством их покушаются воспрепятствовать начавшим уже подвизаться, в добрых подвигах их. И во-первых, будто любовью и состраданием движимые, советуют им не чуждаться телесных утешений, чтоб и тело, говорят, не изнемогло, и самим не впасть в уныние. Потом, вызывая их на бесполезные беседы, целые дни попусту проводить в них заставляют. Затем, если кто из ревностных послушает их советов и станет подобен им, то они начинают смеяться над тем, будто радуясь его погибели; если же не послушает их слов, но сохранит себя чуждым всего, себе внимающим и бездерзновенным (скромным и робким перед всеми), то подвигаются на зависть и вооружаются против него, употребляя все способы, чтоб изгнать его даже из монастыря: ибо для бесчестного тщеславия несносно видеть, как у него перед глазами хвалят истинное смирение.

14) Томится болезненно тщеславный, видя, как смиренный, проливая слезы, и Бога ими умилостивляет, и людей подвигает к новой похвале.

15) После того, как предашь ты всего себя духовному отцу своему, знай, что ты чужд всему, что принес совне, – вещи ли какие, или деньги. Почему ничего не делай с ними без его воли и ничего не проси себе у него из того: ни малого, ни большого; разве только сам он, по собственному произволению, или тебе велит взять что, или собственноручно даст тебе то.

16) Без воли отца твоего по Богу не загадывай давать милостыню из принесенных тобою денег; но и через посредника какого не домогайся взять у него что-либо из них. Ибо лучше быть и именоваться нищим и странным, нежели расточать и раздавать деньги, когда ты еще новона-

чальный. Все предать в волю духовного отца своего, как в руку Божию, есть дело совершенной веры.

17) Даже глотка воды проглотить не проси, хотя бы случилось тебе быть палиму жаждою, пока духовный отец твой, сам в себе подвигнут будучи, не велит тебе это сделать. Утесняй себя и нудь во всем, уговаривая себя такими словами: если хочет Бог и достоин будешь напиться, то Он откроет всеконечно отцу твоему сказать тебе: «напейся». И тогда напьешься с чистою совестью, хотя бы это было и не вовремя.

18) Некто, опытом познавший духовную пользу и неотложную стяжавший веру, предлагая Бога свидетелем истины, сказал: я положил в себе такой помысл, чтоб никогда не просить у отца моего ни есть ни пить и вообще ничего другого не принимать, пока Бог не внушит ему приказать мне это. И действуя так, я никогда, говорит, не был тщетен в надежде моей.

19) Действенную стяжавший веру к отцу своему по Богу, видя его, мнит видеть Самого Христа, и бывая с ним или последуя ему, верует несомненно со Христом быть и Ему последовать. Таковой никогда не пожелает беседовать с кем-либо другим и не предпочтет что-либо из мирских вещей памяти и любви Его. Ибо что лучше или что полезнее в настоящей и в будущей жизни того, чтоб быть со Христом? Что прекраснее или сладче созерцания Его? Если же и беседы от Него сподобляется кто, то конечно почерпает из нее Жизнь Вечную.

20) Благорасположенно любящий тех, которые его поносят и обижают и причиняют ему ущерб, и молящийся о них в короткое время достигает великого преуспеяния. Ибо когда так бывает в чувстве сердца, тогда это благонастроенного сим образом вводит в бездну смирения и изводит из него источники слез, в которых погружается вся троечастность души (т. е. разумная, желательная и раздражительная ее силы), – возводит ум на небо бесстрастия и делает его созерцательным, – вкушением же тамошних благ располагает вменять в уметы все блага настоящей жизни и самую пищу и питие принимать не в сладостях и не так часто.

21) Не от дел только злых должно подвижнику удаляться, но надобно стараться быть свободным и от помыслов, и от мыслей противных (Заповедям и воле Божией), – и всегда быть заняту в себе душеспасительными и духовными воспоминаниями, пребывая беспопечительным о вещах житейских.

22) Как тот, кто обнажил все тело свое, если оставит при сем глаза свои закрытыми каким-либо покровом и не захочет взять сей покров и сбросить, не может от одного этого обнажения прочего тела видеть свет: так и тот, кто оставил все свои вещи и деньги, избавился и от самых страстей сих, если не освободит при сем и ока души своей от воспоминаний житейских и помышлений худых, никогда не увидит умного Света, Господа нашего Иисуса Христа и Бога.

23) Что покров, на глаза наложенный, то помыслы мирские и воспоминания житейские для ума, или ока души. До тех пор, пока попустим им быть, ничего не увидим; когда же изгоним их памятью о смерти, тогда узрим свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир.

24) Кто слеп от рождения, тот не может знать силу пишемого, ни верить тому; но если он когда-либо сподобится прозреть, то станет свидетельствовать, что пишемое и читаемое истинно.

25) Видящий чувственными очами знает, когда бывает день и когда ночь, а слепой не знает ни того ни другого. И духовно прозревший и зрящий умными очами, если после того, как повидит истинный и незаходимый свет, по нерадению и беспечности опять возвратится к прежнему ослеплению и лишится света, то, находясь в благочувствии, добре чувствует лишение сего света и того, от чего случилось с ним такое лишение, не неведает, но пребывающий от рождения слепым (духовно) ничего такого не знает ни по опыту, ни по действу, – разве слухом что услышит и узнает о том, чего никогда не видал, и станет рассказывать о том другим, хотя ни он, ни слышащие ничего верно не знают о тех вещах, о коих разговаривают.

26) Невозможно и плоть наполнять досыта брашнами, и духовно наслаждаться умными и божественными благами. Ибо в какой мере кто работает чреву, в такой лишает себя вкушения духовных благ; напротив, в какой мере кто станет утончать тело свое, соразмерно с тем будет насыщаем пищею и утешением духовными.

27) Оставим все земное, – не богатство только и золото и другие вещи житейские, но и самое похотение к ним совершенно изгоним из душ наших. Возненавидим не только удовольствия тела, но и бессловесные движения его, и постараемся умертвить его трудами и подвигами; ибо через него возбуждаются похоти и приводятся в дело. И пока оно живо, по всей необходимости душа наша бывает мертвою, – трудноподвижною. Или и совсем неподвижною на всякую Заповедь Божию.

28) Как пламень огня всегда поднимается вверх, особенно когда станешь ворочать вещество, в котором возгорелся и горит огонь; так и сердце тщеславного не может смириться. Но как только скажешь ему что-либо для его пользы, он более и более воздымается; если его обличают и вразумляют, он противоречит сильно; если хвалят и привечают, он напыщается зле.

29) Человек, научившийся противоречить, сам для себя есть обоюдоострый меч: он убивает душу свою, не сознавая того, и делает ее чуждою Жизни Вечной.

30) Противоречивый подобен тому, кто произвольно предается противникам царя своего, врагам. Противоречие есть удочка, имеющая затравою правдословие (защиту правды, себяоправдание), которым буду-

чи прельщаемы, проглатываем мы удочку (крючок удильный) греха. Так обыкновенно похищается такая бедная душа за язык и гортань духами злобы. И то воздымается горе, то погружается в хаотическую бездну греха и осуждается вместе с ниспадшими с неба.

31) Кто, будучи бесчестим или досаждаем, сильно болит от этого сердцем, о том ведомо да будет из сего, что он носит древнего змия в недрах своих, если он станет молча переносить наносимое ему или противоотвечать с великим смирением, то сделает своего змия немощным и расслабленным (и совсем убьет). А если будет противоречить с горечью и говорить с дерзостью, то станет придавать силы змию – изливать яд в сердце свое и немилосердно пожирать внутренности свои: так что змий тот, будучи таким образом каждодневно усиливаем, поглотит наконец самое намерение бедной души его исправить себя и держать исправною в добрых порядках жизни; и силу к тому отымет. И станет таковой после сего жить греху и совсем мертвым быть правде.

32) Если захочешь отречься от мира и научиться евангельскому житию, то отдай себя не неопытному и не нечуждому страстей учителю, чтоб вместо евангельского диавольскому не научиться житию. Ибо у добрых учителей и уроки бывают добрые, а у худых – худые; от худых же семян и произрастения бывают всегда худые.

33) Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе руководителя бесстрастного и святого. Исследуй и сам Божественные Писания, и особенно деятельные писания свв. отцов, чтоб, с ними сличая то, чему учат тебя учитель и настоятель, мог ты, как в зеркале, видеть, насколько они согласны между собою, – и затем согласное с писаниями усвоять и удерживать в мысли, а несогласное – рассудив добре – отлагать, чтоб не прельститься. Ибо знай, что во дни сии много явилось прелестников и лжеучителей.

34) Всякий не видящий (слепой духовно), если берется руководить других, есть прелестник, и последующих ему ввергает в ров пагубы, по слову Господа: *слепец слепца аще водит, оба в яму впадут* (Мф. 15, 14).

35) Слепой в отношении к Одному (Богу), слеп и весь, в отношении ко всему; и видящий в Едином (Боге) в видении есть всего; между тем он и отстоит от видения всего, и бывает в видении всего, и есть вне всего видимого. Будучи так в Едином, видит он все, и во всем будучи, не видит ничего из всего, видя во Едином, через Него видит и себя, и всё и всех; будучи сокрыт в Нем, ничего из всего не видит.

36) Кто во внутреннем своем умном или духовном человеке не облекся во образ Господа нашего Иисуса Христа, Небесного Человека и Бога, с чувством и сознанием, тот кровь только есть и плоть. И не может посредством слова только воспринять чувство духовной славы, подобно

тому, как и слепые от рождения не могут познать, что такое есть свет солнца, из слов только о нем.

37) Кто слышит так и видит, и чувствует, тот знает силу того, что говорится, как уже облекшийся во образ небесного и пришедший *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13). Будучи таковым, может он добре руководить на пути Заповедей Божиих и стадо Христово. А кто не знает этого и не таков есть, в том, очевидно, чувства души не просвещены и не здравы. И ему гораздо лучше быть руководиму, нежели руководить с опасностью для других и себя.

38) Напряженно внимающий своему учителю и руководителю, как Богу, противоречить не может. Кто думает и говорит, что имеет то и другое (т. е. что он и внимает отцу своему, как Богу, и противоречит), тот да ведает, что находится в заблуждении: ибо не знает, какое расположение к Богу (в слав.: любовь к Богу) имеют люди Божии.

39) Кто верует, что в руке пастыря его находится его жизнь и смерть, тот никогда не воспротиворечит. Неведение же сего рождает прекословие, причиняющее духовную и вечную смерть.

40) Пока не состоится решение над подсудимым, ему дается слово самооправдания говорить судье о том, что наделал; по раскрытии же дел его и произнесении над ним решения судии, он уже ни мало, ни много не противоречит тем, кои наказывают его (во исполнение приговора).

41) Прежде чем вступит монах в это судилище (покаяния – монастырь) и откроет лежащее на сердце его, может быть, можно ему говорить что против, одно по неведению, другое по замышлению скрыть иные свои дела. По открытии же и искренней исповеди своих помыслов уже нельзя ему никогда противоречить своему по Богу судье и владыке, даже до смерти. Ибо монах, вступивший в сие судилище и вначале обнаживший сокровенности сердца своего с самых начатков жизни здесь, носит, если имеет здравый смысл, убеждение, что он достоин бесчисленных смертей, но верует, что через свое послушание и смирение избавится от всякого мучения и наказания, если, конечно, истинно знает силу таинства сего.

42) Кто неизгладимо сохраняет сие в уме своем, тот никогда не подвигнется сердцем на недолжное, когда его учат, вразумляют и обличают. Ибо впадающий при сем в пагубный грех прекословия и неверия духовному отцу своему и учителю, еще живой бедственно низводится во глубину ада и становится жилищем сатаны и всего его нечистого воинства, как непокоривый сын погибели.

43) Умоляю тебя, взявшего на себя иго послушания, часто обращать сие в мысли своей и со всяким старанием подвизаться, чтоб не попасть, как сказано, в ад на муки вечные; но всякий день так молиться тепло Богу и говорить: Боже и Господи всяческих, имеющий власть над всяким дыханием и всякою душою, Един могущий уврачевать меня, услыши

моление мое. И во мне бедном гнездящегося змия, наитием Всесвятого Духа Твоего, умертвив, истреби. Научи и настрой меня, нищего и обнаженного от всякой добродетели, припадать к стопам отца моего, и его святую душу расположи к состраданию и милостивости ко мне. Даруй, Господи, смирение в сердце мое и помыслы, подобающие грешнику, положившему каяться Тебе. Не остави вконец душу, единожды сочетавшую Тебе, Тебя исповедавшую, Тебя вместо всего мира избравшую и всему предпочетшую. Ты ведаешь, Господи, что я желаю спастися, хотя злой обычай мой полагает тому препятствие. Но Тебе, Владыко, возможно все, невозможное для людей.

44) Те, которые во дворе благочестия со страхом и трепетом положили доброе основание веры и надежды и ноги свои незыблемо утвердили на камне послушания духовным отцам, слушая заповедуемое ими, как из уст Божиих, и на сем основании послушания без колебаний в смирении души устрояя исполнение того, – скоро преуспевают. И исправляется в них великое и первое дело, состоящее в том, чтобы отвергнуть себя самих. Ибо исполнение чужой, а не своей воли не только самоотвержение душевное укореняет, но и умертвие всему миру производит.

45) Тому, кто прекословит отцу своему, сорадуются демоны; тому же кто до смерти смиряется перед ним, удивляются Ангелы. Ибо таковой дело Божие совершает, уподобляясь Сыну Божию, Который исполнил послушание Отцу Своему даже до смерти, смерти же крестной.

46) Безмерное и безвременное сокрушение сердца о чем-либо чувственном омрачает и возмущает ум. Оно изгоняет из души чистую молитву и умиление, а всаждает в нее болезненное томление сердечное. Отсюда жесткость и томление безмерное; а через это демоны обыкновенно отчаяние наводят на взявшихся жить духовно.

47) Когда случится с тобою таковое, монаше, ты же между тем находишь в душе своей ревность и великое желание совершенства, так что сильно стремишься исполнить всякую Заповедь Божию, не погрешить даже в праздном слове и нисколько не отстать от древних святых ни в деянии, ни в ведении, ни в созерцании, но видишь, что тебе препятствует в этом враг, всевая плевелы малодушия и не попуская тебе воспарить на такую высоту святости тем, что наводит расслабление через возметание помыслов страшливых такими внушениями: невозможно тебе спастись среди мира и неопустительно исполнять все Заповеди Божии; тогда ты, седши в угол, сожмись и собери помыслы свои, – и дай благой совет душе своей, сказав ей: *вскую прискорбна еси, душе моя? И вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему. Спасение лица моего* не дела мои, а *Бог мой* есть (Пс. 41, 6). Кто оправдится от дел закона? И царепророк говорит: *не оправдится пред Тобою всяк живый* (Пс. 142, 2). Но верою, какую имею в Бога моего, надеюсь спасенным

быть по неизреченному благоутробию Его даром. Ступай прочь с глаз моих, сатана! Господу Богу моему поклоняюся и от юности моей служу Ему, могущему спасти меня по единой милости Своей. Отступи же от меня. Бог, создавший меня по образу и подобию Своему, да сокрушит тебя.

48) Бог от нас человеков не требует ничего другого, кроме одного: чтоб мы не грешили. Но это не есть исполнение закона, а только ненарушимое хранение образа и горнего достоинства, в коих стоя по естеству и нося светло-осиянную одежду Духа, мы пребываем в Боге и Он в нас, бываем по благодати богами и сынами Божиими и знаменуемся светом познания Бога (по слову: *знаменася на нас свет лица Твоего, Господи* (Пс. 4, 7)).

49) Расслабление и тягота телесная, прибывающие в душу от лености и нерадения, отбивают от обычного правила и производят омрачение ума и малодушие. Отсюда почасту появляться начинают помыслы страхования и хулы, и искушаемый демоном расслабления и уныния нередко от робости не может войти в обычное место молитвы и предается лености, а нередко испытывает нападки неуместных помышлений о Творце всяческих. Итак, зная причину, откуда это тебе нашло, поспеши войти в обычное место молитвы твоей и падши перед человеколюбивым Богом, молись со стенаниями сердечными, в сокрушении и слезах, испрашивая избавления от тяготы расслабления и уныния и от помыслов злых. И вскоре дано будет тебе освобождение от них, если будешь толкать (в дверь милосердия Божия) притрудно и неотступно.

50) Кто стяжал чистое сердце, тот победил страхование. А кто еще очищает его, тот иногда побеждает его, а иногда бывает побежден им. Кто же совсем не подвизается (о своей высоте), тот *или* всеконечно ниспал в состояние нечувствия и, как друг страстей и бесов, при тщеславии болезнуя еще и самомнением, *мнит себе быти что, ничтоже сый* (Гал. 5, 3), – *или* есть раб, преданный в руки страхования, и как младенчествующий умом, трепещет и боится страха там, где для боящихся Бога нет страха, ни страхования.

51) Боящийся Бога не боится устремления против него бесов, ни их немощных нападений, равно как угроз злых людей; но будучи весь как пламень некий и огонь палящий, когда даже проходит по скрытным и неосвещенным местам, обращает в бегство демонов, которые больше, чем он от них, бегут от него, чтоб не быть опаленными от исходящего от него пламеневидного луча божественного огня.

52) Кто проникнут страхом Божиим, тот не боится обращаться среди злых людей. Имея внутрь себя страх Божий и нося непобедимое оружие веры, он силен бывает на все и может делать даже то, что многим кажется трудным и невозможным. Он ходит среди них, как гигант среди обезьянок, или лев рыкающий среди псов и лисиц, уповая на Господа,

твердостью мудрования своего изумляет их, ужасает смыслы их, поражая их словом премудрости, как жезлом железным.

53) Не только безмолвник или послушник, но и игумен, настоятель над многими, – и он, все устрояя, должен быть беспечален, т. е. свободен от печальной заботы о житейских потребностях. Ибо если печемся, то оказываемся преступниками Заповеди Божией, которая говорит: *не пецытеся душею вашею, что ясте, или что пиете, или во что облечетеся, всех бо сихязыцы ищут* (Мф. 6, 32). – И еще: *зрите, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пианством, и печальми житейскими.* (Лк. 21, 34).

54) У кого помысл занят попечением о житейских вещах, тот не свободен: ибо попечение о них держит его в своих руках и делает рабом своим, для себя ли он заботится о них, или для других. Свободный же от сего ни для себя, ни для других не печется о житейском, будь он епископ, или дьякон, или игумен. Но и праздным он никогда не бывает и ни о чем, даже самом последнем и ничтожном, никакого небрежения не оказывает; а богоугодно все делая и устрояя, о всем беспечален пребывает, – и это на всю жизнь.

55) Смотри не разори своего дома, желая построить дом ближнего. Трудное это дело и неудобь исполнимое; почему поопасись, как бы не случилось, что, взявшись за это, ты свой дом разорить разоришь, но и того дом построить отнюдь не сможешь.

56) Если не стяжал ты совершенного беспристрастия к житейским вещам и деньгам; то не желай, чтоб тебе поручена была экономия (смотрение за этими вещами и распоряжение ими по обители); чтобы не быть пленену ими и вместо воздаяния за труд служения обители не подпасть осуждению за воровство и святотатство. Если же будешь принужден настоятелем взять сие дело: то веди его так, как бы ты обращался с палящим огнем. Расстраивай и самый первый прилог помысла (о чуждоприсвоении) исповедью и покаянием, и молитвою настоятеля сохранен будешь невредим.

57) Не сделавшийся бесстрастным не знает даже, что есть бесстрастие, и не верит, чтоб был кто-либо такой на земле. Ибо тому, кто сам не отвергся прежде себя и крови своей усердно не истощил за эту, воистину блаженную, жизнь, – как подумать, что другой кто сделал это, чтоб стяжать бесстрастие? Таким же образом и тот, кто мнится иметь Духа Святого, ничего не имея, когда слышит, что действия Духа Святого явно познаваемы бывают в тех, кои имеют Его, никак тому не верит, равно как и тому, что есть кто-либо и в настоящем роде равный апостолам Христовым и всем от века святым, подобно им движимый и воздействуемый Божественным Духом, или в видении Его бывающий с сознанием того и чувством. Ибо всякий по собственному своему состоянию судит о том,

что касается ближних, – по тому, т. е. каков сам, по добродетели ли сказать, или по грехам.

58) Иное есть бесстрастие души и иное бесстрастие тела. То (душевное) и тело освящает своим собственным сиянием и свето-излиянием Духа; а это одно само по себе ни на что не полезно для того, кто стяжал его.

59) Как тот, кто из последней бедности обогащен царем и возведен в светлый сан, облечен им в блестящее одеяние и определен стоять перед лицом его, – и самого царя с вожделением видит и как благодетеля чрезмерно любит, и на одеяние, в кое облечен, весело смотрит, и сан свой сознает, и данное ему богатство знает: так и монах, который, истинно оставив мир и все мирское, приступил ко Христу и, влеком будучи добрыми чувствами, восшел на высоту духовного созерцания через исполнение заповедей, – и Самого Бога непрелестно созерцает, и совершившееся в нем изменение ясно видит. Ибо всегда видит осиявающую его благодать Св. Духа, именуемую и одеянием, и царскою багряницею, – чем наипаче для верующих есть Сам Христос Господь, так как верующие в Него облекаются в Него.

60) Многие сами читают Божественные Писания, другие слушают читающих оные; но не многие бывают в силах правильно уразуметь значение и смысл читаемого. Иные полагают, что читаемое в Писаниях Божественных невозможно; иные, почитая прямой смысл пишемого неудобоприемлемым, берутся истолковывать то по-своему и истолковывают зле. Что сказано о настоящем времени, о том судят, что оно будет иметь место в будущем; а что сказано о будущем, то понимают как сбывшееся уже или сбывающееся каждый день. Таким образом, у них нет правильного суждения и истинного распознания отличий в вещах божественных и человеческих.

61) На всех верных должны мы смотреть как на одного и думать, что в каждом из них прибывает Христос, и такое любовное иметь к нему расположение, чтоб быть готовыми положить за него души свои. Отнюдь не должно нам говорить или думать, что кто-либо зол, но всех видеть добрыми, как сказано. Хотя увидишь кого-либо боримым страстями, не брата, а страсти ненавидь, борющие его. А когда увидишь такого, над которым тиранствуют похоти и недобрые привычки, имей к нему еще большее сострадание, чтоб иначе и самому не быть искушену подобно ему, – как изменчивому и состоящему под влиянием изменчивого вещества.

62) Если кто фальшив от лицемерия, или по делам виновен, или немного уязвлен какою-либо страстью, или несколько неисправен в каком-либо отношении по нерадению: то такой не приемлется в число исправных во всем. Но как непотребный и неискусный на доброе, отметается, чтобы он не произвел разрыва в союзе, которому должно пребы-

вать неразрывным, и разделения между теми, которые должны пребывать нераздельными, тех и других ввергнув в печаль, – так как те, кои впереди (преуспевают), станут болезненно печалиться о тех, кои позади их, а сии о разлучении с теми, кои упредили их. (Примечание. Перевод делается по тексту греческого Добротолюбия. Место темно. Новогреческий перевод делает ему такой перифраз, со чтобы: «чтоб не сделал он того, что связь цепи расторгнется, когда ее натянут, т. е. чтоб не причинил он расторжения единения братий в то время, когда они вдадутся в большие подвиги добродетелей, не произвел разделения между братиями, которые должны пребывать нераздельными, и не стал причиною печали для обеих частей, так как те, которые идут впереди, т. е. преуспевают в добродетели, станут печалиться о тех, кои оказались позади, а оставшиеся назади станут печалиться о разлучении с первыми».) [35]

63) Как тот, кто на пламень разжженной печи набрасывает земли, угашает оный, так и житейские попечения и всякий вид пристрастия к чему-либо, даже последнему и ничтожному, истребляет возжегшуюся вначале теплоту сердца.

64) Всяким яством и питием и украшением гнушается чреватый страхом смерти; и в удовольствие ни хлеба не ест, ни воды не пьет, доставляя телу только потребное, сколько нужно для поддержки жизни; всякой воли своей отвергается и бывает рассудительным рабом, исполняя все, что ни приказывают ему.

65) Предавший себя в рабы свои по Богу отцам не станет ради страха мук избирать из повелеваемого то, что облегчало бы болезнь сердца его и разрешало узы страха, и тех не послушает, которые дружески, или льстительно, или повелительно поощряли бы его к тому. Но паче предпочтет то, что возращало бы сию болезнь. Возжелает того, что крепче стягивало бы сии узы, и возлюбит то, что делало бы более сильным палача. В таких расположениях пребудет он навсегда, не питая надежды когда-либо совсем освободиться от заслуженных крайностей; ибо надежда избавления делает болезнь сердца легчайшею, что не полезно теперь кающемуся.

66) Всякому, начавшему жить по Богу, полезен страх мук и порождаемая им болезнь сердца. Кто же без такого болезнования и без таких уз страха желает положить начало доброй жизни, тот не на песке только полагает основание своих деяний, но мечтает построить дом на воздухе без основания, что конечно невозможно. Между тем болезнование то

---

[35] В слав. Добротолюбии: «А́ще кто́ ло́жен от лицеме́рия или́ от де́л поро́чен, или́ вма́ле уя́звлен от еди́ныя стра́сти, или́ не́колико лиша́емь от нераде́ния в не́коей ча́сти е́сть, не счисля́ется со все́ми; но я́ко непотре́бен и отве́ржен отме́щется, я́ко да не вовре́мя протяже́ния расто́ргнутися сотвори́т сою́зу вери́ги, и разделе́ние в нераздеде́нных, и печа́ль в обои́х соде́лает пред ни́м о после́дних, си́м же о разлуче́нии предваря́ющих боле́знующым».

скоро порождает всякую радость, узы сии разрывают узы всех грехов и страстей. И плач сей не смерти, а Вечной жизни бывает виновником.

67) Кто не станет уклоняться и бегать сердечного болезнования, порождаемого страхом вечного мучения, но будет последовать ему произволением сердца (следовать с ним по доброму пути или последовать решениями произволения с сочувствием сердца тому, что внушает оно со страхом) и по мере успеха все более и более стягивать себя узами его, – тот поспешнее будет шествовать. Оно представит его и перед лице Царя царствующих. И когда сие будет, тогда, – лишь только воззрит он, еще не так ясно, на славу Его, тотчас разрешатся узы его, страх – палач – далеко отбежит от него, и сердечное болезнование его преложится в радость, которая сделается в нем живым ключом или бьющим источником, источающим всегда чувственно реки слез, а духовно тишину, кротость и неизреченное услаждение, но при этом – и мужество с готовностью свободно и невозбранно тещи ко всякому исполнению Заповедей Божиих. Что для новоначальных еще невозможно, а свойственно восшедшему к середине преуспеяния; для тех же, кои подходят к совершенству, источник сей бывает светом при внезапном изменении и преложении сердца.ы

68) Имеющий в себе свет Всесвятого Духа, не в силах бывая стерпеть зрение Его, падает на землю ниц, взывает и вопиет в ужасе и страхе великом, как увидевший и испытавший нечто такое, что выше естества, выше слова и разума. И бывает он подобен человеку, у которого от чего-нибудь возгорелись внутренности огнем, от которого жегомый и жжения пламени не могши терпеть, становится он весь измученным и совсем не имеющим силу быть в себе. Но будучи непрестанно орошаем слезами и ими прохлаждаем, еще сильнее воспламеняется он огнем желания божественного, а от этого слезы еще обильнее у него текут, и он, будучи омываем излиянием их, еще блистательнее сияет. Когда же весь разжегшись, станет он, как свет, тогда исполняется на нем сказанное (Богословом): «Бог с богами соединяем и ими познаваем» (так Бог соединяется с обожаемыми от Него и Его познающими), и притом в такой, может быть, степени (исполняется сие на нем), в какой соединился он уже с Сочетавшимся с ним и в какой оказался познавшим Его.

69) Прежде плача и слез, – никто да не прельщает нас пустыми словами, и сами себя да не прельщаем, – нет в нас покаяния, ни истинного намерения перемениться, ни страха Божия в сердцах наших; ни сознали мы себя еще виновными и не осудили, и душа наша не была еще в чувстве будущего суда и вечных мук. Ибо если б мы осудили себя, если б возымели такие движения сердца, если б были в таких чувствах, то тотчас извели бы и слезы. Без этого же ни жестокосердие наше никак не может умягчится, ни душа наша стяжать духовное смирение, ни мы ни в силах сделаться смиренными. А кто не таков, тот не может соединиться с Духом Святым; не соединившийся же с Ним через очищение себя от

всего страстного, созерцания Бога и Боговедения сподобиться не может, и недостоин сокровенно научаемым быть добродетелям смирения.

70) Притворяющихся добродетельными и иными являющихся по внешнему виду, иными же бывающих по внутреннему человеку, – исполненных иной раз всякой неправды, полных зависти, рвения и зловония сластей чувственных, – многие почитают, как бесстрастных и святых, имея неочищенным око души (чтоб познать их прямо) и не в состоянии будучи познать их по плодам их; а тех, которые живут в благоговеинстве, добродетели и простоте сердца и суть воинству святы, не отличают от прочих людей, мимоходят их с небрежением и вменяют ни во что.

71) Такие почитают говоруна и показливого более учительным и духовным; а молчаливого и блюдущегося от празднословия почитают дикарем, необразованным и безгласным.

72) От того, кто говорит в Духе Святом, высокоумные и недугующие диавольскою гордынею отвращаются как от высокоумного и горделивого, будучи словами его паче поражаемы, чем приводимы в умиление и сокрушение; а того, кто мелет, как жернов, и говорит от чрева своего или по науке, хвалят и принимают, хотя он о деле спасения все лживо толкует. Таким образом между такими нет никого, кто бы мог добре и как есть на самом деле распознать и видеть (людей или дело спасения).

73) *Блажени,* говорит Бог, *чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Чистым же сердце делают не одна, не две, не десять добродетелей, а все вместе, слившись, так сказать, во едину добродетельность, достигшую последних степеней совершенства. Однако ж и в таком случае добродетели одни не могут сделать сердца чистым без воздействия и присещения Духа Святого. Ибо как ковач, как бы искусно ни умел он действовать орудиями, ничего не может сработать без содействия огня, так и человек пусть все делает со своей стороны (для очищения сердца), пользуясь для сей цели добродетелями, как орудиями, но без присещения огня Духа все делаемое им останется бездейственным и бесполезным для его цели, так как это – одно – не имеет силы очищать нечистоту и скверну души.

74) В Божественном Крещении мы получаем отпущение прегрешений, освобождаемся от прародительской клятвы и освящаемся наитием Святого Духа; но совершенную благодать, как она означается в словах: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16), – не тогда получаем. Ибо это есть достояние совершенно утвержденных в вере и доказавших ее делами. Если же мы по крещении уклоняемся на скверные и злые дела, то совершенно теряем и всякое освящение. И уже покаянием, исповедью и слезами, соответственно делам, получаем опять сначала отпущение прегрешений, а потом и освящение вышнею благодатью.

75) Через покаяние совершается омытие скверны прежних непотребных дел, а после такого очищения бывает причастие Святого Духа; но не просто, а в силу веры, расположения (крепкой решимости стоять не падая) и смирения кающихся от всей души; и не только после проявления таких расположений, но и после того, как получится разрешение грехов от духовного отца и восприемника. Почему хорошо каждодневно каяться, как повелевает заповедь. Ибо слова: *покайтеся, приблизися бо Царствие Небесное* (Мф. 3, 2) возлагают на нас делание, не ограничиваемое определенным временем, а всегдашнее.

76) Благодать Всесвятого Духа дается уневестившимся Христу душам, как обручение или залог. И как жена без обручения не имеет твердой уверенности, что несомненно сочетается некогда с мужем; так и душа никогда не воспримет верного удостоверения, что будет вечно сопребывать с Владыкою своим и Богом или таинственно и неизреченно сочетаваться с Ним и наслаждаться неприступною красотою Его, если не получит обручения, или залога благодати Его, и не возымеет в себе сознательно Его Самого.

77) Как обручение не бывает надежно, пока согласительные бумаги, в коих пишутся условия брака, не будут подписаны достойными веры свидетелями: так не бывает твердо воссияние благодати прежде делания заповедей и стяжания добродетелей. Ибо что суть при заключении условия свидетели, тем при духовном обручении бывает делание заповедей и добродетелей: через них всякий имеющий спастись получает совершенное обладание обручением (т. е. благодатью Св. Духа).

78) Сначала как бы пишутся брачные условия деланием заповедей, потом добродетелями они запечатлеваются и подписываются: и тогда Жених-Христос невесте-душе дает перстень, т. е. обручение Духа.

79) Как невеста прежде брака получает от жениха только залог обручения, условленное же приданое и прочие обещанные дары ожидает получить после брака: так и невеста Христова – Церковь верных и душа каждого из нас сначала получает от Жениха только обручение Духа, вечные же блага и Небесное Царство чает получить по исходе отсюда, будучи удостоверяема в том залогом обручения, который показывает ей все то, как в зеркале, и подтверждает несомненность получения того, на чем состоялось соглашение ее с Владыкою своим и Богом.

80) Как если невеста, разгневавшись по тому случаю, что жених замедлил в отлучке или, будучи занят другими делами, отложил на время совершение брака, презрит любовь его и брачный договор или изгладит, или раздерет; то вместе с сим тотчас лишается и всех надежд, столь многое обещавших ей от жениха: так обыкновенно бывает и с душою. Ибо когда кто из подвизающихся, сказав себе: доколе же должен я злострадать (терпеть всякие лишения)? – вознебрежет о подвижнических трудах и подвигах, и через нерадение о заповедях и оставление всегдашнего по-

каяния как бы изгладит и раздерет свои с Господом условия: то вместе с сим тотчас лишается и залога обручения (благодати) и совершенно теряет всякую надежду на Бога.

81) Как невеста, обратив к другому любовь, какою обязана к обрученному с нею жениху, и начав жить с ним явно или тайно, не только не получает ничего обещанного ей женихом, но должна ожидать и достойного наказания и позора по закону: так то же бывает и с нами. Ибо если какая душа явно или тайно преложит любовь к Жениху Христу на возлюбление какого-либо другого предмета и сердце ее будет завладено им, то бывает ненавистна и омерзительна Жениху и недостойна сочетания с Ним. Ибо Он сказал: *Аз любящие Мя люблю* (Притч. 8, 17).

82) По таким признакам каждому надлежит распознавать, получил ли он обручение Духа от Жениха и Владыки Христа. Если получил, да тщится держать сие и хранить; а если еще не сподобился получить, да потщится посредством дел благих, благопотребных деланий и теплого покаяния поскорее получить его и потом сохранить деланием заповедей и приумножением добродетелей.

83) Как в доме кровля держится на основании с прочим зданием, а основание (с прочим зданием) кладется для держания кровли, – поскольку то и другое необходимо и благопотребно, – и ни кровля обыкновенно не устрояется без основания (с прочим зданием), ни основание (с прочим зданием) без кровли не составляет жилища пригодного для жизни: так и в душе благодать Святого Духа блюдется исполнением заповедей, а исполнение заповедей полагается, как основание для получения дара благодати Божией, и ни благодать Святого Духа обыкновенно не остается в нас без исполнения заповедей, ни исполнение Заповедей Божиих не бывает благопотребно и полезно без благодати Божией.

84) Как дом бескровный, оставленный таким по нерадению строителя, не только не гож ни к чему, но еще служит в посмешище строителю: так и положивший основание исполнением заповедей и стены высоких добродетелей воздвигший, если не получит и благодати Святого Духа с видением и ощущением того душевным, несовершен есть и составляет предмет сожаления для совершенных. А лишен благодати бывает таковой по следующим двум причинам: или потому, что пренебрег покаянием, или потому, что возмалодушествовав пред полным стяжанием добродетелей, как делом безмерно великим, оставил некоторые из них, которые, однако ж, хотя кажутся нам маловажными, но существенно необходимы для полного устроения и окончания дома добродетелей, так как невозможно, чтобы без них дом сей покровен был благодатью Святого Духа.

85) Если Сын Божий и Бог для того снизшел на землю, чтобы посредничеством Своим примирить с Отцом Своим нас, сущих врагов Ему, и с Собою сочетает нас осязательно, посредством Святого и Едино-

сущного Духа Своего; то лишающийся такой благодати какую другую получит? Всеконечно таковой ни с Тем (Отцом) не примирился, ни с Сим (Сыном) не имеет сочетания благодатью Святого Духа.

86) Соделавшийся причастным Божественного Духа от страстных похотей и сластей избавляется, а от естественных потребностей телесных не освобождается. Почему как освободившийся от уз страстного похотения, вкусивший бессмертной славы и сладости и сочетавшийся с нею, понуждается непрестанно возноситься горе и с Богом пребывать, не позволяя себе даже на мгновение отступить от созерцания Его и ненасытного Им наслаждения; а как связанный телом и тлением, отторгается им от горнего, влечется долу и возвращается к земному. Тогда такая бывает у него печаль о сем (разлучении с горним), какую, полагаю, испытывает душа грешника, разлучающаяся с телом.

87) Как для теплолюбивого и жизнелюбивого, для сластолюбивого и миролюбивого разлучение с сими предметами его любви есть смерть: так для любителя чистоты и Бога невещественного и добродетели воистину смерть есть даже малое отступление от них сердцем. Ибо если видящий чувственный свет, когда смежит очи свои сам, или другой кто закроет ему их, тяготится, скорбит и долго сносить этого не может, особенно – если он смотрел на предметы нужные и дивные, – не тем ли паче просвещаемый Духом Святым и видящий ясно, в видении наяву и мысленно, в бодрственном состоянии и во сне, те блага, которых око не видало, о которых ухо не слыхало, которые на сердце человеку не всходили, и в которые сами Ангелы Божии желают приникнуть, будет печалиться и скорбеть, если чем-нибудь будет отторгнут от созерцания их? Ибо это праведно кажется ему смертью и отчуждением от Жизни Вечной.

88) Одни ублажают пустынную жизнь, другие общежительную, третьи начальственную, чтоб предстоять народу, вразумлять его и учить и устроять церкви, от которых обыкновенно многие питаются и душевно и телесно. Я же не желал бы предпочтение дать никакой из них пред другими, ни сказать, что та достойна похвалы, а эта – порицания. Во всяком образе жизни преблаженна жизнь, во всех делах и деяниях ведомая для Бога и по Богу.

89) Как обыкновенная жизнь человеческая строится и течет под взаимодействием разных житейских предприятий, мастерства и искусств, – т. е. один одно, другой другое делает и приносит другим на потребы, и таким образом, друг другу передавая и друг от друга принимая, живут люди, удовлетворяя естественные свои телесные потребности: так то же самое можно видеть и в духовной жизни, – один одну добродетель проходит, другой – другую, – один такой путь жизни избирает, а другой – другой, но все вместе текут к единой цели, друг другу содействуя.

90) Цель всех по Богу живущих есть – благоугодить Христу Богу нашему и примириться с Богом Отцом чрез приятие Святого Духа, – и таким образом устроить свое спасение: ибо в этом состоит спасение всякой души. Если этого нет у нас (в цели и действии), то тщетен всякий другой труд и суетно всякое другое делание наше. – Бесполезен всякий путь жизни, не ведущий к сему того, кто течет по нему.

91) Оставивший мир весь и в гору удалившийся на безмолвие, и оттуда тщеславно пишущий к сущим в мире, одних ублажая, другим ласки и похвалы расточая, подобен тому, кто, разведясь с женой, блудной, непотребной и всезлобной, и отшедший на страну далеко, чтоб изгладить и саму память о ней, забыл потом о сей цели, для которой удалился на страну – в гору, – и пишет с вожделением к тем, которые обращаются с той женой, или прямее сказать, оскверняются, и ублажает их. Таковой, хотя телом не оскверняется, но сердцем и умом всячески оскверняется, как бы сочувствуя тем произволением в их связи с той женой.

92) Сколько живущие среди мира и очищающие чувства и сердца свои от всякой греховной похоти достойны похвалы и ублажения, – столько же живущие в горах и пещерах и вожделевающие похвал и ублажений от людей достойны порицания и отвержения. Таковые пред Богом, испытующим сердца, равны прелюбы творящим. Ибо страстно желающий, чтобы его жизнь, имя и дела слышны были в мире, любодействует от Бога, по образу древнего народа иудейского, как говорит Давид.

93) С несомненной к Богу верой отрекшийся от мира и всего, что в мире, верует, что милостивый и щедрый Господь приемлет приходящих к Нему в покаянии, – и ведая, что Он рабов Своих чрез бесчестие возводит к чести, чрез крайнюю нищету обогащает их, чрез поношения и уничижения прославляет, чрез смерть соделовает наследниками и причастниками Жизни Вечной, – посредством их (т. е. бесчестия, нищеты и пр.) усиливается тещи, как елень жаждущий, к бессмертному источнику и по ним восходит к горнему, как по лествице, – по коей Ангелы восходят и нисходят на помощь восходящим, а Бог восседит вверху ее, ожидая наших посильных трудов и усилий, не потому, чтоб Ему радостно было видеть нас трудящимися, но потому, что, будучи человеколюбив, желает награду нам даровать, будто долг.

94) Бог не попускает тем, которые всеусердно текут к Нему, совсем ниспасть (с той лествицы), но, видя их изнемогающими, содействует им и помогает, простирая к ним свыше руку силы Своей и к Себе возводя, – содействует и явно и неявно, и ведомо и неведомо, – пока они, прошедши всю лествицу, к Нему Самому приблизятся и, всецело с Ним соединясь, забудут все земное, с Ним сопребывая там и сожительствуя, – аще в теле, аще ли кроме тела, не вем, – и неизреченных наслаждаясь благ.

95) Праведно есть *прежде* игу Заповедей Христовых подклонить нам выи свои, ни в сторону не уклоняясь, ни вспять не возвращаясь и не

отставая, но право и усердно шествуя в них даже до смерти, паче и паче обновляя себя и новым воистину делая себя Божиим раем, пока со Отцом Сын чрез Духа Святого внидет и станет обитать в нас. И тогда уже, когда таким образом стяжем Его себе жителем и учителем, – тогда кому из нас повелит Он (взять на себя какое служение) и кому какое служение вверит, тому оно и да вручится; и он да ведет его так, как сие благоугодно Богу. Но прежде времени не следует сего служения искать, не следует и принимать его, когда дают его люди (сами от себя), но надлежит пребывать в заповедях Владыки нашего и Бога и ожидать повеления Его (взять на себя какое служение).

96) Если, – после того, как вверено нам будет служение в божественных вещах и мы потрудимся в нем достохвально, – направлены мы будем Духом перейти на другое служение, или делание, или дело, – да не сопротивляемся. Ибо Бог не хочет ни того, чтобы мы были праздны, ни того, чтоб оставались на одном и том же делании, с которого начали; но хочет, чтоб преуспевая, все более и более подвигались к достижению лучшего, не своей, однако ж, но Божией руководясь в сем волею.

97) Старающийся умертвить свою волю должен творить волю Божию, – вместо своей воли вводить в себя волю Божию, насаждать и внедрять ее в сердце свое. И при этом тщательно смотреть, прорастает ли насаждаемое и внедряемое, пустив вглубь корни; если проросло и дало ствол, то ствол сей, будучи надрезан для принятия прививка, сросся ли с сим прививком и стал ли в одно с ним древо, затем, вырос ли прививок, расцвел ли и дал ли плод прекрасный и сладкий, – чтоб не неведомы были ему и земля, прежде приявшая в себя семя, и корень, на котором глубоко утвердилось сие непостижимое и неизреченное живоносное растение (Перифраз; место очень темно).

98) Кто страха ради Божия отсекает свою волю, тому Бог, неведомо для него, так что он не знает, как то бывает, дарует Свою волю и соделовает ее неизгладимой в сердце его, открывая при сем очи сердца его, чтоб он познал ее (т. е., что это Божия воля), и силу подавая исполнять ее. Творит же сие благодать Святого Духа, а без нее ничего не бывает.

99) Если ты получил прощение всех своих грехов, просто ли только чрез таинство покаяния и исповеди, или с приятием при сем и святой ангельской схимы; то какой любви, какого благодарения и смирения должно быть сие для тебя источником – что, будучи достоин бесчисленных мук, ты не только избавлен от этого, но еще удостаиваешься сыноположения, славы и Царства Небесного?

Обращая сие в уме своем и всегда помня, будь готов и настраивайся к тому, чтобы не обесчестить собою Сотворшего тебя и почтившего, и бесчисленные простившего тебе согрешения, но всеми делами своими прославить Его и почтить, чтобы и Он тебя, почтенного Им паче всякой

видимой твари (в творении), еще паче почтил в воздаяние за то (во благодати), – и другом Своим искренним наименовал тебя.

100) Сколько душа честнее тела, столько разумный человек лучше и выше всего мира. Не на великость сущих в мире творений смотри, чтоб ради того думать, будто они честнее тебя, человек; но на данную тебе благодать воззрев и достоинство умной и славной души своей уразумев, прославляй в песнях Бога, почтившего тебя паче всего видимого.

101) Будем смотреть и умудряться, как прославить Бога. Прославляется же Он нами не иначе, как так, как прославлен был Сыном. Но чем Сын прославил Отца Своего, тем и Сам прославлен был от Отца. Будем и мы делать то же (что Сын) со тщанием, чтоб тем прославить Отца нашего, *Иже есть на небесех,* благоволившего так наименоваться и от Него быть прославленными славою Сына, *которую имел Он у Него прежде мир не бысть.* Это суть – крест, или умертвие всему миру, скорби, искушения и другие страсти Христовы, – которые перенося с полным терпением, подражаем мы Христовым страстям и прославляем тем Отца нашего и Бога, как сыны Его по благодати и сонаследники Христовы.

102) Душа, не освободившаяся совершенно от мирских навыков и пристрастия к видимым вещам, в самих чувствах и расположениях сердца своего не может беспечально переносить приключающихся ей печалей и находящих на нее напраслин и искушений от демонов и людей. Но, как узами, связанная пристрастием к человеческим вещам, уязвляется ущербом в деньгах, тяжкою поражается скорбью от потери вещей и сильно болезнует о наносимых телу ее ранах.

103) Кто отторг душу свою от пристрастия и привязанности к чувственному и тесным союзом сочетал ее с Богом, тот не только равнодушен будет к сущим около него деньгам и вещам и, терпя потерю в них, будет беспечален, как бы они были не его, а чужие, но и самому телу его причиняемые боли будет переносить с радостью и подобающим благодарением, видя всегда, по слову божественного Апостола, что когда *внешний человек тлеет, внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16). Иначе же с радостью переносить скорби по Богу невозможно. Потребны для сего ведение совершенное и мудрость духовная, – которых лишенный всегда ходит во тьме безнадежия и неведения, не имея никакой возможности видеть свет терпения и утешения (молитвы).

104) Всякий, мнящийся быти мудрым, потому что прошел все науки и сведущ во внешней мудрости, никогда не сподобится проникнуть в тайны Божии и увидеть их, если прежде не смирится и не сделается в чувствах сердца своего буиим, вместе с самомнением отвергая и приобретенную ученость. Ибо кто так поступает и с неколеблющеюся верою последует мужам мудрым в божественных вещах, тот, будучи ими руководим, вместе с ними входит в град Бога Живого, и, Духом Святым на-

ставляемый и просвещаемый, видит и познает то, чего никто из других людей видеть и познать не может. Так делается он богонаученным.

105) Богонаученных ученики мудрых века сего людей почитают буиими, между тем как сами воистину суть буии и наострились только по внешней премудрости объюродевшей, которую, по божественному Апостолу, *обуи Бог* (1 Кор. 1, 20) и богословный глас признал *земною, душевною, бесовскою, исполненною рвения и зависти* (Иак. 3, 15). Таковые, будучи вне Божественного света, не могут видеть чудес, находящихся в нем, и тех, которые, водворяясь в сем свете, видят, что в нем, и поучают тому, почитают прельщенными, между тем как сами прельщены и никогда не вкушали божественных благ.

106) И ныне есть и среди нас вращаются люди бесстрастные, святые и исполненные Божественного света, которые так умертвили уды свои, сущие на земли, отребив их от всякой нечистоты и всякого страстного похотения, что не только сами от себя не помышляют делать что-либо худое, но и когда влекут их к тому другие, не терпят никакого изменения в присущем им бесстрастии. Их узнали бы и те, которые презрительно об них относятся и не верят им, когда они поучают о божественных вещах в премудрости Духа, если б добре разумели божественные словеса, каждодневно ими читаемые и поемые. Ибо если б они знали совершенно Божественное Писание, то веровали бы обещанным нам от Бога и дарованным благам. Но как они не причастны сих благ за свое самомнение и нерадение, то охуждают и тех, которые сподобились причастия их и учат о них, не веря им. (Примечание. Так написано в греч. Добротолюбии. В новогреческом эта глава перифразирована так: «Те, которые говорят, что во времена сии нет ни одного бесстрастного, и не верят тем, которые в премудрости Духа ведут беседы о божественных вещах, если бы понимали божественные слова, какие каждодневно читают и поют, узнали бы, что и ныне есть бесстрастные, святые и исполненные Божественным светом, и живут среди нас, отребив себя от всякой нечистоты и всякого страстного похотения, – так что не только сами от себя не помышляют делать что-либо худое, но и когда другой кто влечет их к тому, не терпят никакого изменения в бесстрастии, которое в них. Но те, не зная Писаний, говорят, что ныне нет никого такого. Ибо, если б разумели, как должно, Божественное Писание, то верили бы тем благам, которые Богом нам обещаны и дарованы. Но как они не причастны таких благ, по причине самомнения и нерадения своего, то, не веря им, охуждают и оклеветывают тех, которые сделались причастными их и учат о них».) [36]

---

[36] В слав. Добротолюбии переведено так: «Я́ко и ны́не су́ть безстра́стнии и святи́и, и испо́лненнии боже́ственнаго све́та, пребыва́ющии посреде́ на́с, и толи́ко умертви́вшии у́ды своя́, я́же на земли́, от вся́кия нечистоты́ и стра́стнейшия по́хоти, я́ко не то́чию от себе́ никогда́же помышля́ти или́ сотвори́ти что́ от злы́х, но ниже́ от

107) Исполненные благодати Божией и совершенные в ведении и премудрости, которая свыше, для того только желают ходить в мир и видеть сущих в нем, чтоб напоминанием о Заповедях Божиих расположить их к доброделанию и чрез то дать случай заслужить награду некую, – если конечно послушают их, возьмут в толк и убедятся. Так как они, не Божиим водимы будучи Духом, во тьме ходят и не знают, куда идут, и преуспевают ли в каких заповедях; то (во благодати живущие идут к ним с показанными напоминаниями в желании и надежде) не восприимут ли когда-нибудь истинного учения Святого Духа, воспрянув от обдержащего их самомнения, и искренно, а не с притворством и самохвальством, вняв воле Божией, не покаются ли, чтоб, исполнив ее, соделаться причастными какого-либо дарования духовного. Если же не случится им быть виновниками такой для посещаемых мирян пользы, то они, плача об ожесточении и ослеплении сердец их, возвращаются в свои келлии и начинают день и ночь молиться о спасении их. Ибо о другом чем не печалятся с Богом непрестанно пребывающие и преисполненные всякого блага.

108) Какая цель воплощенного Домостроительства Бога Слова, которая во всем Божественном Писании проповедуется, но которой мы, читая сие Писание, не знаем? Не другая какая, как та, чтоб, приобщившись тому, что наше, соделать нас причастными того, что есть Его. Сын Божий для того соделался Сыном Человеческим, чтобы нас человеков соделать сынами Божиими, возводя род наш по благодати в то, что Сам Он есть по естеству, рождая нас свыше благодатью Святого Духа, и тотчас вводя нас в Царство Небесное, или, лучше сказать, даруя нам иметь сие Небесное Царствие внутрь нас (Лк. 17, 21), чтобы мы, не надеждою только внити в него питаясь, но уже в обладание им быв введены, взывали: *живот наш сокровен есть со Христом в Боге* (Кол. 3, 3).

109) Крещение не отъемлет самовластия и самопроизволения нашего, но дарует нам свободу от тиранства диавола, который не может уже более против воли нашей властвовать над нами. По крещении в нашей же состоит воле: или пребывать самоохотно в заповедях Того, в Кого крестились, Христа, Владыки и Бога, и ходить путем повелений Его, – или, уклонясь от правого пути сего, опять возвратиться к диаволу, противоборцу и врагу нашему.

ино́го на сие́ влеко́мым, измене́ние не́кое прили́чествующаго себе́ безстра́стия терпе́ти; ве́дели бы си́х, а́ще бы ве́дели на вся́к де́нь что́мая боже́ственная словеса́, и пева́емая от ни́х не разли́чие таковы́м припису́ющии, и неве́рующии о боже́ственных та́инствах уча́щым прему́дростию духа. А́ще бо разуме́ли бы́ша соверше́нне боже́ственное писа́ние, ве́ровали бы́ша глаго́ланным от бога, и дарова́нным на́м благи́м. А поне́же неприча́стни су́ть таковы́х бла́г от возноше́ния и нераде́ния, и прича́стников бы́вших, и о таковы́х уча́щих не ве́рующе оболгава́ют.»

110) Те, которые по Святом Крещении повинуются хотениям лукавого и угодное ему творят, отчуждают себя от святых ложесн святого Крещения, по сказанному Давидом: *очуждишася грешницы от ложесн* (Пс. 57, 4). Ибо каждый из нас не изменяется или не прелагается из естества, как создан, в другое. Но быв создан от Бога благим (ибо Бог ничего злого не сотворил), и пребывая непреложным по естеству и существу, как создан, что свободной своей волей произволяет и желает, то и делает, доброе ли то, или злое. Ибо как нож, на зло ли кто его употребляет, или на добро, не прелагается из своего естества в другое, но остается железом по естеству: так и человек действует и содевает, как сказано, что хочет, но из естества своего не выступает.

111) Не то спасает, если кто однажды и одному кому окажет милость, хотя то, если кто и одного презрит, повинным делает огню вечному. Ибо – *взалкахся и возжадахся* – сказано не про один случай и не про один день, но указывает на всю жизнь. Равным образом *напитасте, напоисте, одеясте* и прочее, что следует, не на однократное дело указывает, но на всегдашнее и в отношении ко всем. Христос Господь и Бог наш исповедал, что Он такую милость Сам приемлет от рабов Своих (в лице нуждающихся).

112) Кто подал милостыню сотне нуждающихся, но, могши дать и другим, накормить и напоить многих, – отказал умолявшим его и вопиющим к нему, тот будет судим от Христа, как не напитавший Его. Потому что и в этих всех Он есть Тот же Самый, Которого питаем мы в каждом из бедных.

113) Кто ныне всем нуждающимся все потребное для тела доставил, тот, если завтра, имея возможность то же сделать, вознерадит о некоторых братиях и оставит их умирать с голода, жажды и холода, – Того Самого оставил умирать, Того Самого презрел, Кто сказал: *понеже сотвористе единому сихменших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40).

114) Того ради Господь благоволил восприять лицо каждого бедного и каждому бедному Себя уподобил, чтоб никто из верующих в Него не возносился над братом своим. Но чтоб каждый, видя в брате своем Бога своего, почитал себя меньшим и худшим брата своего, как есть меньше Сотворшего его, и как Сего, принимал его и чтил, и в помощь ему готов был истощить все имение свое, как Христос и Бог наш истощил кровь Свою для спасения нашего.

115) Кому повелено иметь ближнего своего, как самого себя, тот, конечно, не один день, но всю жизнь свою должен иметь его таковым. Также и тот, кому заповедано давать всякому просящему, заповедь имеет всю жизнь свою поступать так. Равно как и от желающего, чтоб другие делали ему добро (всегда разумеется), требуется, чтоб он и сам то же делал для других.

116) Так как имеющий ближнего своего как самого себя не может дозволить себе иметь что больше ближнего, то если кто, имея, не раздает независтно, пока и сам не сделается бедным и не уподобится ближним своим, тот не оказывается точным исполнителем Заповеди Владычней. Равным образом (не оказывается) хотящим давать всякому просящему тот, кто, имея хоть грош или кусок хлеба, отошлет ни с чем просящего у него, – или не делая сам для ближнего, чего тот желает (отошлет), чтоб сделал для него это другой кто. Таким образом, и тот, кто всякого бедного и нищего кормил, поил, одевал и все другое для него делал, а презрел только одного и об одном понерадел, – и этот сочтен будет презревшим Христа Бога, алчущего и жаждущего.

117) Может быть, это всем покажется тяжелым, и они потому сочтут благословным говорить в себе: кто может до точности все это исполнить, чтобы всех удовольствовать и напитать, и отнюдь никого из них не оставить неудовлетворенным? Но да послушают они Павла, который ясными взывает словами: *любы Христова обдержит нас суждших сие* (2 Кор. 5, 14).

118) Как главные заповеди объемлют все заключающиеся в них частные заповеди, так и главные добродетели заключают в себе все частные объемлемые ими добродетели. Продавший, например, все свое и раздавший то бедным, и сделавшийся сам бедным, за раз исполнил все частные, относящиеся сюда заповеди. Почему не имеет уже нужды просящему давать и от хотящего занять у него не отвращаться. Таким же образом и непрестанную стяжавший молитву, в сем едином исполненными имеет все заповеди о молитве, – и не состоит уже под необходимостью седмерицею в день хвалить Господа, или в вечер, заутра и полудне, как исполненными уже имеющий в себе все молитвы, какими молимся мы и какие поем, по уставу, в определенные времена и часы. Равно, сознательно имеющий в себе дающего ведение человекам Бога, все прошел Святое Писание, – и как плод, собрал всю могущую от чтения его произойти пользу, – и не имеет уже нужды в чтении книг. Ибо какую будет иметь в сем нужду тот, кто, стяжав собеседником себе Того, Кто вдохновлял писавших Божественные Писания, имеет запечатленными в себе от Него неизреченности сокровенных тайн? Напротив, он сам будет для других вдохновенной книгой, носящей новые и древние тайны, написанные перстом Божиим в нем, как совершившим все и почившем в Боге от всех дел своих, – что есть верх совершенства.

119) Бывающее во время сна истечение от многих обычно происходит причин: от чревонеистовства, от тщеславия и от зависти бесов. Но бывает и от долгого бдения, вследствие которого тело разнеживается во сне, и от страха, когда страшится кто, как бы не пострадать сего, или ради Божественной литургии, которую имеет совершать, будучи иереем, или ради Св. Причастия (к коему готовится, будучи простым братом). С

занятым такими помыслами на одре своем, с боязнью, как бы сего не пострадать, бывает, что он лишь только заснет, как страждет то: что самое также происходит по зависти демонов. – И вот еще что бывает: иной увидит днем красивое лицо и нарисует его в мысли, потом отходит ко сну с блудными помыслами, по расслаблению не отогнав их, и подпадает истечению во сне, а иногда и не заснувши еще, лежа на одре. Бывает и так: сидят иные нерадивые, подобно мне, и разговаривают о страстных движениях, страстно или бесстрастно; потом и отходя ко сну, вращают такие образы в уме своем и засыпают в сочетании с ними, – во сне и подвергаются сказанной неприятности; может же быть, что еще во время беседы один из них приял вред от другого. Почему внимать должно самим себе всегда и поучаться в слове пророка: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8), – и слух заграждать от таковых словес. Иные нередко подвергались плотским движениям, когда упразднялись от молитвы (оставляли молитву), как мы показали и в главе о молитве.

120) Брате, в самом начале отречения своего от мира потщися насадить в себе благие добродетели, чтоб и братству ты был полезен, и самого тебя Господь возвеличил напоследок. Не стяжай себе особого дерзновения пред игуменом и не ищи себе особой от него чести. Не стяжай дружбы с наибольшими в обители и не части в келлии их, зная, что чрез это не только страсть тщеславия начнет пускать в тебе свои корни, но и самому настоятелю сделаешься ненавистен; а почему это – разумеваяй да разумеет. Сиди в мире в келлии своей, какова бы она ни была; но и хотящего посетить тебя и побеседовать с тобой не отвращайся, ради сохранения своего благоговения, потому что, с совета отеческого беседуя с ним, не потерпишь вреда, хотя бы он и был из противных, т. е. не согласен с тобою ни в правилах, ни в мыслях. Если и не видишь, чтоб это было полезно для тебя, делай так, побуждаясь возможностью доставить пользу другому.

121) Должно всегда иметь страх Божий и каждодневно обследовать и обсуждать, что доброго и что худого сделано тобою, – и доброе предавать забвению, чтоб не впасть в страсть тщеславия, а о противном тому проливать слезы с исповедью и напряженной молитвой. Суд сей над собою совершай так. Когда кончится день и настанет вечер, начинай разглагольствовать с собою и вопрошать себя: как, с помощью Божией, провел я день сей? Не осудил ли кого? Не досадил ли кому словом? Не соблазнил ли кого? Не посмотрел ли страстно на чье-либо лицо? Не ослушался ли в чем настоятеля по послушанию своему и понерадел о нем? Не прогневался ли на кого? Стоя в собрании (церковном), не занимал ли ума своего чем бесполезным или, отяготясь от лености богослужением, не уходил ли из церкви и с правила? Хотя бы нашел себя во всем этом неповинным, – что однако ж невозможно, потому что *никто не бывает*

чист от скверны, аще и един день будет жития его (Иов. 14, 4), и *никто же похвалится чисто имети сердце* (Притч. 20, 9); и тогда, помянув это, возопи к Богу со многими слезами: Господи, прости мне, елика согреших словом и делом, в ведении и неведении, ибо мы во многом погрешаем, не зная того.

122) Каждодневно должно исповедовать всякий помысл духовному отцу своему, и что он будет говорить тебе, принимать то как из уст Божиих с полным убеждением (в истине того непреложной); другому же никому не передавать, что-де спросил я отца моего о том-то и о том-то, и он ответил мне то и то; и тем паче не переспрашивать, хорошо ли он сказал мне это, и что мне делать во уврачевание себя? Потому что это суть слова неверия отцу своему и пагубны для души. Это наиболее случается обычно с новоначальными.

123) Всех, сущих в киновии, должно видеть святыми и только себя одного почитать грешным и последним, прилагая к сему, что из всех спасаемых ты один осужден будешь на вечные муки в день он. Когда стоишь на службе, все об этом думай и не переставай тепло плакать в сокрушении сердечном, не обращая внимания на соблазняющихся или насмехающихся. Только когда увидишь, что начинаешь от этого поскользаться в тщеславие, тогда выходи их церкви и делай это втайне, поскорее возвращаясь потом на свое место. Это для новоначальных очень полезно; особенно во время шестопсалмия, чтения Псалтири и поучений и во время Божественной литургии. Но смотри никого не осуждай, а вот что положи в уме своем: те, которые видят меня так плачущим, почитая меня многогрешным, усердно молятся о мне. И конечно так непрестанно помышляя и всегда поступая, великую получишь ты пользу, – и Божию привлечешь благодать, и божественного блаженства причастником сделаешься.

124) Не ходи ни к кому в келлию, кроме игумена, и это как можно реже. Но если желаешь спросить его о каком-либо помысле, делай это в церкви; от службы же церковной прямо уходи к себе в келлию и потом на дело послушания своего; а после повечерия, положив поклон игумену и испросив молитв, опять, поникши головой, с молчанием беги в келлию. Лучше одно Трисвятое прочитать со вниманием и лечь спать, нежели без сна провести четыре часа в бесполезных разговорах. Впрочем, где сокрушение и плач духовный, там и божественное осияние; а когда оно найдет, тогда отгоняются и леность, и немощь.

125) Особой любви ни с каким лицом не заводи, особенно из новоначальных, хотя и покажется тебе жизнь его очень хорошей и нимало не подозрительной. Потому что из духовной такая любовь очень часто прелагается в страстную и бывает причиной многих бесполезных скорбей. И это случается наиболее с теми, кои ревностнее подвизаются. Впрочем,

смирение и частая молитва научит, как тут поступать; подробно же говорить о сем здесь не нахожу уместным. Разумный да разумеет.

126) В отношении к каждому брату в киновии надо держать себя чужим и отстраненным, особенно из тех, кои были знакомы по мирской жизни, но всех любить, и любить ровно, – на благоговейных и подвижников смотреть как на святых, а о подобно мне нерадивых прилежно молиться. Впрочем, как и выше показали мы, почитая всех святыми, потщися плачем очиститься от страстей, чтоб, осветившись благодатью, на всех смотреть одинаково и сподобиться блаженства чистых сердцем.

127) Вот что почитай совершенным, имени своего достойным, удалением от мира, – всеконечное воли своей умерщвление, потом беспристрастие к родителям, родным и друзьям и совершенное от них отречение.

128) Далее еще обнажение себя от всего имущества своего чрез раздаяние его бедным, по Слову Господа, сказавшего: *продаждь имение твое и даждь нищим* (Мф. 19, 21), и забвение действительное всех лиц, какие сердечно любил или плотской, или духовной любовью.

129) Также исповедание всех сокровенностей сердца твоего и всего, что до сего самого часа наделано тобой, духовному отцу или игумену, как Самому Богу, испытующему сердца и утробы, ведая, как Иоанн крестил крещением покаяния, и все шли к нему исповедовать грехи свои (Мк. 1, 4, 5). Ибо от этого бывает великая радость на душе и облегчение совести, по пророческому слову: *глаголи ты первее грехи твоя, да оправдишися* (Ис. 43, 26).

130) Еще и то, чтоб положить в помысле такое убеждение, что после твоего поступления в обитель померли твои родителя и друзья, почитать отцом и матерью лишь Бога и настоятеля; затем ничего уже у них не просить ради телесной потребности. Если они по своему о тебе попечению пришлют тебе что, прими то и помолись о них за их о тебе заботу, но присланное отдай в гостиницу или в больницу, и сделай это со смирением, потому что это не есть дело совершенных, но последнейших.

131) Делай всякое дело доброе со смирением, помня слова Господа: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10).

132) Всячески блюдись, чтоб никогда не принимать Св. Причастия, имея что-либо на кого, даже в виде прилога помысла, пока не устроишь совершенного примирения с ним посредством покаяния. Впрочем, и этому научишься от молитвы.

133) Каждодневно будь готов к подъятию всякой скорби, помышляя, что скорби суть избавление от многих долгов, и благодаря за них (когда встретятся) Святого Бога. Сим образом стяжается непостыдное упование по слову великого Апостола: *скорбь терпение соделовает,*

терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит (Рим. 5, 3–5); так как, по неложному обетованию, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 8), есть достояние тех, кои, с помощью благодати, показывают полное терпение в скорбях; без благодати же ничто не может быть сделано, как следует.

134) Не имей в келлии своей никаких вещей, даже до иглы, кроме рогожи, овечьей кожи, рясы и того, во что одеваешься (или чем одеваешься ночью), – если возможно, ни даже подножия. Есть что сказать о всем этом; но разумный да разумеет.

135) Опять и у игумена не проси ничего потребного, кроме положенного по уставу; но и это, когда сам он позовет тебя и даст, никак не соглашаясь при сем с помыслом, внушающим переменить что-либо из даваемого, но каково бы оно ни было, принимай то с благодарностью, как от Бога, – и тем довольствуясь, без замысла купить другое от себя, потому что это неуместно. Так как платье загрязняется, то его надо мыть дважды в год, выпрашивая на это время подобно нищему и страннику, со всем смирением у другого брата, чем одеться, пока своя одежда вымытая высохнет на солнце, и потом опять отдавая то с благодарностью. Так и с рясою поступать надобно, и со всем другим.

136) Трудись по силе (не ленясь) в деле послушания, а в келлии прилежи молитве, со вниманием, сокрушением и частыми слезами, не слагаясь в сердце с помыслом, что-де, как ныне я перетрудился, то отниму немного от молитвы, труда ради телесного: ибо говорю тебе, что, сколько бы кто ни преутруждал себя в деле послушания, коль скоро чрез это отвлекается он от молитвы, пусть держит в мысли, что потерял нечто великое. И это так есть воистину.

137) Прежде всех приходи в церковь на богослужение и после всех выходи, кроме крайней какой нужды, – особенно на утреню и Литургию.

138) Всякое повиновение имей к своему игумену, от которого и пострижен ты, и без раздумий исполняй, что ни повелит он, даже до смерти, хотя бы то казалось тебе и невозможным. Действуя так, будешь подражателем Того, Кто послушлив был даже до смерти, смерти же крестной. Но не только игумена, но и всю братию, и того, кому поручено смотреть за послушаниями, ни в чем не должно ослушаться. Если он назначит тебе что не по силам тебе, положив поклон, проси снисхождения; если не снизойдет, понуди себя исполнить то, помышляя, что *нудящихся есть Царствие* и что *его восхищают те, которые нудят себя* (Мф. 11, 12).

139) С сокрушенным сердцем припадай к ногам всей братии, как ничтожный, безвестный и совсем будто не сущий. Кто так обращается со всеми и так проводит жизнь свою, тот, дерзаю сказать, бывает прозорливым и с помощью благодати многое предсказывает. Таковой мо-

лится и о прегрешениях других братьев, пребывая не развлекаемым пристрастием к вещественному, так как духовная Божественная любовь не попускает ему поскользнуться на это. Предсказывать не дивное дело. Часто бывает это и от бесов, – но разумный уразумеет сие. Впрочем, когда кто начнет исповедовать или принимать открытия ему помыслов другими, то бывает, что лишается и сего, будучи занят рассуждением помыслов других. Но если по великому смирению перестанет это делать, т. е. выслушивать и говорить по сему случаю, то опять возводится в прежнее устроение. Почему так бывает, знает един Бог; я же, страхом объемлем, не дерзаю говорить об этом.

140) Имей ум всегда в Боге и во время сна и во время бодрствования, при вкушении пищи и беседе, за рукоделием и всяким другим делом, по слову пророка: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Пс. 15, 9). Почитай себя грешнейшим паче всякого человека. Ибо когда такое помышление долгое время занимает ум и сердце, тогда внутри обыкновенно является некое духовное сияние света, наподобие луча. И чем более взыскиваешь его со вниманием крепким, мыслью неразвлеченной, трудом великим и слезами, тем более оно является яснейшим и яснейшим: являясь таковым, возлюбляется; любимо бывая, очищает; очищая, делает благовидным, просвещая и научая различать доброе от худого. Впрочем, брате, много требуется труда и с Божией помощью, чтоб такое сияние благодатное совершенно вселилось в душу твою и ее освещало, как луна мрак ночи. Потребно также внимательно смотреть, не прокрались бы прилоги помыслов тщеславия и самомнения, чтоб не осудить кого, видя, что он делает что-нибудь неподобающее. Ибо демоны, видя, что душа чрез вселение в нее благодати и установление в ней мирного устроения освободилась от страсти и искушений, обыкновенно влагают в нее такие помыслы; но помощь от Бога (приходит и разоряет их козни). Да будет у тебя и плач непрестанный, и сытости в слезах не знай. Внимай еще, как бы не пострадать чего из-за обильной радости духовной и умиления; а постраждешь, если подумаешь, что они суть плод собственного твоего труда, а не благодати Божией, потому что за это они взяты будут от тебя, – и ты много поищешь их в молитве и не обрящешь, – и узнаешь, какое потерял ты дарование благодати. Но, Господи, никогда не попусти нам лишиться благодати Твоей. Впрочем, брате, если и случится сие с тобою, возверзи на Бога немощь свою и, восстав, воздень руки свои и так говори в молитве: Господи! Помилуй меня грешного, немощного и бедного, и ниспосли на меня благодать Твою, не попуская мне искуситься паче, нежели могу. Виждь, Господи, в какое бездушие и в какие помыслы ввергли меня грехи мои многие. Я, Господи, если бы и захотел почесть, что мое самомнение, бывшее причиной лишения Твоего благодатного утешения, произошло у меня от бесов, не могу тем извинить себя, ибо знаю, что с теплым усер-

дием творящие волю Твою легко сопротивляются им. Не они, а мои собственные грешные расположения, кроющиеся в сердце, искусили меня. Каюсь в сем, Господи мой, Господи, и молю Тя, если благоугодно Тебе и для меня полезно, да внидет паки благодать Твоя в раба Твоего, да, видя ее, радуюся со умилением и плачем, – будучи просвещаем присносветлым сиянием ее и сохраняем от скверных помыслов, и всякой злой вещи, и от всех недобрых дел и слов, коими каждодневно согрешаю я в ведении и неведении, – укрепляясь в благонадежном дерзновении пред Тобою, Господи, скорбями, каждодневно приключающимися рабу Твоему от бесов и людей, и отсечением собственной воли своей, помышляя и о благах, уготованных любящим Тебя. Ибо Ты сказал, Господи, что *просяй приемлет, ищай обретает, и толкущему отверзется* (Мф. 7, 8). К сему, брате, прилагая и другое, что вложит Бог в сердце твое, пребывай терпеливо в молитве, не расслабляясь скукой и унынием, – и благий Бог не оставит тебя.

141) В келлии, какую вначале получил ты от настоятеля, терпеливо пребудь до конца. Если помысл станет смущать тебя по причине ее ветхости или опасности падения, то, поклонившись настоятелю, скажи ему об этом со смирением. Если он выслушает тебя, радуйся; а если нет, и в таком случае благодари, воспомянув о Владыке своем, не имевшем, где главу подклонить. (И не повторяй уже прошения). Ибо если ты два, три или четыре раза подокучаешь об этом настоятелю (и не получишь удовлетворения), то от этого родится сначала дерзость пред ним, потом недоверие к нему и наконец презрение (и жизнь твоя расстроится). Почему, если хочешь проводить жизнь тихую и покойную, не проси у настоятеля ничего, что служит к удовлетворению телесных нужд. При поступлении твоем в монашество вначале об этом и речи не было. Не обещался ли ты напротив мужественно сносить по Заповеди Божией, если бы тебя все презирали и уничижали? Итак, если хочешь сохранить веру и любовь к настоятелю своему и всегда смотреть на него как на святого, соблюди следующие три вещи: не проси у настоятеля того, что служит к упокоению телесному, не позволяй себе особой пред ним смелости и не учащай к нему, как некоторые делают, имея в виду будто бы то, чтоб пользоваться его наставлениями и руководством, – не иноческое это дело, а человеческое; впрочем, я этого не осуждаю. Прибавь к сказанному еще и то, чтоб не скрывать от него никакого помысла, находящего на тебя. Если будешь соблюдать все сие, то без волнений переплывешь море жизни, и отца своего, каков бы он ни был, не перестанешь почитать святым. Если, подошедши в церкви к отцу своему спросить о своем каком-либо помысле, найдешь, что другой предупредил тебя по тому же предмету или другому какому, и увидишь, что на тебя не обращается внимание, смотри не оскорбись и не подумай чего-либо недоброго; но стань особо поодаль и жди, сложив руки, пока не кончится речь с тем и

тебя не позовут. Бывает, что отцы нарочно так делают для испытания и для заглаживания прежних наших в сем обстоятельстве погрешностей.

142) Поститься в посты надлежит тебе так: в Великий пост по два дня, кроме великого какого праздника, субботы и воскресенья; в другие посты через день (вкушать); в прочие же дни года есть по одному разу в день, кроме субботы, воскресенья и праздника, – но не досыта.

143) Старайся быть для всего братства назидательным образцом во всякой добродетели, – в смирении и кротости, в милостивости и послушании даже в низких вещах, в безгневии и беспристрастии, в нестяжательности и умилении, в незлобии и нелюбопытности, в простоте нрава и чуждости ко всякому человеку, в посещении болящих, в утешении скорбящих, – в том, чтобы не отвращаться от ищущих пользы под предлогом беседы с Богом: ибо любовь лучше молитвы, – в том, чтоб быть сострадательну ко всем, нетщеславну, недерзостну, нетребовательну ни от настоятеля, ни от другого какого распорядителя, соблюдающу почтительность ко всем иереям; – в том, чтобы показывать внимание к молитве, неподдельное благонастроение и любовь ко всем, чтоб не славы ради стараться любопытно исследовать Писания, – чему научит тебя молитва, бывающая со слезами, и просвещение благодати. Когда спросит кто о чем подобающем, учи его тому, что касается богодейственных и богоугодных деланий, как подаст тебе благодать, со всем смирением, из опытов своей жизни, как бы другого кого, не тщеславясь в помысле, кто бы ни был ищущий у тебя пользы. И того не отвращайся, кто ищет у тебя врачевства против какого-либо помысла, но восприими его погрешения, какие бы они ни были, и молись о нем с плачем: ибо это есть знак совершенного сострадания и любви. И того ради, чтоб не получить вреда от слышания таких вещей, не отревай от себя приходящего. Действуя из любви, не потерпишь никакого вреда при помощи благодати Божией. Впрочем, чтоб не произошло от этого вреда для других, надобно вести речь о сем (т. е. принимать помыслы и давать уроки по поводу их) в тайном месте. Но если и подвергнешься, как человек, приражению какого помысла, – чего однако ж не потерпишь, если сподобился действия благодати, – то и при этом не переставай так действовать: ибо мы учимся не своей *искать пользы, но многих, да спасутся* (1 Кор. 10, 33). Относительно действа благодати знай, что когда станешь ты воистину иметь себя грешнейшим паче всякого человека, тогда это будет значить, что восприял ты действо благодати. Будь только беспопечителен (о земном) и нестяжателен, – и сподобишься сего. Как же все сие бывает, не умею сказать: Бог весть.

144) Часы бдения проводи так: два часа читай (отеческие книги), два часа молись в умилении со слезами, (это от себя, не по молитвеннику), затем приложи канон, какой хочешь (или из Октоиха дневной, или из Минеи, или общепокаянный, или еще какой), и двенадцать псалмов,

если угодно, – наконец молитву: *Нескверная, Неблазная,* и молитву св. Евстратия: *Величая величаю Тя.* Это когда ночи бывают велики; когда же они коротки, тогда и последование молитв пусть будет у тебя покороче, по данной тебе от Бога силе: ибо без Него ничто доброе не делается, как говорит пророк: *от Господа стопы человеку исправляются* (Пс. 36, 23), – и как сказал Господь: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). – Но причащаться никогда не причащайся без слез.

145) Ешь предлагаемое, каково бы оно ни было; подобным образом и вино (пей, какое подадут), с воздержанием, без ропота. Если живешь один, по немощи ешь сырые зелья (овощи, салаты) с маслинами. Если кто из братий пришлет тебе какое варево, прими с благодарностью и смирением, как странник, и поешь того, что бы то ни было, что же останется, пошли то другому брату, бедному и благоговейному. Если кто позовет тебя на угощение, ешь все предлагаемое, но всего помалу, по заповеди, соблюдая воздержание. Вставши из за трапезы, сделай поклон звавшему, по обычаю странников и бедных, и поблагодари его, говоря: Бог да воздаст тебе, отче святый. Говорить же ничего не говори, хотя бы приходилось сказать и что-либо полезное.

146) Если кто из братий в скорби или от настоятеля, или от эконома, или от другого кого придет к тебе, утешь его такими словами: «поверь брате, что это случилось тебе на испытание. Часто и со мною бывало это, и я по малодушию скорбел от того; но когда воспринимал удостоверение, что это посылалось мне на испытание, переносил то с благодарностью. Поступай и ты таким же образом, и не печалиться, а паче радоваться будешь от таких скорбей». Хотя бы тот на брань и поношение (оскорбивших) поползнулся, ты и при этом не отворачивайся от него, но как подаст тебе благодать, постарайся утешить его. Ибо много есть рассуждений (пригодных на это дело); и ты, как поймешь состояние брата и его помыслы, сообразно с тем подойди с ними к нему и помоги ему; неуврачеванным же ни за что не отпускай его от себя.

147) Если какой брат болен, и тебе случится долгое время не посетить его, то, желая наконец это сделать, пошли наперед предуведомить его и сказать: поверь мне, отче святый, что я ныне только узнал о болезни твоей, и прошу в этом извинения. Потом сам иди, и пришедши, положи поклон и по молитве скажи: как тебе, отче святый? Как милует тебя Бог? – затем сядь, сложа руки, и молчи. Если и другие там будут, пришедшие для посещения, смотри ничего не говори, ни от Писания, ни из естествословия, чтоб после не скорбеть. Это наибольшей частью случается с простейшими из братий.

148) Если случится тебе угощаему быть трапезой вместе с другими благоговейными братиями, все предлагаемое надобно тебе есть без раздумий, что бы там ни было. Если имеешь от кого-либо заповедь не есть, например, рыбы или другого чего, а это предложено: то когда тут же или

недалеко давший тебе заповедь, поди и умоли его позволить тебе есть то; когда же нет его, или знаешь, что он не разрешит тебе, а ты не хочешь смутить тех, с которыми сидишь за трапезой, ешь не колеблясь, и после стола расскажи ему все, как и почему так ты поступил, прося прощения. Если не хочешь ни того, ни другого, то лучше тебе не ходить на такое угощение. От этого получишь ты два добрых плода: и беса тщеславия избежишь, и тех братий избавишь от смущения и неприятности. – Но если то будут братия из дебелейших, то соблюди свою заповедь. Впрочем, лучше и при них есть понемногу от всего. – Таким же образом поступай и при утешении всей братии кем-либо (когда кто для всей братии предлагает трапезу), по Апостолу, заповедавшему нам *все предлагаемое есть ничтоже сумняся за совесть* (1 Кор. 10, 27).

149) Если кто из братий, когда ты творишь молитву в келлии своей, постучит в дверь, отвори ему и сядь побеседуй с ним со смирением о том, что предложит он из относящегося к душеполезным предметам, и если он отягчен скорбью, постарайся утешить его словом или делом. Потом, когда удалится он, затвори опять дверь и закончи свою молитву, начав с того, на чем прерван был. Ибо утешение и уврачевание приходящих равнозначительно с примирением (враждующих). Впрочем, с мирскими не так должно поступать, – но начинать с ними беседу уже по окончании молитвы.

150) Когда молишься, страх ли нападет на тебя, или стук подымется, или свет воссияет, или другое что случится, не смущайся и не робей; но пребудь на молитве гораздо долее обыкновенного. Такое смятение, страхование и ужасание бывает от демонов, чтоб, растерявшись и расслабев, оставил ты молитву, а когда такие тревоги обратятся у тебя в навык, чтоб совсем тебя взять в свои руки и помыкать тобой. – Но, если во время совершения тобою молитвы своей, иной некий воссияет тебе свет, которого изобразить в слове я не в силах, от которого душа преисполняется радости, возрождается вожделение лучшего и начинают течь слезы со умилением; то ведай, что это есть Божеское посещение и заступление. Если слишком долго будет держаться такое состояние, то, чтоб по причине обилия слез не показаться тебе пред собою чем-либо более, нежели каков ты на деле, обрати ум свой на что-либо телесное и тем смири себя. Из-за страха же вражеского смотри никогда не оставляй молитвы; но как дитя, убоявшись каких-либо страшилищ, бежит в объятия отца или матери и там отлагает всякий страх, так и ты, востекши к Богу с молитвою, избежишь страха, наводимого бесами.

151) Если, когда ты сидишь в келлии, какой-нибудь брат придет и спросит тебя о плотской брани, не отсылай его ни с чем; но с умилением из того, что подаст тебе благодать Божия и что стяжал ты собственным опытом, попользуй его и так отпусти. Когда же будет он выходить, поклонись ему и скажи: поверь мне, брате, – уповаю на человеколюбие

Божие, что отбежит от тебя эта брань, только не поддавайся и не расслабляйся (не поблажай). А когда выйдет, встань и, вообразив брань его, воздень руки свои к Богу и помолись Ему о брате со слезами и воздыханиями, говоря: Господи Боже, не хотящий смерти грешника, устрой дело сие, как знаешь и как полезно брату сему. И Бог, зная веру его к тебе и твое к нему из любви сострадание и искреннюю о нем молитву, облегчит ему брань его.

152) Все сие, брате, пригодно к возбуждению и укреплению умиления, и должно все то исполнять с сокрушенным сердцем, терпением и благодарением; так как в этом причина слез, очищение страстей и прямой путь в Царствие Небесное: ибо Царствие Небесное есть достояние нудящих себя, и только нудящие себя восхищают его. Если исполнишь все это, то совершенно отстанешь от прежних навыков и расположений, а может быть, станешь свободен и от самих прилогов помысла: ибо обыкновенно свету уступает тьма и солнцу тень. Кто же вознерадит о сем вначале, тот, расслабев в помысле и сделавшись пытливым (занявшись пустыми вещами), лишается благодати и вследствие того впадши в злые страсти, познает свою немощь (являет опыты немощи, или опытом изучает ее), полон будучи боязни и робости (того не могу, другого не в силах – говорит он и чувствует, когда сознает, что следовало бы то и то сделать). Тому, кто исполняет это, не должно думать, что исполняет то собственными силами, но все приписывать благодати Божией. Ему прежде надобно себя очистить, а потом чисто беседовать с Чистым (Богом), как сказал некто. Когда ум очистится многими слезами и восприимет осияние Божественного света (которое не умалится, хотя бы его весь мир получил), тогда с любовью мысленно пребывает весь в будущем.

Спросили однажды святого и блаженного сего Симеона, каков должен быть иерей, и он ответил, говоря: я недостоин быть иереем, но каков должен быть иерей, верно знаю. Во-первых, он должен быть чист не только телом, но и душой, и при этом непричастен никакому греху. Во-вторых, он должен быть смирен не по внешнему только облику и обычаю действовать, но и по внутреннему настроению. Потом, когда предстоит священной и святой трапезе, должен всеконечно, видя чувственно святые дары, мысленно созерцать Божество. И не это только, но и Самого Того, Кто невидимо присущ в дарах, должен он стяжать и иметь обитающим в себе в сердце своем сознательно, чтоб таким образом с дерзновением мог он возносить моления к Богу и, как друг с другом беседуя, говорить: *Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое,* потому что молитва сия показывает, что произносящий ее имеет живущим в себе сущего по естеству Сыном Божиим, со Отцом и Святым Духом. Таких видел я пресвитеров, простите мне, отцы и братия.

Говорил он еще и следующее, будто об ином ком, себя прикрывая и бегая славы человеческой, понуждаемый однажды объявить то по любви

к ближнему на общую пользу: слышал я, говорит, от одного монаха иерея, доверявшего мне, как другу своему: никогда (говорил он) не литургисал я, не увидев Духа Святого, как видел Его сошедшим на меня в то время, когда меня рукополагали и митрополит читал надо мною молитву иерейского посвящения и Евхологий[37]лежал на бедной главе моей. Я спросил его: как он Его тогда видел и в какого рода образе? Он сказал: простым и безвидным, однако ж, как свет; и когда я, увидев то, чего никогда не видел, удивился сначала и сам в себе рассуждал, что бы это было такое, – тогда Он таинственно, но внятным гласом сказал мне: Я так нисхожу на всех пророков, и апостолов, и нынешних избранников Божиих и святых; ибо Я есмь Святый Дух Божий. – Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

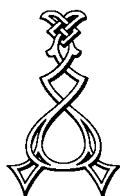

[37] Омофор с возложением рук; а Евхологий, или служебник, держит книгодержец.

Симеона Нового Богослова

О вере [38], и к тем, которые говорят, что живущему в мире невозможно достигнуть совершенства в добродетелях. В начале слова – многополезная повесть

оброе дело проповедать пред всеми милость Божию и возвещать братиям своим великое Его благоутробие и неизреченную благодать, какую имеет Он к нам. – Знаю я человека, который ни долгих и великих постов не держал, ни бдений не совершал, ни на голой земле не спал, ни других подобных особенно тяжелых подвигов на себя не налагал, но приведши на память грехи свои, познал свое окаянство и, осудив себя, смирился, – и многоблагоутробный Господь за это одно спас его, как говорит божественный Давид: *смирихся и спасе мя* (Пс. 114, 5). Короче сказать: поверил он словесам Бога, и за эту веру Господь приял его. Стяжать смирение много есть препятствий, преграждающих путь к нему; но уверовать словесам Бога нет никакого препятствия, которое ставило бы преграду к тому. Как только захотим от всей души нашей, тотчас и уверуем. Ибо вера есть дар Всеблагого Бога, который (дар) дал Он нам иметь естественно (вложил в естество), употребление его подчинив самовластию произволения нашего. Почему и скифы и варвары естественно имеют веру и верят словам один другого. Но чтобы показать вам на опыте действие вседушной веры, послушайте, я расскажу вам в подтверждение сказанного некую повесть.

Жил в Константинополе некто по имени Георгий, юноша возрастом, лет двадцати. Это – в наши дни, на нашей памяти. Он был красив лицом, и в его походке, в манере держать себя и в приемах обращения было не-

---

[38] Текст взят из Добротолюбия, переведенного Феофаном Затворником, см. том 5.

что показливое: так что по сей причине делали о нем разные недобрые предположения те, которые смотрят на одну внешность, и не зная, что скрыто внутри каждого, судят о других ошибочно. Он познакомился с некиим монахом, жившим в одном из константинопольских монастырей, человеком святым, и, открывая ему сокровенности сердца своего, сказал и то, что сильно жаждет спасения души своей. Честный старец, поучив его, как следовало, и дав ему небольшое правило к исполнению, дал еще и книжицу св. Марка-подвижника, где он пишет о духовном законе. Юноша принял эту книжицу с такой любовию и с таким благоговением, как бы она была послана ему от Самого Бога, и сильную возымел к ней веру, надеясь получить от нее великую пользу и великий плод. Почему читал ее с великим усердием и вниманием и, прочитав всю, великую получил пользу от всех глав ее. Но из всех глав три наипаче запечатлелись в сердце его; первая: «Ища врачевания, пекись о совести (внимай ей); и что она говорит тебе, делай то, и получишь пользу» (глав. 69). Вторая: «Ищущий (чающий получить) действенности Святого Духа прежде делания заповедей, подобен купленному за деньги рабу, который в то же время, как его только что купили, ищет, чтоб вместе с уплатою за него денег подписали ему и свободу» (гл. 64 о хотящ. оправ. от дел). Третья: «Молящийся телесно и не имеющий еще духовного разума подобен слепцу, который взывал: *Сыне Давидов, помилуй мя* (Мк. 10, 48). Другой же некто прежде слепой, когда прозрел и увидел Господа, уже не называл Его сыном Давидовым, но исповедал Его Сыном Божиим (Ин. 9, 35, 38)» (гл. 13, 14 о дух. зак.). Эти три главы очень ему понравились, и он поверовал, что через внимание к своей совести, как внушает первая глава, он получит уврачевание (немощей душевных); чрез исполнение заповедей достигнет действенности Святого Духа, как учит вторая глава, и благодатию Святого Духа прозрит умно и узрит неизреченную красоту Господа, как обещает третья глава. – И уязвился он любовию к красоте сей, и хотя еще не видел ее, сильно возжелал ее и усердно взыскал, в надежде узреть ее наконец.

При всем том однако ж он ничего особенного не делал (как уверял меня с клятвою), кроме того, что каждый вечер неопустительно исправлял то небольшое правило, которое дал ему старец; и не иначе, как исправив уже его, ложился в постель и засыпал. Но со временем совесть начала ему говорить: положи и еще несколько поклонов, прочитай сколько-нибудь других псалмов, проговори, сколько можешь, большее число раз и: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Он охотно слушался своей совести, и что она внушала ему, делал без размышления все так, как бы то повелевал ему Сам Бог, и ни разу не ложился он спать так, чтобы совесть обличала его, говоря: для чего не сделал ты того и того? Так всегда он слушался совести своей, никогда не оставлял без исполнения того, что сделать она внушала ему. А она каждый день все больше и

больше прилагала к обычному его правилу, и в немногие дни вечернее его молитвословие возросло в великое последование. Днем он находился в палатах одного патрикия, и на нем лежало попечение о всем потребном для людей, живших там. Вечером же каждый день он уходил оттуда, и никто не знал, что делал он у себя. Он же и слезы проливал из очей своих обильные, и коленопреклонений делал многое множество, падая лицом на землю; когда стоял на молитве, ноги держал вместе тесно одну к другой, и стоял неподвижно; и к Пресвятой Богородице читал молитвы с болезнию сердечною, воздыханиями и слезами; ко Христу же Господу обращаясь, падал к пречистым ногам Его, как бы Он телесно присущ был ему, и умолял Его умилосердиться над ним, как некогда над слепым, и даровать прозрение душевным очам его. Поелику каждый вечер увеличивалась молитва его, то он наконец простаивал, молясь, до самой полночи; и однако ж во все время молитвы ни разленения себе не дозволял, ни до нерадения себя не допускал, ни членов тела своего не распускал, ни очей не обращал по сторонам или вверх, чтоб взглянуть на что, но так стоял неподвижно, как столп какой или как бестелесный.

Однажды, как он стоял таким образом на молитве и говорил умом паче, нежели устами: «Боже, милостив буди мне грешному», – внезапно низошло на него свыше божественное осияние пресветлое и исполнило все то место. Тогда забыл уже юноша сей, что находится в комнате и под кровлею, потому что во все стороны виделся ему один свет, не знал даже, попирает ли он землю ногами своими; ни о чем мирском не имел уже он попечения и не приходило тогда на мысль ему ничто из того, что обыкновенно бывает на уме у тех, кои носят плоть человеческую; но был весь срастворен с невещественным оным светом, и ему казалось, что и сам он стал светом; забыл он тогда весь мир и исполнился слез и радости неизреченной. Потом ум его востек на небеса, и он увидел там другой свет, более светлый, чем тот, который был окрест его. И показалось ему, к изумлению его, что вскрай света того стоит помянутый выше святой оный и равноангельный старец, который дал ему небольшую ту заповедь о молитве и книжицу св. Марка-подвижника. – Услышав это от юноши, я подумал, что ему много содействовала молитва старца, и что Бог устроил такое видение, чтоб показать юноше, на какой высоте добродетели стоял старец оный. Когда прошло видение то и юноша пришел в себя, то нашел себя (как говорил после) всего исполненным радости и изумления и плакал от всего сердца, которое со слезами было исполняемо и сладостию великою. Наконец лег он в постель; но тотчас запел петух и показал, что была уже полночь. Немного спустя заблаговестили в церкви и к утрени; и юноша встал, чтоб прочитать по обычаю своему последование утрени. Так он совсем не спал в ту ночь; сон и на ум ему не приходил.

Случилось это как, ведает Господь, Который и соделал сие ими же весть судьбами. Юноша же тот ничего особенного не делал, кроме того, что с крепкою верою и несомненною надеждою всегда верно исполнял слышанное им от старца правило и вычитанное в книжице наставление. И никто не говори, что он делал это для испытания. Это и на ум ему не приходило. Кто испытывает, тот не имеет твердой веры; но юноша тот, отложив всякий страстный и самоугодливый помысл, так много заботился о верном исполнении того, что внушала ему совесть, что никакого уже сочувствия не имел к вещам мира сего, даже пищи и пития не вкушал в сладость или вдоволь.

Слышали, братия мои, что может сделать вера в Бога, свидетельствуемая добрыми делами? Поняли, что ни юность нисколько не вредит, ни старость не пользует, когда нет разума и страха Божия? Познали, что ни мир и житейские дела не мешают исполнять Заповеди Божии, когда имеется ревность и внимание? Ни безмолвие и удаление от мира не пользует, когда властвуют леность и нерадение? Все мы, слыша о Давиде и удивляясь ему, говорим: один был Давид и другого такого не было, но вот смотрите, в юноше этом проявилось нечто больше, чем в Давиде. Давид приял свидетельство от Бога, помазан в царя и пророка, получил Духа Святого и многия имел о Боге удостоверения. Почему, когда согрешил и потерял благодать Святого Духа и дар пророческий, и отчужден был от обычного собеседования с Богом, что дивного, если, вспомнив о благодати, от коей испал, опять взыскал он от Бога потерянные блага? Но этот юноша ничего такого не имел, а был связан мирскими делами, заботился только о временном, а о чем-либо высшем земли и подумать не имел времени, – и однако ж – дивны судьбы Господни! – лишь только услышал малое нечто от оного святого старца и вычитал три те главы у аввы Марка, тотчас несомненно поверил слышанному и написанному и с непоколебимою надеждою ввел то в дело, и с небольшим тем деланием, которое совершал вследствие того, сподобился возвысить ум свой до небес, подвиг на милость Матерь Господа; Ее молитвами умилостивил Бога и привлек на себя благодать Святого Духа, которая с такою силою осенила его, что он сподобился увидеть свет, который видеть многие желают, но немногие сподобляются. Этот юноша ни постов долгих не держал, ни на земле не спал, ни власяницы не носил, ни из мира не выходил телесно, а только духовно – душевным настроением, – и с небольшим бдением, которое совершал, явился высшим дивного оного Лота, бывшего в Содоме, или, лучше сказать, явился Ангелом в теле человеческом, человеком по видимости и ангелом по умному строю. За что и сподобился увидеть сладчайший оный свет мысленного Солнца Правды, Господа нашего Иисуса Христа, каковой свет удостоверил его, что он имел восприять и будущий свет. И праведно: ибо любовь и сердечное его к Богу прилепление сделали его исступленным, отторг-

ли дух его от мира сего, и от собственного естества, и от всех вещей, и сделали его всего светом от Святого Духа, при всем том, что он и жил среди города, и правил целым домом, и пекся о рабах и свободных, и делал все, что потребно для настоящей жизни.

Довольно этого в похвалу юноше и для того, чтобы подвигнуть и вас прийти в такую же любовь, подражая ему; или желаете, чтоб я сказал вам и другое что большее, чего, может быть, и слух ваш приять не сможет? Впрочем, что может быть больше и совершеннее страха Божия? Конечно, ничего нет. Св. Григорий Богослов сказал: «начало премудрости – страх Господень. Ибо где страх, там заповедей соблюдение; где заповедей соблюдение, там очищение плоти, – этого облака, облегающего душу и не дающего ей чисто видеть божественный свет; где очищение, там осияние, а осияние есть исполнение желания божественного». Говоря так, он показал, что освещение Духом есть нескончаемый конец всякой добродетели, и кто достигнет такого освещения Духом, тот покончил со всем чувственным и начал пребывать сознанием в одном духовном. Это, братия мои, суть дивности Божии. И Бог для того изводит в явь сокровенных рабов Своих, чтоб подражали им добротолюбивые и благие, а злонравные остались безответными. Ибо и те, которые вращаются в многолюдстве и проводят жизнь в треволнениях мира, если ведут себя как должно, обретают спасение и сподобляются от Бога великих благ ради веры, которую показывают к Нему, чтоб в день суда ничего не имели сказать в оправдание свое те, которые не обретают спасения по причине лености своей и нерадения. Так истинен Тот, Кто обетовал даровать спасение ради веры в Него! Итак, братия мои возлюбленные, попечальтесь о себе самих и о мне, любящем вас и многократно проливающем слезы о вас. Ибо благоутробный и милостивый Бог повелел и нам быть благоутробными и милостивыми и печалиться как о себе самих, так и друг о друге. Веруйте от всей души в Господа, ненавидьте мир сей, как подобает, и не пекитесь о временных и неверных благах его, но приступите к Богу и прилепитесь к Нему. Ибо пройдет еще немного времени, и настанет конец мира сего и настоящей жизни; и горе тем, которые испадут от Царствия Божия. Меня душат слезы, и я плачу и скорблю от всего сердца, когда помышляю, что, – имея такого великодаровитого и человеколюбивого Владыку, Который за одну искренно являемую к Нему веру дарует нам столь великие и дивные блага, и ум, и слух, и чаяния превосходящие, – мы не подумавши, подобно бессловесным животным, предпочитаем всему тому землю и земное, которое, по благоутробию Божию, даровано нам на потребу тела нашего, чтоб, между тем как оно было бы тем питаемо умеренно, душа беспрепятственно совершала течение свое к премирному, будучи и сама питаема умною пищею, исходящею от благодати Св. Духа по мере очищения ее и обновления. Ибо для того мы, люди, созданы от Бога разумными, чтоб

прославляли Его, благодарили и любили за невеликие блага, дарованные Им для настоящей жизни, и таким образом сподоблялись получить в будущей жизни блага великие и вечные. Но горе нам, что, не имея совершенно никакого попечения о будущем, мы пребываем неблагодарными Богу и за настоящее, уподобляясь демонам или, лучше сказать, являясь хуже них. За это справедливо большему, чем они, должны мы подлежать мучению. Ибо мы больше облагодетельствованы, чем они: соделались христианами, получили столько духовных даров, веруем в Бога, Который соделался ради нас человеком и претерпел такие страдания и крестную смерть, чтоб избавить нас от заблуждения прелести и греха. Но что скажу на все это? Увы нам! На словах только веруем мы в Бога, а делами отвергаемся Его. Не во всяком ли месте именуется Христос, – в городах, селах, киновиях и горах? Не всюду ли находятся христиане? Но разыщи, если это кажется тебе благословным, и расследуй до точности, исполняют ли они заповеди Христовы, и поистине среди стольких тысяч и мириад с нуждою найдешь одного, который и делом и словом есть христианин. Не сказал ли Христос и Бог наш: *веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит?* (Ин. 14, 12). Но кто из нас дерзнет сказать: я творю дела Христа и верую право во Христа? Но видите ли посему, братия мои, как в день суда мы имеем оказаться неверными и быть преданы горшим мукам, чем те, кои совсем не знали Христа, т. е. неверные? Одно из двух необходимо: или нам быть наказанными больше неверных, или Христу оказаться неверным слову Своему, – что невозможно.

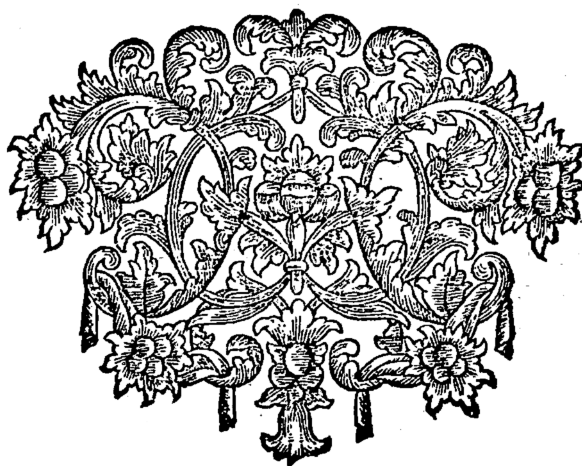
Написал я это не для того, чтоб помешать кому удалиться от мира, и не потому, чтоб предпочитал безмолвию жизнь среди мира, но чтоб удостоверить всех, которые будут читать настоящее сказание, что желающий творить добро получает от Бога силу творить оное во всяком месте: и среди мира, и в безмолвии. Напротив, предмет сего сказания таков, что еще более должен подвигать к отшельничеству. Ибо если тот, кто вращался среди мира и не думал никогда ни об отречении от мира, ни о нестяжательности, ни о послушании, такую милость получил от Бога за то одно, что от всей души поверил и признал Бога; то какие блага получить подобает надеяться тем, которые, оставляя весь мир и всех людей, предают и самую жизнь свою на смерть за Заповедь Божию, как Он повелел? Впрочем, кто начнет творить добрые дела с верою несомненною и с усердием великим и чувствовать пользу, от сего бывающую, тот сам собою познает, что забота мирская, пребывание и вращение среди мира служат великим препятствием для тех, которые желают жить по Богу. Бывшее с юношею тем, как мы сказали, есть нечто дивное и необычайное; и мы не слыхали, чтоб подобный добрый случай был с другим кем. Но если и был с немногими какими или будет после, да ведают они, что если не удалятся от мира, то скоро очень потеряют полученное благо.

О том юноше после я узнал от него же самого еще и следующее. Я встретил его, когда уж он стал монахом и провел в монашеской жизни года три или четыре. Было ему тогда тридцать два года. Я знал его очень хорошо: мы от юности были друзьями и воспитывались вместе. Так он и рассказал мне следующее: «после оного дивного видения и изменения, бывшего во мне, немного прошло дней, как со мною случились многие искушения мирские, по причине которых, во время совершения мною тех сокровенных по Богу деланий, я увидел в себе, что мало-помалу лишаюсь блага оного, и сильное возымел желание удалиться от мира и в уединении искать Христа, мне явльшегося. Ибо верую, брате, что для того Он и благоволил явиться мне, чтоб взять к Себе и меня недостойного, отделив от всего мира. Но как я не мог этого исполнить тогда же, то мало-помалу забыл все, что пересказывал тебе прежде, и впал в совершенное омрачение и нечувствие, так что не помнил уже ничего из того, что сказывал тебе, ни малого ни большого, до самомалейшего движения мысли или чувства. Затем впал я в большие зла, чем прежде, и пришел в такое состояние, как бы никогда не слыхал слов Христовых и не понимал их; но и на святого оного, который так милостив был ко мне, и дал мне малую заповедь и книжицу Марка, смотрел я как на одного из случайных людей, нисколько не помышляя о том, что видел относительно его. – Это я сказываю тебе подробно, говорил он далее, для того, чтоб ты знал, в какую глубину пагубы ниспал я, окаянный, по нерадению своему и подивился неизреченной благости Божией, явленной на мне потом. Не умею тебе сказать, как без моего ведома остались в бедном сердце моем любовь и вера к оному святому старцу, но думаю, что ради них после столького времени человеколюбивый Бог по молитвам его умилосердился надо мною и опять чрез него же исхитил меня из прелести и исторг из глубины зол. Я, недостойный, не совсем отдалялся от этого старца, но когда бывал в городе, часто заходил к нему в келью и исповедовал ему бывающее со мной, хотя не исполнял заповедей его, бессовестный. Теперь же, как видишь, милосердный Бог презрел многое множество грехов моих и устроил мне сделаться монахом от того самого старца и сподобил всегда пребывать с ним вместе мне, поистине недостойному. После чего с великим трудом и с обильными слезами, при решительном отчуждении и отделении от мира, совершенном послушании и отсечении своей воли, многих других делах и приемах строгого самоумерщвления и неудержимом стремлении ко всему доброму, удостоился я опять увидеть, хотя некоторым образом примрачно, малый луч сладчайшегооного и божественного света. Но такого видения, как то, которое видел тогда, даже доселе не сподобился еще я увидеть опять».

Это и многое другое говорил он мне со слезами. Я же, бедный, слушая такие святые слова его, подумал, что он весь был исполнен божественной благодати и был премудр, при всем том, что не был научен

внешней мудрости. Получая ведение от делания и опыта, стяжал он тончайшее познание духовных вещей. Почему я просил его сказать мне, что это за вера, которая может производить такие дивные явления, и преподать мне то письменно, с приемом учительским. Он тотчас начал говорить мне о том, и что говорил, то и писать не поленился. Что именно, то, чтоб не удлиннить без меры теперешнего моего слова, я напишу в других словах, в обрадование и услаждение тех, которые любят читать такого рода писания с верою.

Итак, прошу вас, братия мои, потечем с усердием и себе путем заповедей Христовых, – и лица наши не постыдятся. Но как тому, кто толчет с терпением, Господь отверзает двери Царствия Своего по обетованию Своему, и тому, кто ищет, дает Духа Всесвятого, и невозможно тому, кто ищет от всей души, не найти Его и не обогатиться дарами Его: так и вы несомненно получите дивные блага от Него, какие уготовал Он любящим Его, – здесь отчасти, как укажет мудрость духовная, а в будущем веке всецело, со всеми от века святыми, во Христе Иисусе, Господе нашем, коему слава во веки веков. Аминь.

Того же преподного нашего отца Симеона Нового Богослова. Слово о трех образах молитвы [39].

Три суть образа молитвы и внимания, которыми душа возводится и преуспевает, или падает и погибает. Если эти три образа употребляются своевременно, как следует, то преуспевает; если же употребляются безумно (несмышленно) и не вовремя, то падает. Внимание (бдительность, трезвение) и молитва должны быть так тесно связаны, как тело с душой, так как одно не может пребывать без другого. И Бдительность должна опережать врагов и поражать (уязвлять), как некий охранник, и оно (внимание) спешит вступить в бой с грехом и противостоять постыдным помыслам, приходящим в сердце. После внимания следует молитва, которая разрушает (съедает) и тут же потребляет все злые помыслы, с которыми внимание уже сражается, потомучто внимание само по себе не может их искоренить (злые помыслы). И в этом времени сражения внимания и молитвы с грехом и состоят врата жизни и смерти души. Если с помощью бдительности (внимания) мы удерживаем молитву чистой, то преуспеваем; если же не стараемся хранить ее чистой, но оставляем молитву неохраняемой, то она оскверняется от злых помышлений и мы становимся неуспешны и пусты. Поэтому, как уже сказано, три суть образа внимания и молитвы, следует объяснить и о свойствах каждого из них. Если хочешь спастись, то избирай для себя лучшее, а не худшее.

О первом образе внимания и молитвы.

Свойства первого образа молитвы таковы: когда кто-либо стоит на молитве и руки и очи вместе с умом воздевает к небу, а ум воображает божественные мысли и представляет небесные красоты, ангельские чи-

---

[39] Этот текст заново переведен со славянского Добротолюбия, при этом использовался перевод Феофана Затворника, перевод с греческого А. Г. Дунаева и английский перевод греческого Добротолюбия.

ноначалия, обители святых; говоря попросту, все, что слышал из Писания, собирает в уме во время молитвы, - он побуждает свою душу к божественному вожделению, явно всматриваясь в небо. Бывает и так, что у него текут слезы из глаз, и потихоньку он начинает кичиться в сердце, возноситься, мнить происходящее божественным утешением и молиться, дабы всегда пребывать в таковом делании, которое признак прелести, потомучто добро перестает быть добром, если совершается не должным образом и не как подобает. Значит, если таковой человек станет безмолвствовать неисходно (постоянным, абсолютным безмолвием), то невозможно ему не сойти с ума и не стать безумным. Если же он случайно и не впадет в безумие, то стяжать добродетели или достичь бесстрастия ему невозможно. Этим вниманием обольщены чувственно видящие свет, обоняющие некие благовония обонянием своим, слышащие ушами своими голоса и многое иное тому подобное. Одни из них и вовсе стали одержимы бесами, бродя в помешательстве с места на место и из области в область. Другие же приняв и не узнав явившегося им и преобразившегося в ангела светлого (2 Кор. 11, 14) - возгордились, прельстились, впредь пребыв неисправимыми до конца, не принимая никакого вразумления от людей. Иные, побужденные к этому дьяволом, наложили на себя руки и стали самоубийцами: кто-то бросился с кручи, кто-то удавился. Да и кто может рассказать обо всех различиях дьявольского обольщения? Уже из этих слов [человек] разумный может узнать, что за прибыль рождается от первого внимания. Если же кому-то удастся избежать этих напастей благодаря общежительству (с отшельниками это случается), без преуспеяния тем самым они проходят всю жизнь.

О втором образе внимания.

Второй образ молитвы и внимания есть такой, – когда кто сводит ум свой внутрь себя, отвлекая его от всего чувственного, хранит чувства свои, собирает все помыслы свои, чтоб не скитались по суетным вещам мира сего, – и то исследует помыслы свои, то вникает в слова читаемой молитвы, то возвращает назад помыслы свои, если они, быв пленены диаволом, унеслись к чему суетному и худому, то с большим трудом и самопонуждением напрягается прийти в себя самого, если был возобладан и побежден какою-либо страстию. И совершая этот подвиг и брань в себе, не может никогда сохранить мир и творить добродетели, и принять венец правды. На самом деле таковой похож на человека, сражающегося в ночи, который хотя и слышит голоса врагов и получает раны, но ясно ему увидеть, кто они, откуда пришли, как и ради чего ранят, нельзя. Потомучто в его уме тьма и буря, которую он имеет в помыслах. И все его попытки освободиться от врагов своих мысленных, чтобы они не сокрушали его, тщетны. Таковой имея труд, лишается награды. При этом, окрадываемый тщеславием, он мнит себя внимательным, не понимая этого. В гордости своей презирает он других и осуждает их, а себя само-

го хвалит, мечтая при сем, что достоин быть пастырем овец и руководить другими. И походит он на слепца, который берется водить других слепцов.

Таков второй образ внимания. И подобает каждому, желающему спастись, добре внимать себе и знать какой вред этот образ молитвы приносит его душе. Впрочем этот второй образ лучше первого, как лучше ночь лунная ночи темной, в которую не светит луна.

О третьем образе внимания

Третий образ вещь преславная и трудно разъяснимая, а для неведающих не только труднопостижимая, но и невероятная. Потомучто образ этот не во многих обретается. Кажется мне, что обретается это благо вместе с послушанием. Ибо послушание духовному своему отцу лишает печали: таковой уже безпристрастен к миру дольнему, неленостен и весьма добр к деланию этого образа, если только сможет он разыскать учителя и надежного проводника (духовного отца). Того, кто не заблуждается и не находится в прелести. Ибо кто посвятил себя Богу и всю печаль свою возвергнет на Него и на духовнаго отца своего, так что по истинному послушанию перестанет уже жить своею собственною жизнию и творить волю свою, но умрет для всякого пристрастия мирского и для тела своего. Такой какою привременною вещью может быть побежден и порабощен? Или какую заботу и печаль может иметь? Вследствие сего, этим третьим, бывающим вместе с послушанием, образом внимания и молитвы все козни и хитрости, какие бы ни употребляли демоны, чтоб увлечь ум его к помыслам многим и разнообразным, бывают уничтожаемы и рассеиваемы; ибо тогда ум такого человека, будучи свободен от всего, имеет благовремение без всякой помехи исследовать наносимые демонами помыслы и с великим искусством отгонять их, и чистым сердцем приносить молитвы свои Богу. Таково начало истинной жизни, и кто не полагает такого начала, всуе трудится, сам не зная того.

Начало сего третьего образа не то, чтоб воззревать на небо, воздевать руки свои горе, иметь ум свой в том, что на небе и оттуда просить помощи; как уже было сказано это есть принадлежность первого образа прелести. И не то, чтоб хранить умом своим чувства и на это обращать все свое внимание, а на внутренние брани душевные, причиняемые врагами, не смотреть – это принадлежность второго образа, и кто употребляет это, поражается демонами и не может сотворить отмщения сим поработителям своим, но враги явно и тайно борют его, и делают его тщеславным и гордым.

Ты же, возлюбленный, если хочешь спастись, должен начинать третий образ следующим образом: после установления совершенного послушания, как мы уже сказали, которое должно тебе иметь к духовному

отцу своему. Твори дела свои с чистою совестию, как бы ты был пред лицом Бога: ибо без послушания невозможно быть совести чистой. Совесть же свою хранить чистою должен ты в трояком отношении: в отношении к Богу, в отношении к духовному отцу своему и в отношении к прочим людям, и к вещам.

В отношении к Богу долг имеешь хранить совесть свою чистою; то есть не делая ничего такого, о чем знаешь, что оно неприятно и неугодно Богу. В отношении к духовному отцу своему, делай все, что он тебе скажет: ни больше, ни меньше заповеданного тебе им. Но шествуй по намерению и по воле его. В отношении к другим людям также совесть свою чистою храни, не позволяя себе делать им ничего такого, что сам ненавидишь и не желаешь, чтоб они делали тебе самому. В отношении к вещам, хранись от злоупотребления ими, то есть употребляй их, пищу, питье и одежду, подобающим образом; и вкратце, все делай так, как бы ты был пред лицом Бога, и ни в каком деле не допускай себя до того, чтоб обличала и терзала тебя совесть, что ты не сделал его хорошо. Действуя таким образом, ты уровняешь себе истинную и незаблудную стезю к третьему образу внимания и молитвы, который есть следующий: ум да хранит сердце во время молитвы, и внутрь его да вращается неотходно, и оттуда, из глубины сердца, да воссылает молитвы к Богу. Когда же, ум там, внутрь сердца, вкусит как благ Господь, и усладится тем; тогда не захочет уж он отдаляться от места сердечного и скажет слова, какие сказал ап. Петр: «добро нам зде быти» (Матф. 17, 4.). И всегда уже будет взирать туда внутрь сердца и там неисходно вращаться, отгоняя все помыслы, всеваемые диаволом. Для тех, которые никакого не имеют сведения о сем деле и не знают его, оно большею частию кажется трудноватым и утеснительным. Но те, которые вкусили сладости, какую оно имеет, и усладились ею в глубине сердца своего, – эти взывают с божественным Павлом и говорят: кто ны разлучит от любве Христовы? И проч. (Рим. 8, 35).

Почему святые отцы наши, слыша Господа говорящего во святом Евангелии, что из сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы, и что сия (вся) суть скверняща человека (Мф. 15, 19, 20), – слыша также, что в другом месте Евангелия заповедуется нам очищать внутреннее сткляницы, да будет и внешнее чисто (Мф. 23, 26), – оставили всякое другое духовное дело и стали всецело подвизаться в этом одном делании, т. е. в хранении сердца, будучи уверены, что вместе с этим деланием удобно стяжут и всякую другую добродетель, а без него не могут обрестись ни одна добродетель. Это делание некоторые из отцов назвали сердечным безмолвием; другие назвали его вниманием; иные – трезвением и противоречием (помыслам); иные еще рассмотрением помыслов и хранением ума. Они все в нем упражнялись, и им сподобились получить божественные даро-

вания. Об этом говорит и Екклесиаст: веселися, юноше, в юности твоей, и ходи в путех сердца твоего непорочен (Еккл. 11, 9) и чист, удаляя сердце свое от помышлений (злых). О сем же самом говорит он и в другом месте, – что «если найдет на тебя прилог диавольский, то не позволяй ему войти в место твое» (Еккл. 10, 4), разумея под местом сердце. И Господь нам говорит во святом Евангелии: не возноситеся (Лк. 12, 29), т. е. не носитесь умом своим туда и сюда. И в другом месте Он же говорит: блажени нищии духом (Мф. 5, 3), т. е. блаженны те, которые не стяжали в сердце своем никакого пристрастия к миру, но бедны всяким помыслом мирским. И все святые отцы наши много писали об этом. Кто хочет, пусть читает писания их и увидит, что написал Марк Подвижник, что сказал св. Иоанн Лествичник, преподобный Исихий, Филофей Синайский, авва Исайя, Варсонофий Великий – и другие многие.

Одним словом, кто не внимает себе и не хранит ума своего, тот не может сделаться чист сердцем, чтоб сподобиться узреть Бога. Кто не внимает себе, тот не может быть нищ духом, не может сокрушаться и плакать, ни быть тихим и кротким, ни быть милостивым или миротворцем, не перенесть гонение за правду. И обще говоря, нет возможности стяжать другие добродетели иным каким-либо способом, кроме сего внимания. Почему паче всего другого о нем надлежит тебе приложить старание, чтоб собственным опытом изведать, что я говорю тебе. Если желаешь научиться и образу, как следует это делать, по возможности я скажу тебе об этом, ты же прислушивайся хорошо.

Три вещи надлежит тебе соблюдать прежде всего другого: первое, безпопечение о всякой вещи, как благословенной, так и неблагословенной и временной, то есть умертвиться от них. Второе – совесть чистую во всем иметь, как уже сказано, так чтоб она не обличала тебя ни в чем. Третье – совершенное безпристрастие, чтоб помысл твой не клонился ни к какой мирской вещи. Затем, сядь в безмолвном и уединенном месте наедине, в одном углу (конкретном месте), закрой дверь, и собери ум свой от всякой суетной и временной вещи. [40] Затем, упрись своей бородой в грудь, и внимай (прислушивайся) в сердце умом и чувственными очами твоими, придерживая дыхание, чтобы дышать нечасто. Там имей

---

[40] Перевод А.Г. Дунаевского с греч. оригинала:

Затем, упершись брадой своей в грудь, устремляя чувственное око со всем умом в середину чрева, то есть пуп, удержи тогда и стремление носового дыхания, чтобы не дышать часто, и внутри исследуй мысленно утробу, дабы обрести место сердца, где пребывают обычно все душевные силы…

Мой перевод с английского перевода: *Потом упрись бородой себе в грудь и сосредоточь свой взгляд, вместе со своим умом, на центре живота или в области пупка. При этом придерживай носовое дыхание, чтобы не дышать легко (часто). И исследуй своим умом себя, чтобы найти место сердца, где находятся все силы души. Как только ум найдет место сердца: он сразу увидит то, о чем ничего не знал…*

ум свой, стараясь обрести место, где сердце твое, чтоб там уже всецело пребывал ум твой. Вначале найдешь там тьму и ослепление сильное, и жестокость; потом, когда внимать будешь себе день и ночь, о чудеса, найдешь! Непрестанное веселие. Ум, подвизаясь в этом, найдет место сердца, и тогда скоро увидит там то, чего не видел никогда, никогда не знал. Увидит воздух этот, который обретается там, внутри сердца, и себя всего светлого, и исполненного всякого благоразумия и рассуждения. С сего момента и впредь, с какой бы стороны ни возник и ни показался какой-либо помысл, прежде чем войдет он внутрь, или вообразится, ум тотчас прогоняет его оттуда и уничтожает именем Иисусовым, т. е. «Господи Иисусе Христе, помилуй мя»! С сего же времени ум человека начинает иметь злобу и ненависть к бесам, поднимает на них непрестанную войну, и поднимает на них ярость естественную, гонит их, поражает и уничтожает. Прочее же, что обыкновенно последует за сим деланием, с Божиею помощью сам из опыта узнаешь посредством внимания ума и держа в сердце Иисуса, т. е. молитву сию – Господи Иисусе Христе, и прочее… И некто из отцов говорит: «сиди в келлии своей, и она тебя всему научит».

Вопрос: но почему же первый и второй образы, о которых говорилось, не могут доставить сего?

Ответ: потому что мы проходим их не как подобает. Св. Так и святой Иоанн Лествичник, уподобляет эти образы как бы лествице некоей о четырех ступенях. Он говорит: «иные укрощают и уменьшают страсти; иные поют, т. е. молятся устами; иные упражняются в умной молитве; и иные восходят в созерцание. Те же, кто хочет взойти на эти 4 ступени, пусть не начинают с верху идти вниз, но пусть идут снизу наверх, восходя на первую ступень, потом на вторую, и затем на третию, а после на четвертую. Подобным образом каждый может от земли подняться и взойти на небо. И первая потребность есть подвизаться (умом) и укрощать страсти; во-вторых, упражняться в псалмопении, то есть молиться устами – когда умаляться страсти, тогда молитва уже естественно доставляет удовольствие и сладость языку и вменяется в благоугодную пред Богом; в-третьих, молиться умно; в-четвертых, восходить в созерцание. Первое свойственно новоначальным, второе – преуспевающим, третье подходящим к последним степеням преуспеяния, а четвертое – совершенным.

Итак, начало не другое какое есть, как умаление и укрощение страстей; а они не другим каким способом умаляются в душе, как хранением сердца и вниманием. От сердца исходят, как глаголет Владыка наш, помышления злые, которые сквернят человека (Матф. 15, 19.); там и потребны внимание и хранение. Когда же страсти прекратятся и усмирятся от битвы и сопротивления им, которые творит против них сердце, тогда ум желает и ищет как примириться с Богом, для чего умножает молитву и упражняется в ней. И таким желанием и молитвою ум делается силь-

ным и прогоняет все помыслы, что стремятся войти в сердце, поражая их молитвою. И тогда бывает брань, – с великим шумом восстают злые бесы и посредством страстей производят мятеж и бурю в сердце; но именем Иисуса Христа бесы потребляются и разрушаются, как воск в огне. Однако ж и быв изгнаны и вышед из сердца, они не успокаиваются, но возмущают ум внешними чувствами. Но ради этого ум и тут очень скоро начинает чувствовать тишину и безмолвие в себе, когда бесы не имеют силы возмутить ум в глубине его, а возмущают только поверхность его мечтаниями. Но совсем избавиться от брани и не быть боримым злыми духами ум не может. Потомучто это дело совершенных, которые удаляются от всего и пребывают во внимании сердечном. Итак, кто проходит все сие по чину, каждое в свое время, тот может, после очищения сердца своего от страстей, всецело заниматься и псалмопением, и противоборствовать помыслам, и на небо воззревать чувственными очами, когда необходимо будет, или созерцать его очами души умственными (духовными), и молиться чисто воистину, как подобает.

Впрочем воззревать на небо чувственными очами надо как можно реже, страха ради злых, в воздухе находящихся, бесов, которые производят множество различных прелестей в воздухе, – и нам надлежит быть внимательными. Бог лишь одного от нас требует, – того, чтоб сердце наше было очищаемо хранением и вниманием. И если корень свят, как говорит Апостол, то явно святы и ветви и плод (Рим. 11, 16). Если же кто не в таком порядке, как мы сказали, станет возводить очи свои и ум свой на небо и воображать что-либо мысленное, то он увидит мечтания и ложные прелести, а не истинное, потомучто не имеет очищенного сердца. Часто, как уже сказано, первый и второй образы (внимания и молитвы) не приводят к преуспеванию человека. Подобно тому, как желая построить дом, мы сначала не кровлю прежде возлагаем, а после чего основание, потому что так нельзя, но прежде кладем основание, потом строим дом, и тогда строим верх. Так же надлежит нам поступать и в духовном делании: прежде положим основание, т. е. станем хранить сердце и изгоним из него страсти, потом построим духовный дом, т. е. отразим возмущение (мятеж) злых духов, воюющих с нами через наши чувства, и навыкнем пресекать сию брань как можно скорее, и тогда же возложим и кровлю, т. е. совершенно отрешимся от вещей, мирны станем, как подобает, и всецело соединимся с Богом. И так да закончим духовный дом о Господе нашем Иисусе Христе, Ему же слава вовеки веков. Аминь.

Краткое сведение о Григории Синаите [41].

Святой отец наш Григорий был пострижен в монашество на горе Синай и потому назван Синаитом. Он пользовался большой известностью в правление [Византией] Андроника Палеолога, около 1330 года. Прийдя [с Синая] на Афонскую гору и обходя [афонские] монастыри и пустыни, он нашел там многих [подвижников], украшенных мудростью и чистотой нравственности. Но они упражнялись только и деятельной жизни и были неопытны в охранении ума, безмолвии и созерцании настолько, что этих наименований даже не понимали. В скиту Магула, расположенном против монастыря Филофея, [Григорий Синаит] нашел, [впрочем], трех иноков, несколько занимавшихся созерцанием. Имена их — Исайя, Корнилий и Макарий. Воспламеняемый божественной ревностью, [преподобный] не только отшельников, но и в киновиях учил всех трезвению, хранению ума и умной молитве. Сверх того в пределах Македонии он построил три великие лавры, проходил чрез многие местечки и увещевал всех своими божественными наставлениями совершать умную непрерывную молитву. Благодаря этому он обратил [ко Христу] многих грешников, сделал их из недостойных достойными, почему был причиной получения ими наследия избранных. Жизнь [Григория Синаита] подробно описал его ученик святейший патриарх Каллист. Как при своей жизни [преподобный] был преимущественно всеобщим знаменитым учителем священного трезвения, так и по кончине руководит к нему же с помощью своих настоящих[42] писаний. [Последними] он наилучшим и совершеннейшим образом вводит в тайны искусства[43] умной внутренней молитвы, показывает

---

[41] Житие как в славянском Добротолюбии, т. е. с греческого оригинала.

[42] Τῶν παρόντων — букв.: существующих.

[43] Πρακτικὸν τρόπον — букв.: деятельного способа.

страсти и чистые[44] добродетели и возвещает то, какие признаки благодати и какие — прелести. Вообще эти творения [Синаита], как никакое другое сочинение, весьма полезны и новоначальным, и средним, и совершенным [аскетам]. А каково скрытое в них духовное богатство и как оно велико — узнает внимательно прочитавший их. Он [по поводу] приобретения [названного богатства] возрадуется подлинно неописуемой радостью.

---

[44] Ἠθικῶν — букв.: нравственные.

Весьма полезные главы иже во святых отца нашего Григория Синаита, расположенные акростихами

[Общий] акростих их следующий:

Различные слова о заповедях, догматах, угрозах и обетованиях, а также о помыслах, страстях, добродетелях; сверх того о безмолвии и молитве [45]

Быть до некоторой степени разумным или сделаться чистым и нетленным по природе, как было прежде, невозможно [теперь человеку] вследствие господства [над чистотою] чувственных неразумных навыков, а [над нетлением] — состояния растления плоти.

2. По природе разумны одни лишь те, которые сделались святыми благодаря чистоте. Чистого разума не имел никто из мудрых в слове, омрачивших от начала[46] разумную силу помыслами. Материалистический же и многоречивый[47] дух мудрости этого мира, приводя [человека] словами к широте знания и помыслами к наидичайшим рассуждениям, созидает [себе в них] убежище, терпя недостаток в существенной мудрости, созерцании и в единичном и нераздельном знании.

3. Ведение истины полагай собственно в благодатном чувстве ее. Остальные же мысли[48] следует именовать выражениями представлений [истины] и показателями ее предметов.

---

[45] Текст по изданию «Преподобный Григорий Синаит. Творения» (перевод с греческого и примечания епископа Вениамина (Милова). По структуре повторяет текст в славянском Добротолюбии.

[46] Ἄνωθεν — букв.: искони или свобод.: с детства.

[47] Πολύρρημον.

[48] Τὰς λοιπάς.

4. Утрачивающие благодать терпят это за неверие и беспечность и вновь находят ее [то есть благодать] посредством веры и усердного искания. С помощью этих [последних] они [нравственно] всегда подвигаются вперед. От противоположных же им [неверия и беспечности] возвращаются назад совершенно.

5. Есть близкое сходство в том, быть ли мертвым или бесчувственным, ослепленным ли разумно или не видящим телесно, так как мертвый лишился животворной и зиждительной силы, а невидящий[49] — Божественного света, сообщающего способность видеть и быть видимым.

6. Силу вместе с мудростью получают от Бога не многие. [Сила] есть воспринимательница[50] Божественных благ, [мудрость же] — выявительница их. Усвоить [мудрость] и передать [другим] — дело истинно Божественное и сверхчеловеческое.

7. Сердце, чуждое помыслов и движимое Духом, есть истинное святилище даже прежде будущей жизни. Там[51] все совершается и говорится духовно. Отсюда не приобретший такого [сердца] хотя и является камнем, пригодным к строению Божественного храма благодаря некоторым добродетелям, но не есть храм и священнодействующий [по воле] Духа.

8. Человек сотворен нетленным без влажности, каковым и воскреснет, [сотворен] не без преклонности [ко злу], однако и не с преклонностью. Он имел силу сообразно волевому стремлению измениться [отрицательно] или нет. Желание еще не усвояет природе совершенного постоянства. Это [последнее] есть награда будущего непреложного обожения.

9. Разложение — порождение плоти. Вкушать пищу и извергать излишнее, горделиво выступать и спать — естественные свойства зверей и домашнего скота. В силу этого и мы, по непослушании [Богу] уподобившиеся скотам, отпали от свойственных нам богодарованных благ, превратившись из разумных [существ] в скотские и из божественных в зверские.

10. Существует двоякий рай — чувственный и духовный, то есть едемский и благодатный. Едем — место весьма высокое, поднимающееся до самого третьего неба, как говорят [духовные] писатели. Он [Едем] ни нетленен безусловно, ни тленен в полном[52] смысле этого слова. Находясь на рубеже[53] тления и нетления, он всегда красуется цветами[54] и богат незрелыми и созревшими плодами. Гниющие деревья и перезрелые плоды, низвергаясь на землю, делаются [в едемском раю] благовон-

[49] Βλέπων.
[50] Μεθεκτικὴ — букв.: соучастница.
[51] Ἐκεῖ.
[52] Πάντῃ.
[53] Μέσον.
[54] Ἀνθοῦντα — букв.: цветущий.

ным прахом и не издают запаха тления, как земные растения. Это происходит от великого избытка там всегда изливающейся благодати освящения. В средине [рая][55] проходит река Океан, предназначенная к постоянному орошению его. Из нее выходят и по четырем направлениям разветвляются [потоки]. Их течением сыпучая земля[56] и павшие листья сносятся и доставляются индейцам и эфиоплянам, у которых пахотные земельные участки всегда затопляют соединенные вместе Фи-сон и Геон, пока, вновь разделившись, ни орошают один Ливию, другой Египетскую страну.

11. Говорят, что вся тварь, скоропреходящая[57] ныне, первоначально не была подвержена тлению. Впоследствии же, обреченная на тление, она подчинилась суете, как говорит Писание, именно за человека, поработившего ее [тлению] не добровольно, а против желания — в надежде (см.: Рим. 8, 20) обновления Адама, подпавшего тлению. Обновивший [человека] и освятивший его (хотя он [человек] по причине временной жизни носит тленное тело), обновил и тварь[58], но еще не освободил ее от тления. Избавление твари от разложения одни называют переменой к лучшему, другие — полным преобразованием чувственного. Писанию обычно просто и основательно делать утверждения о тех или иных трудных [для понимания] предметах.

12. Воспринявшие благодать бывают как зачавшие и исполненные[59] Духа. Они или отвергают Божественное семя падениями, или вдовствуют [в отчуждении] от Бога благодаря связи с ютящимся внутри них врагом. Потеря благодати проистекает из-за действия страстей, а всецелое лишение ее — из-за допущения[60] грехов. Многострастная и грехолюбивая душа, разобщенная с благодатью и лишенная ее, вдовеет и становится теперь и в будущем веке жилищем страстей, чтобы не сказать [сильнее], — вертепом демонов.

13. Ничто так не усмиряет и не укрощает гнева, как мужество и милосердие. Они разбивают врагов, осаждающих город [души]: первое — внешних, второе — внутренних.

14. Многие исполнители заповедей [лишь] кажутся идущими вперед и, не достигши города, остаются вне его, потому что нерассудительно шествуют, принимая за верный царский путь сбивающие с него распутия, то есть смежные[61] с добродетелями пороки. Заповеди [не допуска-

[55] Слово «здесь» мы выпустили за его ненужностью. Буквально же надобно перевести так: «Здесь, в средине [рая]…».

[56] Τὸν χοῦν.

[57] Ῥευστή — текущее, изменяющееся.

[58] Αὐτὴν.

[59] Ἐγκυμονοῦντες — букв.: беременные, непраздные.

[60] Πρᾶξιν.

[61] Ἀγχιθύρους.

ют] ни опустошения, ни излишества, но [требуют осуществления] богоугодной цели и одной только Божественной воли. В противном случае[62] напрасен труд [спасающихся] и не выполняются [ими], по Писанию, праведные пути Божий, потому что во всяком труде надлежит рассматривать[63] цель его совершения.

15. Ищи Господа на пути, то есть в сердце, посредством [осуществления] заповедей. Когда слышишь [слова] Иоанна [Крестителя], повелительно зовущего всех приготовить дороги и выпрямить пути (см.: Мк. 1, 3), то подразумевай здесь [указание на] заповеди сердца и дела. Невозможно путем заповедей и непогрешительного[64] подвига идти правильно без сердечной правоты.

16. Когда услышишь свидетельство Писания о жезле и палице (см.: Пс. 22, 4), то разумей под пророческим словом суд и Промысл, в нравственном же значении — псалмопение и молитву, потому что мы, судимые Господом, посредством жезла наказания караемся (см.: 1 Кор. 11, 32) для обращения [к Богу]. Наказывая восстающих на нас жезлом бодрого[65] псалмопения, мы укрепляемся в молитве. Итак, имея в руке деятельного ума[66] жезл и палицу, не прекратим карать и наказываться, пока, находясь под [кровом] Промысла, не избежим окончательно настоящего и будущего суда.

17. [Исполнителям] заповедей свойствено всегда предпочитать [всему] величайшую родовую заповедь о памяти Божией, гласящую: помни Господа Бога твоего всегда (Втор. 8, 18). За [нарушение] ее люди погибли и чрез нее могут спастись[67]. Забвение [Бога] вытравляет Божественную память в корне и, затмевая заповеди, выставляет, таким образом, человека [духовно] совершенно обнаженным.

18. Подвижники возвращаются к изначальному достоинству путем двух заповедей — послушания и поста. От противоположных им дел в род смертных проникло все зло. Соблюдающие заповеди в силу послушания [руководителю] быстро восходят к Богу, а благодаря посту и молитве — медленнее. Послушание уместнее новоначальным, пост — средним, вкусившим умозрения и мужественным. Но сохранить в отношении заповедей истинное послушание Богу свойственно весьма немногим, и для самых мужественных крайне затруднительно.

19. *Закон духа жизни* (Рим. 8, 2), по апостолу, есть тот, который говорит и действует в сердце, подобно тому как [закон] буквы осуществляется плотью. Тот [духовный закон] освобождает ум от закона греха и

---

[62] Εἰ δὲ μή.
[63] Ζητεῖται.
[64] Τὰς τρίβους εὐθείας ποιεῖν.
[65] Ἀνδρικῆς — букв.: мужественного.
[66] Πράξεως νοός.
[67] Φυλαχθῆναι.

смерти. Этот же [письменный] позволяет тайно фарисействовать, а телесно соблюдать закон исполнением заповедей пред [посторонним] взором.

20. Собрание всех заповедей, соединяемых и упорядочиваемых Духом (см.: Еф. 4, 16), [иногда] называют совершенным или еще не усовершившимся человеком — в зависимости от его [нравственной] зрелости[68]. При этом заповеди образуют как бы тело, добродетели же, как выкристаллизовавшиеся внутренние качества[69], — кости, а благодать — живую душу, движущую тело и производящую дела по заповедям. Беспечность же и ревность к возрастанию во Христе показывают, младенец ли кто или совершеннолетний теперь и в будущем [веке].

21. Желающий возрастить тело заповедей пусть потрудится с сильной тоской[70] в искании чистого разумного молока материнской благодати. Отсюда всякий ищущий и желающий приращения возраста во Христе питается молоком [благодати]. Молоко, способствующее возрастанию, или, что то же, премудрость, дает из своих сосцов теплоту, а питательный мед дает совершенным свою радость к очищению. *Мед,* говорится, *и молоко под языком Твоим* (Песн. 4, 11). Молоком Соломон назвал окормляющую и возращающую силу Духа, а медом — Его очистительную силу. Намекая на различие [этих] действий [Духа], великий апостол сказал: «Как младенцев напоил я вас молоком, а не твердой пищей [напитал]» (см.: 1 Кор. 3, 1-2).

22. Изыскивающий [смысл] содержания заповедей помимо их [выполнения] и чрез чтение или изучение жадно стремящийся его найти подобен воображающему тень взамен истины. Слова истины в носителях[71] ее есть [знак] действительного участия в ней. Безучастные же к истине и не посвященные в нее, ища ее содержания[72], заимствуют его из «безумной» мудрости. Их апостол назвал душевными, не имеющими Духа, хотя сии и превозносятся истиной (см.: 1 Кор. 2, 14).

23. Как чувственное око, бросая взгляд на буквы, получает от них чувственные восприятия[73], так и ум, когда очистится и восстановится в исконном[74] достоинстве, взирает на Бога и от Него принимает Божественные мысли. В качестве[75] книги он [ум] имеет тогда Духа, вместо[76] тростникового пера — мыслительную способность и язык. Язык мой, говорит [Псалмопевец], тростниковое перо (см.: Пс. 44, 2). Взамен же

---

[68] Τὴν προκοπὴν — букв.: преуспеяния.
[69] Ὡς ποιοτήτων ἕξεις — букв.: навыкновения качеств.
[70] Ἐπιποθεῖν.
[71] Ἐν τοῖς μετόχοις — букв.: в соучастниках.
[72] Λόγους.
[73] Νοήματα — букв.: мысли, намерения, решения.
[74] Ἀρχαῖον.
[75] Ἀντὶ.
[76] Ἀντὶ.

чернил ум имеет свет. Погружая мысль[77] в свет и светом исполняя ее, [ум] Духом начертывает слова в чистых сердцах слушающих. Тогда осознает он сказанное о том, как все будут научены Богом (см.: Ин. 6, 45) и как Бог преподаст человеку ведение, по пророчеству, и в Духе (см.: Пс. 93, 10).

24. Под законом заповедей подразумевай сердечно проявляющуюся непосредственную веру, потому что из нее струится всякая заповедь и производит просвещение душ, в которых тогда являются следующие плоды истинной и деятельной веры: воздержание, любовь и, наконец[78], богодарованное смирение как начало и укрепление любви.

25. Неложная слава[79] [разумных] существ состоит в истинном знании видимых и невидимых вещей: видимых или чувственных, невидимых или мысленных, разумных, духовных и Божественных.

26. Пределом [православия] служит чистое созерцание и знание двух догматов веры, то есть Троицы и Двоицы: Троицы признание [есть] и созерцание Ее неслитной и нераздельной Единицей. Двоицы же [признание состоит] в принятии и исповедании во Христе двух естеств в одном Лице, то есть Единого Сына, прежде воплощения и по воплощении в двух природах и волях — Божеской и человеческой — неслитно прославляемого.

27. Рожденность, нерожденность и исхождение суть три неизменных и непреложных свойства Пресвятой Троицы, [которые] необходимо благоговейно исповедовать. Отец — нерожденный и безначальный, Сын — рожденный и собезначальный, Дух же Святой — исходящий от Отца и подаваемый чрез соприсносущного Сына, как говорит Дамаскин.

28. Ко спасению достаточно было бы только одной благодатной веры, проявляемой в исполнении заповедей духом, если бы мы берегли ее, живую и действующую во Христе. Теперь невежество научило благочестивых [людей] вере словесной, мертвой и бесчувственной, а не благодатной вере.

29. Троица есть простая и несложная Единица без какого-либо чувственного качества[80]. Троица в Единице, или Триипостасный Бог, имеет совершенно неслитное соединение в Лицах.

30. Беспредельный Бог во всем познается и постигается тройственно. Он все содержит и о всем промышляет чрез Сына во Святом Духе. И нет ни одного [Лица Святой Троицы], Которое бы вне или отдельно от других [Лиц] где-либо мыслилось, называлось и исповедовалось.

31. Так как в человеке есть ум, слово и дух, существующие друг в друге и сами по себе, причем ум не разобщен[81] со словом и слово — с

[77] Τὴν διάνοιαν.
[78] Τέλος.
[79] Δόξα ἀψευδής.
[80] Ἄποιος.

духом так, что ум говорит словесно и слово выражается с помощью души, то в силу этого признака[82] человек носит неясный образ невыразимой, первообразной Троицы, коротко обнаруживая этим свое [творение] по образу Божию.

32. Ум — Отец, Слово — Сын, Дух же Святой — подлинно Дух, как учат образно богоносные отцы, развивающие догматическое учение о Святой Пресущественной и Преестественной Троице, о Едином Боге в трех Лицах и оставившие нам [в наследие] истинную веру и якорь надежды. Знать Единого Бога есть, по Писанию, корень бессмертия, а постигнуть силу Триипостасной Единицы есть всецелая правда. Провозглашенное об этом евангельское слово можно понимать так: *Да знают Тебя, единого истинного Бога,* в трех Лицах и *посланного Тобою Иисуса Христа* в двух естествах (Ин. 17, 3)[83].

33. Вечные наказания различны, как и награды добрых. [Мучения] имеют место[84] в аде, или, по свидетельству[85] Писания, в земле темной и мрачной, в земле вечной тьмы (см.: Иов 10, 22), где грешники обитают до суда и куда возвратятся вслед за [конечным] приговором. Слова: да возвратятся грешники в ад (Пс. 9, 18) и *смерть будет пасти их* (Пс. 48, 15) что иное означают, как ни заключительное определение [Божие] и вечное осуждение.

34. Огонь, тьма, червь, тартар существуют [уже на земле] в разнородном сладострастии, всепоглощающей тьме невежества, в неутолимой жажде чувственного наслаждения, в трепете и смраде зловонного греха. Эти[86] залоги и преддверия[87] адских мук еще здесь действуют в грешных душах и возникают в них вследствие [страстного] навыка.

35. Привычки к страстям суть задатки мучений, тогда как обнаружения добродетелей — [ключи] Царства Небесного. Следует заповеди считать и именовать действиями, а добродетели — навыками, подобно тому как и пороки благодаря их устойчивости называют привычками.

36. По вечности награды равны наказаниям, хотя многие кажутся неравными. Одним [людям] Божие правосудие воздаст вечную жизнь, другим — вечное мучение. Те и другие, хорошо или худо проходя нынешний век, по своим делам унаследуют[88] возмездие. Количество же и качество воздаяния[89] будут сообразны навыкам и проявлениям страстей и добродетелей.

---

81 Χωρὶς.
82 Ὑπόδειγμα — букв.: пример.
83 Мы опустили в гл. 32 слова ἢ πάλιν ради связности речи.
84 Εἴσιν.
85 Κατὰ τὴν φάσκουσαν.
86 Словом «эти» заменены для ясности слова «которые как».
87 Ἀπαρχαΐ.
88 Ἕξουσι.
89 Τῆς μετοχῆς — букв.: участия [в воздаянии].

37. Огненными озерами являются[90] сладострастные души, в которых, как в смрадных болотах, зловоние[91] страстей питает неусыпающего червя распутства, необузданную похотливость плоти, [питает] змей, жаб и пиявок неистовых[92] страстных влечений, преступных и гибельных помыслов и демонов. Такое [духовное] устроение здесь находит залог будущего мучения.

38. Как зародыши [адских] мучений незримо таятся в душах грешников, так и начатки [небесных] благ сообщаются и обнаруживаются в сердцах праведных чрез Святого Духа. Царство Небесное есть добродетельная жизнь, [равно] как мучение [адское] — страстные навыки.

39. Надвигающаяся ночь есть, по слову Господа, будущая тьма, *когда никто не может делать* (Ин. 9, 4)[93]. Или, по другому изъяснению, это антихрист, называемый ночью и тьмой, или еще по нравственному толкованию это непрерывная беспечность [о спасении], которая, как беспросветная ночь, умерщвляет душу сном нечувствительности. Ночь [в прямом смысле этого слова] делает всех сонливыми и служит образом смерти от умерщвления. А ночь будущей тьмы опьянит страданиями мертвых и бесчувственных грешников[94].

40. Суд этого мира есть неверие нечестивых, по евангельскому изречению: *Неверующий уже осужден* (Ин. 3, 18), и определяется[95] судебными действиями Промыла в исправлении и обращении [грешников к Богу] и во взвешивании их добрых и злых намерений по [внешним] проявлениям согласно словам: «Да будут отвержены грешники, от чрева матери заблуждающиеся» (Пс. 57, 4). В отношении неверия, наказания и дел праведный суд Божий является [тогда, когда] одних наказывает, других милует, иных же венчает или предает мукам, так как первые — всегдашние нечестивцы, вторые веруют, но беспечны и потому наказываются человеколюбиво[96]. Совершенные же в добродетелях и погрязшие в пороках получат [свойственное им] возмездие.

41. Если наша природа[97] при содействии Святого Духа не сохранится незапятнанной или чистой, как следовало бы, то она ни теперь, ни в будущем союзе не может быть со Христом одним духом и телом. Всемогущей и соединительной силе Духа не свойственно для восполнения[98] пришивать рубище ветхих страстей к новому хитону благодати.

---

[90] Εἰσίν.

[91] Ἡ ὀσμή.

[92] Πονηρῶν.

[93] Ἡ παντελὴς ἀνενεργησία.

[94] Мы опустили в последней фразе слова «как» и «так».

[95] Ἐστὶ.

[96] Φιλανθρώπως.

[97] Ἡ φύσις.

[98] Πρὸς συμπλήρωσιν.

42. Равное достоинство[99] в смысле образа во Христе будут иметь незаслуженно получившие и сохранившие обновление Духа, невыразимо переживая[100] сверхъестественное обожение. Но никто не будет во Христе или членом Христовым, если еще здесь не сделается носителем[101] благодати, имея в себе, по апостолу, *образец ведения истины* (Рим. 2, 20).

43. Царство Небесное подобно скинии, устроенной Богом. Оно [по образцу] скинии Моисеевой, имеет в двух завесах изображение [жизни] будущего века. В первую часть [Царства Небесного] войдут все освященные благодатью, а во вторую, как духовную, — только те, которые здесь, во мраке богословия, будучи как бы священниками, в совершенстве священнодействовали тремя силами души. Последние[102], имея ходатаем [Единого] от Троицы Иисуса, величайшего из священников и первого из священ-ноначальников, проникнут в богозданную скинию и озарятся молниеносным сиянием.

44. Многими обителями Спаситель назвал различные ступени и состояния нравственной зрелости там [в раю]. Хотя Царство одно, но имеет в себе[103] много различий[104]. В нем есть [лица] небесные и земные в смысле добродетели [и разные] видения и степени обожения. Иная слава солнца, иная луны и иная звезд. *И звезда от звезды разнится в славе,* по словам апостола (1 Кор. 15, 41), несмотря на то, что все они сияют на одном видимом Божественном небе[105].

45. Как [почти] бестелесный и нетленный, тот мало-помалу[106] становится сожителем ангелов, кто ум очистил слезами, душу воскресил здесь Духом, плоть покорил разуму и изменил свой по природе «глиняный» внешний образ в световидный и огнезрачный лик Божественной красоты, потому что нетление есть иссякновение телесной влаги и полноты.

46. Неописуемо преобразившись из душевного в духовное, нетленное тело без влаги и тяжеловесности останется [все же] земным, так что будет вместе земным и небесным по богоподобной тонкости. Каким оно было изначально создано, таким и воскреснет, чтобы быть сообразным облику Сына Человеческого вследствие совершенного участия в обожении.

---

99 Ἰσοτιμίαν.

100 Πάσχων — букв.: испытывая.

101 Μέτοχος — букв.: участник.

102 Мы не сохраняем периодической конструкции греческой речи: словом «последние» у нас начинается новая фраза, а в греческом подлиннике до конца главы тянется одно предложение.

103 Ἔνδον.

104 Союз «так как» мы выпустили за ненужностью перед словами «в нем есть».

105 Ἐν στερεώματι.

106 Βραχύ.

47. Земля кротких есть Царство Небесное, или Богомужное[107] состояние Сына [Божия], в которое мы вошли и входим, восприяв благодатное рождение сыноположения и обновление чрез воскресение. Также святая земля есть обоженная природа или, быть может, есть собственно очищенная для земнородных сообразно их достоинству земля. По другому пониманию, земля, составляющая наследство истинно святых, есть невозмутимая Божественная тишина сверхразумного мира. На ней [этой земле] поселится род праведных, не беспокоимый и не волнуемый ничем, существующим там.

48. Обетованная земля есть бесстрастие, от которого бьет ключом мед и молоко, то есть радость Духа.

49. Святые на небе таинственно вещают друг другу внутреннее слово, произносимое в Духе Святом.

50. Если не познаем, какими нас сотворил Бог, то не будем осведомлены и в том, как изменил нас грех[108].

51. Равны в отношении духовного возраста достигшие здесь полноты совершенства во Христе.

52. У кого труды — у тех и награды. Количество же и качество [наград] или то, каков их размер, покажут чин и состояние, в которых будут находиться [святые].

53. По нетлению и обожению святые, как написано, будут ангелоподобными умами и сынами Воскресения Христова (Лк. 20, 36).

54. В будущем веке ангелы и святые, говорят, никогда не перестанут возвышаться в умножении дарований и никогда не ослабнут в стремлении к добру, так как тот век не допускает [нравственного] ослабления и уклонения от добродетели к пороку.

55. Усовершившимся ныне мужем признавай того, кто в качестве залога воспринял подобие возрастов Христа. В будущем веке совершенным объявляет [человека] сила обожения.

56. Достоинство и обожение, равные со сверстниками, получит в будущей жизни тот, кто здесь [достиг] совершенных духовных возрастов в добродетели.

57. Истинная слава, говорят, есть знание, или духовное созерцание, или основательное распознавание догматов и разумение[109] истинной веры.

58. Изумление есть полное возвышение сил души к познанному, свойственному великолепной славе [Божества]. Или еще: изумление есть чистое и всецелое устремление ума к пребывающей в свете беспредельной силе. Экстаз же представляет не только восхищение к небу ду-

---

[107] Ἡ θεανδρική.

[108] Οἵους ἐποίησεν ἡ αμαρτία — букв.: какими соделал грех.

[109] Ἐπίγνωσιν.

шевных сил, но и совершенное исступление самих чувств[110]. Ревность[111] по Богу двояка: она есть духовное опьянение, возбуждающее желание [спасения].

59. В душе главным образом имеют место два [вида] ревности — сердечный и исступленный. Первый принадлежит лишь просвещаемым, а другой — уже усовершившимся в любви. Оба [вида ревности], действуя, отвлекают разум от чувств, так как Божественная ревность есть упоение духа тем, что выше естественного разума[112], и благодаря ей[113] [у человека] похищается даже чувство внешних отношений[114].

60. Начало и причина мыслей кроются в разделении грехом человека единичной и простой памяти, которая [этим] уничтожила [непрерывное] воспоминание о Божестве и, обратившись из простой в сложную, из одновидной в разновидную, обрекла себя на гибель своими личными силами.

61. Исцеление первобытной[115] памяти от коварного и гибельного запоминания помыслов обусловливается[116] ее возвратом к исконной[117] простоте. Орудие зла — непослушание не только расстроило простую душевную память о добре, но и извратило все силы души[118], ослабив ее природные влечения к добродетели. Память вполне излечивается непрерывным и укрепленным молитвою воспоминанием о Боге, которое, сорастворившись[119] с духом, от предметов естественных направляется к сверхъестественным.

62. Причина страстей — греховные дела, помыслов — страсти, мечтаний — помыслы, мыслей — память, памяти — забвение; мать забвения — неведение. Причина неведения — беспечность. Беспечность вырождается из страстного желания. Основание[120] желаний — беспорядочное движение, движения — порыв[121] к делу; [греховное же] дело есть безрассудное[122] желание зла и расположение к чувственному и [страстным] ощущениям.

110 Ἀυτῆς τῆς αἰσθήσεω — букв.: самого чувства.
111 Ἔρως.
112 Τῶν φύσιν φρενῶν — букв.: естественных мыслей.
113 Δι’ ἧς — букв.: чрез это.
114 Τῶν σχέσεων.
115 Ἀρχεγόνου.
116 Ἐστι.
117 Ἀρχαῖον.
118 Ἑαυτῆς δυνάμεις — букв.: силы ее.
119 Ἀνακραθεῖσα.
120 Μήτηρ — букв.: родительница.
121 Ἐνέργεια — букв.: действие.
122 Ἀλόγιστος.

63. В уме[123] образуются и действуют помыслы, в раздражительной[124] силе — зверские страсти, в воле — скотские стремления, в разуме[125] — фантастические представления, в рассудке — мысли.

64. Нападение безнравственных[126] помыслов подобно[127] речному течению. В [форме] помыслов [приражаются] прилоги[128], с которыми допускается греховное согласие, заливающее[129] сердце как бы бурным[130] наводнением.

65. Глубоким болотом считай скоропреходящее удовольствие [или] грязь блуда и бремя материальных приобретений. Отягощаясь ими, страстный ум бывает погружаем чрез свои помыслы в пропасть отчаяния.

66. Писание часто называет слова о вещах помыслами, равно как и помышления — словами[131]. Это происходит потому, что сверхматериальное в себе движение всякого рода[132] овеществляется и претворяется предметами в образы[133]. Так посредством «явления» познается и выражается [названное] движение.

67. Помыслы[134] суть слова бесов и предтечи страстей, а[135] слова и помышления[136] — [преддверия] дел, так как невозможно совершить то злое или доброе, что прежде не возбудило [какого-либо] помысла. Помысл же есть движение безвидного прилога, [касающегося] тех или иных предметов.

68. Материя вещей производит чистые[137] помыслы, бесовский же прилог — дурные. Итак, при сравнении естественные помыслы и слова отличаются от неестественных и сверхприродных.

69. Помыслы одинаково и мгновенно изменяются одни в другие: естественные обращаются непосредственно[138] в противоестественные и природные — в сверхприродные. Причиной такого взаимного превращения и перерождения материальных помыслов в демонические и про-

---

123 Ἐν τῷ λογικῷ.
124 Ἐν δὲ τῷ θυμικῷ.
125 Ἐν δὲ τῷ νοερῷ.
126 Πονηρῶν.
127 Ἐστιν.
128 Ἡ προσβολὴ — букв.: бросание, приближение, прикосновение.
129 Καλύπτουσα — букв.: скрывающее.
130 Κυματουμένη — букв.: волнуемый.
131 Νοήματα.
132 Τῶν τοιούτων — букв.: данного рода или этого рода.
133 Μορφοῦται δὲ διὰ τῶν πραγμάτων εἰς εἶδος καὶ μεταπλάττεται.
134 Οἱ λογισμοί.
135 Ὥσπερ — букв.: равно как.
136 Τὰ νοήματα.
137 Ψιλοὺς — букв.: обнаженное.
138 Εὐθὺς — букв.: прямо.

исходящих от прилога — в вещественные служат[139] помыслы же [сами по себе]. Так же [как] Божественные помыслы производят естественные, эти — сверхъестественные. Словом, каждое [мысленное движение] изменяется в то, что ему сродно, по четырем его производящим причинам[140].

70. Отметь, что предшествуют помыслам их причины; помыслы [предходят] мечтаниям, мечтания — страстям, страсти — демонам. [Данные явления], соединяясь одно с другим, составляют как бы своеобразную[141] цепь, или порядок, у не знающих порядка духов. Само по себе — независимо от бесов — ничего не возникает[142]. Ни воображение не творит образов без тайной бесовской силы, ни страсть не действует, потому что сатана хотя и низвержен [с неба] сокрушенный, но, превозносясь над нами, весьма силен благодаря нашей беспечности.

71. [Демоны] наполняют образами ум или, лучше, сами принимают вид сообразно [духовному устроению] нас самих. Они приражаются в зависимости от наклонности души к преобладающей и действующей в ней страсти. Страстный навык демоны и употребляют в качестве условия к размножению в нас образов. Они во сне и в бодрственном состоянии показывают нам относящееся к богатой и многообразной фантазии. Демоны плотской страсти иногда преображаются в свиней, иногда — в ослов, иногда — в женонеистовых и огневидных коней, иногда в крайне распущенных евреев. [Бесы] гнева превращаются иногда в язычников, иногда в львов; [демоны] робости — в измаильтян; [бесы] непостоянства — в идумеян; [бесы] невоздержания и пьянства — в сарацин; [демоны] своекорыстия — иногда в волков, иногда в пантер; [бесы] хитрости — иногда в змей, иногда в ехидн, иногда же преобразуются в лисиц; [бесы] бесстыдства — в собак; [бесы] лености — в кошек. Случается, что [демоны] блуда иногда [принимают образы] змей, иногда — ворон и грачей. Так как птицы душевны[143], то в них превращаются преимущественно воздушные бесы. В силу тричастности[144] души воображение имеет причину изменять образы духов тройственно. Соответственно волевой, раздражительной[145] и мысленной силам души воображение представляет демонов трояко — в виде птиц, зверей и скотов. Против трех [душевных сил] всегда и вооружаются три главных вождя страстности, и, какой

139 Εἴσι.
140 Τετραχῶς διῃρημένην αἰτίαν.
141 Τὶς.
142 Οὐδὲν ἐνεργεῖ καθ’ αὐτό, ἀλλ’ ὑπὸ δαιμόνων ἐνεργεῖταν.
143 Ψυχικοί.
144 Τριμερὲς.
145 Θυμικὸν.

страстью определяется[146] душа, в виде той по сродству своему с нею они, являясь, наступают на нас.

72. Демоны сладострастия часто приступают как огнь и горящие угли, так как сластолюбивые духи воспламеняют похотливые желания и, внеся путаницу в мышление, омрачают душу. Собственно страстное наслаждение и есть причина разжжения, смущения и омрачения.

73. Ночь страстей есть тьма неведения, или еще: ночь есть рождающая страсти область, в которой царствует князь тьмы и в которой духи [злобы] — эти в иносказательном смысле звери полевые, небесные птицы и земные гады, — рыкая, ищут жадно схватить нас себе в пищу.

74. Во время действия страстей одни помыслы предшествуют, а другие следуют за ними. Помыслы предшествуют мечтаниям, за мечтаниями же следуют страсти. Страсти идут впереди бесов, а демоны шествуют за страстями.

75. Начало и причина страстей — злоупотребление. [Причина] злоупотребления — склонность, склонности — перевес[147] какого-нибудь волевого побуждения[148]. Испытание желания есть прилог, прилога же — демоны, которым Промыслом предоставляется показывать, каков наш произвол.

76. Смертоносный яд греховного жала есть страстный навык души, потому что незыблем и неизменен характер того, кто добровольно поработил себя страстям.

77. Страсти именуются разнообразно. Они расчленяются на душевные и телесные; телесные подразделяются на скорбные и греховные; скорбные еще распадаются на болезненные и воспитывающие. Также душевные страсти разделяются на раздражительные, волевые и мысленные. Мысленные дробятся на рассудочные и свойственные воображению. Одни из этих страстей возникают вследствие злоупотребления воли, иные вынуждены необходимостью. Это так называемые непредосудительные[149] страсти, которые названы у отцов сопроводителями[150] и природными свойствами.

78. Иные — страсти телесные, и иные — душевные. Одни — желательные, другие — раздражительные[151]; иные — страсти мыслительной силы, и иные — ума и рассудка. Они взаимно связываются и содействуют друг другу: телесные — волевым, душевные — раздражительным[152]

---

146 Πεποίωται.
147 Ἡ ῥοπὴ.
148 Τῆς θελητικῆς ἕξεως — букв.: волевого состояния.
149 Ἀδιάβλητα.
150 Παρακολουθήματα.
151 Θυμοῦ.
152 Θυμικοῦ.

и опять страсти мыслящей силы — умственным, умственные — рассудочным и страстям памяти.

79. Страсти раздражительной силы таковы: гнем, досада, крикливость[153], вспыльчивость, дерзость, надменность, тщеславие и прочие. К страстям воли от носятся: любостяжание, распутство, невоздержание, ненасытность, сластолюбие, сребролюбие и самолюбие — тягостнейшие более, чем все страсти. Плотские страсти [таковы]: блуд, прелюбодеяние, нечистота, распущенность[154], несправедливость, чревоугодие, беспечность, рассеянность, любомирие, любожизние и другие. Страсти, принадлежащие к мысленной области, [следующие]: неверие, хула, хитрость, коварство, любопытство, двоедушие, злословие, клевета, осуждение, унижение, кощунство, лицемерие, ложь, сквернословие, пустословие, лесть, иронизирование, тщеславие, человекоугодничество, превозношение, клятвопреступление, празднословие и прочие. Страсти ума: самомнение, высокомерие, самовосхваление, любовь к спору, негодование, самодовольство, противоречие, непослушание, мечтательность, склонность к вымыслам и хвастовству[155], славолюбие, гордость — первое и последнее из всех зол. Страсти же рассудка таковы: блуждание, легкомыслие, раболепство, омрачение, ослепление, отступления, прилоги, согласие, склонения, превращения, отвержения и подобные им. Одним словом, все противоестественное зло сорастворилось с тремя душевными силами, равно как в них же естественно соприсутствует и все доброе.

80. О, с каким изумлением взывает к Богу Давид, говоря: *Дивно для меня ведение Твое, высоко, не могу постигнуть его* (Пс. 138, 6). Оно — непререкаемое и непостижимое — выше моего слабого разума и моих сил. Как непостижимо, далее, в образовании своего состава самое тело[156], имеющее в каждом виде своем троичное и единое устроение, украшенное седмиричным и двойственным числами, арифметически означающими время и природу, что, в свою очередь, согласно действующим законам природы, показывает славу Божию в телесном носителе Троичного великолепия.

81. Для движущихся членов законы природы являются своего рода связями. Различия их называет даже слово наше, потому что они представляют многочисленные выражения [наших] собственных свойств[157]. Или еще: природный закон есть сила деятельности каждого вида и члена. Как Бог [оживотворяет] все творения, так душа приводит в действие члены тела и движет каждый из них к свойственной ему деятельности.

---

[153] Κραυγή.
[154] Ἀσωτία.
[155] Φιλενδειξίαι.
[156] Ἡ σὰρξ — плоть.
[157] Τῶν ἰδίων ἰδιοτήτων.

Здесь следует спросить, почему богоносные мужи[158] иногда называют гнев и страстное желание плотскими силами, иногда — душевными. Мы утверждаем [в ответе], что слова святых не имеют никакого разногласия[159] для тех, которые их отчетливо понимают. В обоих случаях [святые] раскрывают истину и, где следуют, весьма мудро изменяют наименования страстей [души и тела] благодаря их таинственному двойственному бытию в форме сосуществования[160], тем более что душа бывает совершенной еще здесь, а тело, возрастая под условием питания, [явно] несовершенно. Душа, созданная разумной и мыслящей, сама по себе от начала своего сотворения имеет силу определенного желания и силу раздражительную[161], возбуждающую мужественную ревность. Но безрассудная раздражительность и безумное влечение не созданы с нею, равно как и первоначально они не были в плоти. [Плоть] сотворена нетленной, без той влажности, из-за которой возникли плотское желание и зверская ярость. Вслед за преслушанием, когда [человек] подпал тлению и плотской грубости[162] бессловесных животных, тогда по необходимости в нем зародились раздражительность и плотская страсть. И, всякий раз как плоть господствует в человеке, так он по ярости и плотскому влечению противодействует желаниям души. Когда же это смертное покорится разумному, тогда [спасающийся] поспешает в делании добра за желанием души. [Ныне] вследствие смешения и соединения с душой прившедших плотских свойств человек стал подобен вьючным животным и, подчинив себя закону греха, в силу естественной необходимости превратился из разумного в глупого и из человека в зверя.

82. Мыслящею душа[163] была сотворена чрез дуновение и благодаря вдыханию в нее разумной жизни. Вместе с нею Бог создал не ярость и животное плотское желание, а одну деятельную силу стремления и ревностную стойкость желания. Так же, создав тело, [Господь] не вложил в него от начала раздражительности и неразумной плотской похоти. Впоследствии же по причине преслушания оно восприняло смертность, тление и черты зверей, которым и уподобилось. Богословы говорят, что тело создано нетленным, каковым и воскреснет, хотя теперь оно и тленно. Равным образом и душа сотворена бесстрастной. Но оба — тело и душа — растлились и сорастворились по естественному закону объединения и влияния друг на друга, причем [душа] предала себя страстям и особенно демонам, [тело же] уподобилось бессловесным скотам свойствами сво-

[158] Ἄνδρες.

[159] Ἀσυμφωνίαν.

[160] Τῆς συνυπάρξεως.

[161] Θυμικὴν.

[162] Τῇ παχύτητι — букв.: толщине, полноте.

[163] «Καθάπερ» в начале главы оставлен без перевода ради избежания растянутости периодической речи.

его состояния и подчинением тлению. Действуя в одном направлении, силы души и тела[164] образовали одного скота, бессмысленного и неразумного, с яростью и плотским влечением. Так, по Писанию, присоединился человек к скотам и во всех отношениях уподобился им[165] (Пс. 48, 13).

83. Как Бог есть причина и источник всякого добра, так начало и основание добродетелей есть доброе намерение или желание прекрасного. Начало добра — вера, в особенности Христос — Камень веры, Которого мы имеем началом и основой всех добродетелей, на Котором утверждаемся и зиждем все доброе. Он есть краеугольный Камень, связующий нас с Собою, и многоценная Жемчужина. Отыскивая ее, монах, вступающий в глубину безмолвия, послушанием заповедям как бы продает все собственные влечения, чтобы еще на земле[166] приобрести [эту Жемчужину][167].

84. Добродетели удерживают взаимное равенство в том, что все сводятся к одному, [имеют] один предел и восполняют лик [одной] добродетели. Но существуют добродетели и [частичные], и одни других превосходят[168] постольку, поскольку[169] обнимают и сосредоточивают в себе добродетели или весьма многие, или даже все, каковы Божественная любовь, смирение и Божественное терпение. О терпении[170] Господь говорит так: *Терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21, 19). Он не сказал: «[Спасайте] вашим постом, вашим бодрствованием». Терпением же я называю то [состояние], которое сообразно с волей Божией и есть царица добродетелей, основание доблестных подвигов[171], мир в войнах, тишина в буре и непоколебимая твердыня для обладающих им. Приобретшему его во Христе Иисусе не могут повредить ни оружие, ни копья, ни наступающие войска, ни само бесовское полчище, ни мрачная фаланга противников.

85. Добродетели хотя возрождаются друг от друга, но свое [коренное] происхождение, исключая Божественные [добродетели], все они имеют от трех сил души. Начало и причина четырех родовых между естественными и Божественных добродетелей, от которых и которыми образуются все остальные, то есть [причина] благоразумия, мужества, целомудрия и правды, есть Божественная и богословская мудрость, действующая по возбуждению Духа[172] и четвероякo отображаемая в уме. Она

---

164 Τῶν ἀμφοτέρων — букв.: обоих их.
165 Κατὰ πάντα τρόπον.
166 Ἀπ᾽ ἐντεῦθεν.
167 Αὐτὸν — букв.: ее.
168 Εἰσὶν μείζους.
169 Ὡς.
170 Περὶ αὐτῆς.
171 Ἀνδραγαθημάτος.
172 Πνευματοκίνητως.

проявляет[173] добродетели не все вместе, а каждую отдельно и в свое время сообразно желанию: одну — как свет, другую — как проницательную силу и неиссякающее вдохновение, третью — как освятительную и очищающую силу и последнюю — как веселящую и освежающую от зноя страстей росу чистоты. Мудрость дает, как упомянуто выше, ощутить проявление свое всякому по зрелости [его души в добре] и совершенному [показывает] совершенное действие.

86. Опыты в добродетелях еще не сообщают душе совершенной [нравственной] непоколебимости с помощью только личного рвения, если посредством благодати [добродетели] не перейдут в существенное внутреннее расположение. Каждая добродетель имеет своеобразное дарование и свое действие, при которых оно даже не желающих быть ее соучастниками может влечь к себе навыком и природой добра и, когда будет нам дана, с тех пор сохраняется твердо и неизменно. Для совершения [добродетелей][174] люди имеют в собственных членах благодать Духа, как живую душу. Без нее все собрание добродетелей становится мертвым. И те, кто представляются имеющими [добродетели] в совершенстве и осуществляющими их, [имеют часто] одну только тень и призрак прекрасного, а не изображение истины.

87. Основных добродетелей четыре: мужество, благоразумие, целомудрие и правда. По мере излишества или недостатка в них к ним близки восемь [душевных качеств], у нас называемых и считаемых пороками, а в мире — добродетелями. За мужеством обычно следуют наглость и боязливость, за благоразумием — коварство и невежество, за целомудрием — распущенность и окаменение, за правдой — корыстолюбие и неправда или обида. В середине их стоят не только основные и естественные добродетели, возвышающиеся над излишеством и недостатком, но и деятельные. Одни из добродетелей по правоте рассуждения выражаются в [добром] произволе[175], другим сопутствуют извращение [добра] и самомнение. О том, что среднее положение занимают[176] настоящие добродетели, свидетельствует притча, гласящая так: «Пусть будут исправлены все благие пути» (см.: Притч. 2, 9). Итак, все добродетели объединяются в трех силах души, в которых рождаются и упрочиваются, имея основанием своего здания четыре родовые добродетели, наиболее же — Христа. Притом естественные добродетели очищаются деятельными, а божественные и сверхъестественные [добродетели] преподаются благоволением Духа.

88. Из добродетелей одни суть деятельные, другие — Божественные, иные естественные и духовные. Деятельные [представляют резуль-

[173] ’Ενεργεῖ — букв.: действует.
[174] Τοῦ ἐνεργεῖν αὐτάς — букв.: для совершения их.
[175] Προαίρεσιν.
[176] Εἰσὶν.

тат] свободного избрания, естественные — внутреннего склада, Божественные — благодати.

89. Как происхождение добродетелей имеет место в нашей душе, так и [источник] страстей. Но первые естественно рождаются в ней, вторые же — вопреки природе. Причину порождения добра и зла душа находит в склонении желания, которое — как острие [для начертания] линии или стрелка на коромысле весов — в какую старому преклонится, то влияние и принимает и в том [направлении] действует. Воля подлежит двоякому действию, потому что в себе самой содержит то и другое, [именно]: добро по рождению, а зло по свободной склонности воли.

90. Писание называет добродетели отроковицами (см.: Песн. 1, 2) в силу их тесной связи с душой, почему они созерцаются с нею как один дух и тело. Символом любви служит вид[177] отроковицы, а свидетельством целомудрия и чистоты этих священных дев — их одежда. Божественной благодати обычно [свойственно] творить и безошибочно преобразовывать разновидности добродетели у сильных [духом] применительно к их качествам и свойствам.

91. Существует восемь начальствующих страстей: три великие: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие — и пять следующих за ними: блуд, гнев, печаль, леность и гордость. Так же и из добродетелей, противоположных [страстям], три главные: нищета, воздержание и смирение, а с ними и за ними следуют [остальные]: чистота, кротость, радость, мужество, самоуничижение и весь ряд добродетелей. Изучить и осознать силу, действие и благоухание каждой добродетели и [зловоние] страсти возможно не всякому желающему, но только действующему, трудящемуся словом и делом и получившему от Святого Духа дар ве?дения и рассуждения.

92. Добродетели то действуют, то [нами] приводятся в действие. Они действуют, поселяясь у нас в надлежащий момент, когда, как и сколько хотят. Мы проявляем их по свободному желанию, нравственному складу и привычке. Но они существенны в себе, а мы нравственно сформировываемся при них приблизительно[178], так как образ всех наших [добрых] действий есть отпечаток первообразного. Духовное прежде будущего бессмертного наслаждения существенно усвояется немногими[179]. И здесь, собственно, мы принимаем на себя и совершаем труды и подвиги[180], а не [владеем] самими добродетелями.

93. Тот, по Павлу, священнодействует благовествование (см.: Рим. 15, 16), кто, состоя его участником, может деятельно сообщить Христово просвещение и другим. Подобно некоторому семени, разбрасывает он

177 Εἶδος.
178 Τυπικῶς — букв.: образно.
179 Ὀλίγοις λίαν — букв.: очень немногими.
180 Τοὺσ τύπουσ — букв.: не «подвиги», а «образы».

Божественное слово на душевных нивах своих слушателей. *Слово ваше,* говорится, *да будет всегда с благодатью, приправлено солью* Божественной благости (Кол. 4, 6), *дабы оно доставляло благодать слушающим* с верою (Еф. 4, 29). Назвав учителей земледельцами, а обучаемых обрабатываемым полем, [апостол] весьма мудро изображает тех пахарями и сеятелями Божественного слова, а этих — удобренной, плодоносной и богатой землей добродетелей, потому что истинное священнодействие есть не только выполнение Божественных дел, но и [личное] участие и преподавание благ.

94. Устно произносимое к научению других слово бывает различно и не одинаково истекает из четырех источников[181], а многими способами. Иное слово [исходит] от учения, иное — от чтения, другое — от деятельности и иное — от благодати. Но, как вода, однородная по природе, претворяется в присущее ей свойство применительно к различию лежащей под ней земной почвы[182] и изменяется, как это познается и на вкус, то в горькую или сладкую, то в соленую или кислую, так и произносимое слово, изменяясь сообразно нравственному строю всякого, узнается в действии и чрез него приносит пользу.

95. Слово дано всякому разумному существу в наслаждение, и от слова, как от некоторой разнообразной пищи, воспринимающая душа [всегда] чувствует неодинаковую сладость. Научное слово есть для нее как бы воспитатель, нравственно образующий ее. Слово от чтения как бы наполняет ее водой успокоения, слово от деятельности насыщает ее, подобно богатому травой пастбищу; слово благодати веселит, как чаша, переполненная [вином] (см.: Пс. 22, 5). Неописуемая благодатная радость от слова благодати просветляет [душу], как *елей, от которого блистает лицо* (Пс. 103, 15).

96. [Названными состояниями] душа не только в себе подлинно владеет как бы жизнью, но, когда и от других слышит о том в учении, чувствует их же, если только обоими [учащим и слушателем] управляют вера и любовь, то есть если один слушает с верой, а другой просвещает с любовью, преподавая слова[183] о добродетелях без гордости и тщеславия. Тогда слово от учения принимается душой как воспитатель; [слово] от чтения — как питатель, слово от деятельности — как искуснейший[184] украситель [наружности] невесты и просвещающее слово Святого Духа — как слово обручающегося радостного жениха, так как всякая исходящая из уст Божиих речь представляет или слова, произносимые устами святых при содействии Духа, или следствие того сладостнейшего вдохновения от Святого Духа, которым питаются не все, но только достой-

---

181 Εἰδῶν — букв.: видов или начал.
182 Ὕλην — букв.: материи.
183 Τοὺς λόγους.
184 Ἡδύτατον — букв.: сладчайшего.

ные. Хотя все разумные наслаждаются словом, но очень немногие действительно веселятся здесь под влиянием [слов] Духа. Большинство[185] [людей] знают и памятью усвояют одни образы духовных слов, истинного же хлеба будущей жизни, состоящего в ощущении Бога Слова, не вкусили. Там [за гробом] только один этот [хлеб] в достаточной мере предлагается всем достойным ко многообразному услаждению и никогда не истощается, не растрачивается и не оскудевает.

97. Без духовного чувства невозможно осязательно ощутить[186] Божественной сладости. Как притупивший [телесные] чувства делает их; невосприимчивыми к чувственным явлениям и не видит, не слышит, не обоняет, будучи расслабленным или, лучше, полумертвым, так и умертвивший природные душевные силы страстями делает их нечувствительными к воздействию на них [свыше] и [неспособными] к участию в тайнах Духа. Духовно не видящий, не слышащий и не ощущающий — мертв. В нем не живет Христос, и сам он движется к действиям не Христовым.

98. Сравнительно с душевными силами, особенно когда они здоровы, чувства имеют равное и такое же, чтобы не сказать тождественное, отправление. Благодаря тем и эти живут и действуют. Их обоих соединяет живительный[187] Дух. С другой стороны, человек совершенно приходит в изнеможение, когда заражается коренной[188] болезнью страстей и непрерывно лежит в больнице нерадения. Чувства определенно[189] созерцают чувственное, [душевные] силы — мысленное, в особенности при отсутствии в них[190] сатанинской борьбы, противодействующей закону ума и духа. Когда же Духом они сведутся и единство, ставши одновидными[191], тогда непосредственно и существенно опознают вещи Божественные и человеческие такими, каковы они по природе, отчетливо прозревают в них смысл и, насколько возможно, чисто созерцают единственную причину всего — Троицу.

99. Прежде всего безмолвствующий основанием для построения на нем безмолвно своих действий должен иметь пять следующих добродетелей: молчание, воздержание, бодрствование, смирение и терпение. Богоугодных же занятий три: псалмопение, молитву и чтение, а если болен, то и рукоделие. Названные добродетели не только обнимают все [прочие], но и входят в состав одна другой. [Безмолвнику] с утра следует

---

185 Ὀι πολλοὶ — букв.: многие. Мы заменили это слово для устранения тавтологии.

186 Γεύσασθαι ἐν αἰσθήσει.

187 Ζωτικὸν.

188 Γενικὴν — букв.: родовой.

189 Τρανῶς.

190 Ὅτε μάλιστα οὐκ ἔστι ἐν αὐταῖς.

191 Ἑνοειδεῖς.

пребывать в воспоминании о Боге, в молитве и безмолвии сердца и первый час терпеливо молиться; затем второй [час] — читать, третий — петь, четвертый — молиться, пятый — читать, шестой — петь, седьмой — молиться, восьмой — читать, девятый — петь, за десятым подкрепиться пищей, за одиннадцатым — отдыхать, если сказывается нужда, а в двенадцатый [час] петь вечерню. Так добродетельно проходя дневной путь, угождает он Богу.

100. Подобно пчеле, надлежит полезнейшее собирать со всех добродетелей. Так, взимая с них помалу, [можно] образовать [в душе] огромное собрание добродетельных проявлений, из которых к душевной радости вырабатывается мед премудрости.

101. Если желаешь, послушай, как легче перейти промежуток ночного времени. Ночное бодрствование имеет три порядка: для новоначальных, средних и совершенных. Первый [устав] назначает[192] половину ночи спать и половину бодрствовать, с вечера ли до полуночи или с полуночи до утра. Второй [устав] предписывает[193] с вечера один или два часа бодрствовать, затем четыре часа спать и пробуждаться к утрене, а петь и молится до утра часов шесть. Первый час [дня] следует петь и сидеть, безмолвствуя, как [выше] сказано. Далее надобно соблюдать порядок указанных занятий по часам[194] или постоянно хранить непрерывную молитву, привычка к которой упорядочивает человеческую жизнь. Наконец, третий [устав] заключается во всенощном стоянии [на молитве] и в бодрствовании.

102. Теперь скажем и о пище. Около фунта хлеба достаточно всякому вступившему в подвиг безмолвия. Нерастворенного вина [можно] пить по две чаши, воды — по три, а из съестных припасов, какие найдутся, [позволительно] употреблять не столько, сколько прихотливо требует природа, но пользоваться [нужно] с самоограничением[195] лишь предоставляемым Промыслом. Наилучшее и сокращеннейшее правило, руководящее желающих жить должным образом, состоит в совершении из подвигов добродетелей трех — я разумею пост, бодрствование и молитву, — которыми упрочивается надежнейший фундамент всех добродетелей.

103. Прежде всего безмолвие требует веры, терпения, крепости и силы, любви от всего сердца и надежды. Верующий если по обычной ли беспечности или по иной какой-нибудь причине не найдет здесь искомого, то при кончине[196] не может не убедиться вполне в плоде веры и подвига и не увидеть свободы чрез Христа Иисуса, Который есть Искупле-

---

[192] ’Εστὶν.

[193] ’Εστὶν.

[194] Διὰ τῶν ὡρῶν.

[195] ’Εγκρατῶς.

[196] ’Εν τῇ ἐξόδῳ.

ние и Спасение душ наших, Богочеловек Слово. А неверующий во всех отношениях[197] осудится при кончине. Впрочем, он, по слову Господа, уже осужден (см.: Мк. 16, 16), так как[198] порабощенный удовольствиям и ищущий славы от людей, а не от Бога может ли веровать? (см.: Ин. 5, 44). Таковой хотя на словах и кажется верным[199], но, не замечая того, сам обманывает себя и услышит [некогда] слова: «Так как не принял Меня в свое сердце, но отверг Меня за хребет свой, то и Я отвращусь от тебя». Итак, верному надлежит иметь светлую надежду[200] и веровать Божией истине, свидетельствуемой во всех Писаниях, исповедуя свою немощь, чтобы [иначе] не навлечь на себя удвоенное неумолимое осуждение.

104. Ничто столько не способствует сокрушению сердца и смирению души, как разумное уединение и совершенное[201] молчание. И не иное что основным образом[202] разрушает строй безмолвия и удаляет от него Божественную [охранительную] силу, как следующие страсти: дерзость, чревоугодие, многословие, развлекающая забота[203], гордость и госпожа страстей — самомнение. Кто охотно привыкает к ним, тот с их ростом, омрачаясь все более и более, становится [в конце концов] крайне бесчувственным. И если [такой человек] снова освободится [от страстей][204] и положит начало [спасению] с верою и ревностью, то он получит вновь искомое, особенно если будет искать его смиренно. Воцарение же в нем[205] по беспечности хотя бы одной из названных страстей ополчает на него весь сонм зол во главе с гибельным неверием и опустошает его душу, становящуюся от демонских смущений и шума как бы вторым[206] городом Вавилоном, так что последнее для него хуже первого (см.: Мф. 12, 45). Он делается тогда страстным врагом и обвинителем безмолвствующих, всегда изощряя[207] против них свой язык, как бритву и обоюдоострый меч.

105. Воды страстей, которыми наполняется мутное и смятенное море безмолвия, можно переплыть не иначе, как на легком и быстроходном корабле безусловной нестяжательности и воздержания. От невоздержа-

[197] Πάντως.

[198] Мы выпустили лишнее вводное слово «говорит», так как перед тем уже есть вводные слова «по слову Господа».

[199] Πιστὸς.

[200] Εὔελπιν.

[201] Ἐκ πάντων.

[202] Κυρίως.

[203] Περισπασμός.

[204] Ἀνανεύσει.

[205] Ввиду повторения союзов в начале предложений мы перед словами «воцарение же в нем» выпустили «если» и в средине фразы — «тогда».

[206] Ἄλλην — букв.: некоторым.

[207] Θήγοντα.

ния и любви к вещественному потоки страстей, наводнив землю сердца и нанося на нее гниль и грязь помыслов, производят в уме замешательство, в мыслях — омрачение, в теле — отягощение, а душу и сердце делают нерадивыми, потемненными и оцепенелыми и лишают их свойственного им по природе настроения и чувства.

106. Ничто так не способствует расслаблению, беспечности и безумию души ревностных подвижников, как именно кормилица страстей — самолюбие. Когда оно предпочитает подвигам в добродетели телесный покой и считает разум заботливым, если он не побуждает добровольно изможлать [тело] трудами при исполнении заповедей[208], связанными с малым и легким по?том, тогда оно [самолюбие] обычно делает душу вялой к прохождению пути безмолвия и производит в ее деятельности сильное и непреодолимое расслабление.

107. Наилучшим и первейшим врачом для изнемогших [в соблюдении] заповедей и твердо[209] решивших извергнуть[210] непроницаемую мглу является нерассуждающее послушание во всем с верою. Оно есть живительное и многосоставное целебное средство для пьющих его и нож, зараз очищающий рубцы ран. Всему другому предпочитающий действие этим [ножом] с верою и простотою одним ударом отсек все страсти. Он не только достиг безмолвия, но послушанием уже и осуществил его, найдя Христа, сделавшись и называясь его подражателем и рабом.

108. Без устроения жизни и деятельности в сокрушении духа невозможно снести зной безмолвия. Плачущий и размышляющий о предсмертных и посмертных ужасах, прежде чем они сами по себе наступят, будет иметь смирение и терпение — эти два основания безмолвия. Без означенных [основ] проводящий безмолвную жизнь всегда имеет сверстницей своей беспечности самомнение. А от них множатся греховные развлечения и порабощения и ввергают нас в расслабление. Отсюда невоздержание — дочь беспечности — делает тело вялым и бессильным, а ум омраченным и огрубевшим. Тогда и Иисус скрывается от толпы помыслов и рассуждений, присутствующей в области ума.

109. Опытно[211] изведать муку совести теперь или в будущем веке невозможно[212]. Это [испытание] касается Преимущественно одних тех, которые здесь и там терпят недостаток в любви и славе[213] [от обычных забот]. Как некоторый свирепый палач, разнообразно карающий лиц,

---

[208] Мы выпустили постоянно повторяющееся у преподобного Григория слово «особенно».

[209] Слово «деятельно» мы заменили понятием «твердо».

[210] Ἐμεῖν — букв.: извергнуть, изблевать.

[211] Ἐν αἰσθήσεν — букв.: в чувстве.

[212] Ἀδύνατον πᾶσιν.

[213] Ἡ δόξα — букв.: слава, мнение, предположение.

подлежащих ответственности, [совесть] как бы заносит[214] всегда над деспотически обнаженными [жертвами] острый[215] [от обычных забот] меч, то есть обличение и негодование. Совесть называется также ревностью по присущему ей [обычаю] воздействовать[216] [от обычных забот] на врагов, на природу тела и на душу. А иными [она именуется] природной горячностью, которую повелевается нам изощрять против врагов, как острый меч. И если [совесть] покорит победоносно[217] [от обычных забот] [нашу] двойственность единству, то целью ее ревности[218] [от обычных забот] бывает тогда восхождение к Богу. Но если сама душа подчиняется двум — я разумею грех и плоть, — тогда ее концом назначается там [в вечности] безжалостное мучение за то, что она довела себя до полного порабощения врагам. Душа, совершающая здесь постыдное, губит свое добродетельное состояние, отлучается и отчуждается от Бога.

110. Из всех страстей две крайне суровы и тяжки — это блуд и уныние, которые, господствуя над несчастной душой, обессиливают ее. Они имеют между собой взаимное общение и тесную связь и потому несокрушимы, непреодолимы и совершенно непобедимы. Первая [блудная страсть] успешно возрастает в области желаний[219] [от обычных забот], но содержит материал для обоих нераздельных по природе [частей нашего существа] — я говорю о душе и теле, — разливая всю свою сладость по всем [телесным] членам. Вторая [страсть уныния], одерживая верх над владычественным умом, обвивает[220] [от обычных забот] собою всю душу и тело, как плющом[221] [от обычных забот], делая[222] [от обычных забот] природу нашу вялой, расслабленной и как бы разбитой параличом. Хотя [эти две страсти] окончательно не подавляются прежде блаженного бесстрастия, но [временно] удаляются вслед за тем, как душа, приняв в молитве силу Святого Духа, сообщающую ей отраду, крепость и глубокий сердечный мир, наслаждается безмолвием. [Блудная страсть][223] [от обычных забот] есть начало, госпожа, царица и всеобъемлющее наслаждение из наслаждений. Ее спутница — леность, возводящая полководцев фараона на непобедимую колесницу. Чрез них, [то есть чрез блуд и уныние], побуждения к страстям проникли в жизнь нас, жалких.

---

214 Φαίνετε.

215 Ἄτομον.

216 Мы переводим глаголом «воздействовать» существительное «воздействие».

217 «Победоносно» переведено нами вместо «победивши».

218 Ἀνδρείας — букв.: мужества.

219 Ἐν τῷ ἐπνθυμητικῷ.

220 Περιλαμβάνουσα.

221 Σμίλαξ.

222 Мы выпустили излишнее слово «всю». Полностью надо перевести: «…всю природу нашу».

223 Αὕτη.

111. Начало умной молитвы есть действие, или очистительная сила, Святого Духа и таинственное священнодействие ума, подобно тому как начало безмолвия есть удаление[224] [от обычных забот], середина — просветительная сила и созерцание, а конец — экстаз и восхищение ума к Богу.

112. Духовное святилище есть разумное[225] действие ума, таинственно священнодействующего на душевном жертвеннике в знак обручения Богу и приобщающегося Агнца прежде будущего непостижимого наслаждения. Принимать же в пищу Агнца Божия на Мысленном жертвеннике души не значит только постигать [Его] и находиться с Ним в общении, но и быть как бы самому Агнцем по принятии в будущем Его образа. Здесь только слова, там же мы надеемся получить самые предметы таинств.

113. Молитва у новоначальных есть как бы огонь радости, излучаемый сердцем, а у совершенных — как благодатный свет, действующий [в душе]. Или еще: молитва есть проповедь апостолов, действие Веры, лучше же — вера непосредственная, непоколебимость надеющихся, проявляемая любовь, ангельское движение, сила бесплотных, дело и веселие их, Евангелие Божие, извещение сердца, надежда спасения, знак освящения, символ святости, познание Бога, откровение крещения, очищение купели[226], обручение Святого Духа, радость Иисусова, веселие души, милосердие Божие, знамение примирения, печать Христова, луч разумного солнца, утренняя звезда сердец, утверждение христианства, выявление Божия примирения, благодать Божия, премудрость Божия или, лучше, начало премудрости в себе, Божие явление, занятие монахов, образ жизни безмолвников, причина безмолвия, признак ангельского строя жизни. И, что говорить много, молитва есть Бог, производящий все во всех, потому что одно действие Отца, Сына и Святого Духа, совершающего[227] все во Христе Иисусе.

114. Если бы Моисей не получил от Бога жезла силы, то не стал бы богом фараону и ни его, ни Египет не поразил бы. И ум, если не будет иметь в руке мощи молитвы, то не сможет сломить греха и противных себе сил.

115. Говорящие или что-нибудь выполняющие без смирения подобны строящим дом зимою или без цемента. Опытом и разумом найти и постичь смирение есть [счастье] очень немногих. Распространяющиеся о нем словесно похожи на измеривающих бездну.

Мы же, слепые, отрочески догадывающиеся об этом великом свете, скажем немногое. Настоящее смирение не имеет смиренной речи, ни

---

[224] Ἡ σχολή — задержка.
[225] Ἡ νοερὰ.
[226] Λουτροῦ κάθαρσις.
[227] Τοῦ ἐνεργοῦντος.

смиренного вида, не понуждает мыслить смиренное, ни, смиряясь, упрекать себя. Хотя [все] эти признаки и образы смирения [суть] как бы разновидности его, но само смирение есть благодать и дар свыше. Существуют, как говорят отцы, два смирения: а) считать себя низшим всех и б) приписывать свои добрые дела Богу. Первое — начало, второе же — конец [смирения]. Ищущим его следует сознавать и иметь в уме три таких [предмета размышления]: 1) что они грешнее всех людей, 2) отвратительнее всего творения, как противоречащие своей природе, и 3) несчастнее бесов, как демонские рабы. [Смиряющийся] так должен говорить: «Точно ли я знаю грехи людей, каковы они и сколько их? Превосходят ли они или равняются моим грехам? Вследствие незнания будем, душа, считать себя ниже всех людей, как землю и прах под их ногами[228]. И как мне не считать себя гнуснейшим всех тварей, когда они соответствуют своей природе, с какою рождены, я же по неизмеримым беззакониям уклонился от природы? Подлинно звери и скоты чище меня, грешника. Потому я, низвергающий себя до ада и лежащий [в нем] прежде смерти, ниже всех. Да и кто не знает и не чувствует, что грешник низменнее даже бесов, как их раб, послушник и наследник с ними тьмы еще здесь?! В самом деле, он, несчастный, ожесточеннее бесов и, управляемый ими, пострадает чрез это, наследовавши с ними бездну. Обитающий прежде смерти в земле, аде и бездне! Как ты осмеливаешься именовать себя праведным, обратив себя злыми делами в грешного, нечестивого и в беса? Горе прельщению и заблуждению твоему, бесноватый, пес грязный, посылаемый за это в огонь и тьму!»

116. Премудрость, подаваемая Духом, согласно богословам, есть сила умной, чистой, ангельской молитвы, признаком которой служит ум, на молитве не усматривающий никакого образа и не видящий чувственным оком ни себя, [то есть наружность], ни чего-либо иного, но часто отвлекаемый и от чувств [действующим] в нем светом, потому что тогда ум становится невещественным, световидным и невыразимо соединенным с Богом в один дух.

117. Есть семь взаимно входящих и друг от друга порождающихся, но различных способов, ведущих и руководствующих к ниспосылаемому Богом смирению: молчание, смиренномудрие, смиреннословие, смиренная одежда, самоунижение, сокрушение духа и отнесение себя [всюду] к последним. Разумное молчание рождает смиренномудрие. От смиренномудрия проистекают[229] три вида смирения: смиренное словопроизношение, смирение и нищета в одежде и постоянное самоукорение. Эти три образа [смирения] дают начало[230] сокрушению, производимому попущением испытаний и называемому промыслительным наказанием и

[228] Ὑπὸ κάτω τῶν ποδῶν αὐτῶν.
[229] Τίκτονται.
[230] Τίκτουσι.

смирением посредством[231] демонов. Сокрушение [самым] делом легко поставляет душу [в ее чувстве] ниже всех и последней из всех, как раболепствующую всем. Два этих вида приносят совершенное и богодарованное смирение, называемое силой и совершенством всех добродетелей. Оно свое исправление приписывает Богу. Итак, первый из всех [образов смирения] — молчание, от которого рождается смиренномудрие. Это производит[232] три вида смирения; три образуют один[233] — сокрушение. Сокрушение рождает седьмой вид, или подчиненный всем образ первого смирения, которое называют промыслительным. Промыслительное же смирение приносит [в душу] ниспосылаемое Богом совершенное, истинное, необразное смирение. Первое, [то есть промыслительное смирение], возникает при таких условиях. Если человек, предоставленный самому себе, [нравственно] побежден, порабощен и испытывает над собой господство всякой страсти и помысла, то, не встречая помощи ни от дел, ни от Бога и совершенно ни от кого и почти[234] впадая в отчаяние, не может, угнетаемый отовсюду, не сокрушиться. Он считает себя низшим всех и последним рабом[235], худшим самих демонов, как побеждаемый ими и подпавший их тиранству. Это и есть промыслительное смирение. После него[236] Богом подается свыше второе — высшее — смирение, которое представляет собой Божественную силу, действующую во всем и производящую все. Благодаря ей человек, всегда видя себя орудием Божественной силы, совершает с ее помощью удивительные Божии дела.

118. Так как теперь царствует у нас тираническое преобладание страстей вследствие множества искушений, то в нашем роде невозможно найти созерцания существенного[237] духовного света, немечтательного ума и нерассеянного, истинного действия молитвы, текущей всегда из глубины сердца, воскресения и устремления к небу души, ее Божественного изумления и полного восхищения, всецелого духовного выступления из этих чувств мышления, отвлечения от своих сил ума, ангельского духовного движения по Божию мановению, устремленного к беспредельному и непостижимому. Обычно ум более мечтает не о маловажных предметах, а о [значительном] преждевременно. Так он, уничтожая полученное им от Бога малое[238] доброе устроение, бывает совершенно мертв. Потому следует с тщательным рассуждением искать и временно-

[231] Ἐκ.

[232] Τίκτει.

[233] Τίκτουσι.

[234] Μικροῦ δεῖν.

[235] Мы выпустили употребленное святым Григорием слово «всех» ввиду его повторения перед этим. Полностью перевод: «…рабом всех».

[236] Словами: «после него» мы заменили слова «в силу которого».

[237] Ὑποστατικὴν.

[238] Μικρὰν.

го не преждевременно, не отвращаться от находящегося в руках, мечтая об ином. Уму по природе нетрудно строить о вышесказанном мечтательные представления и воображать[239] из них то, что еще не достигнуто. В силу этого рождается немалое опасение за то, чтобы такой [мечтатель] не лишился данного ему духовного сокровища и, обольщенный, не потерял ум, превратившись[240] из безмолвника в праздного мечтателя.

119. Благодать есть не вера только, но и действенная[241] молитва. Она [благодать], заслуживаемая[242] духом посредством любви, явно показывает истинную веру, имеющую жизнь Иисусову. Не видящий веры, действующей в себе, приобрел веру противоположную — мертвую и безжизненную. Пусть даже и верующим не называется тот, который верует только бездоказательным словом, а не имеет веры в духе и исполнении заповедей. Итак, надлежит обнаруживать веру успехами в [добрых] делах или иметь ее сияющей и действующей во свете, как говорит апостол божественный: *Покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих* (Иак. 2, 18), оттеняя здесь то, что благодатная вера открывается делами по заповедям, как и заповеди исполняются и сияют верою в благодати. Вера есть корень заповедей или, лучше, источник, напояющий их к возрастанию. Она раздваивается[243] на исповедание и благодать, оставаясь по природе неделимой.

120. Малая и вместе великая и кратчайшая послушническая лествица снабжена[244] пятью ступенями, возводящими к совершенству: первая [ступень] — отречение [от мира], вторая — подчинение [уставам монастырским], третья — послушание [в жизни], четвертая — смирение, пятая — любовь, которая есть Бог. Отречение от ада воздвигает [нравственно] лежащего и порабощенного высвобождает [из-под власти] материи. Подчинение находит Христа и Ему служит, как Он сказал: *Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет* (Ин. 12, 26). Где же Христос? [На небесах] восседает по правую сторону Отца. Там надобно быть и служащему, где Тот, Кому он служит. [Это да помнит] ставящий ногу [на 1-ю ступень] к восхождению. Иногда, [впрочем], человек прежде восшествия этими способами идет уже за Христом и совершенствуется. Послушание, действуя всецело по заповедям, строит лествицу из различных добродетелей и их полагает в душе, как ступени. Снимая с этой [лествицы] послушного[245], возвышающее смирение несет его вверх — к небу, передает царице добродетелей — любви и,

[239] Ἀναπλάττειν — букв.: сформировывать.
[240] Γενόμενος.
[241] Ἐνεργουμένη.
[242] Ἐνεργουμένη — букв.: производимая.
[243] Δύο διαιρουμένη.
[244] Κέκτηται — букв.: обладает.
[245] Ἐξ ἧς τοῦτον ἀναλαβοῦσα.

приводя ко Христу, представляет Ему. Так легко восходит к небу истинный послушник по короткой лествице.

121. К царским чертогам на небе[246] нет иного кратчайшего пути малою лествицею добродетелей, кроме [пути] уничтожения пяти противоположных послушанию страстей, именно: преслушания, противоречия, самоугождения, самооправдания и гибельного самомнения. Они суть члены и части непокорного демона, который, поглощая своих незаконнорожденных детей[247] из послушников, отсылает их в бездну к змию. Непослушание — уста ада, противоречие — острый, как меч, его язык, самоугождение — его отточенные зубы, самооправдание — его гортань, отсылающее к аду самомнение — дыхание[248] его всеядного чрева. Но, кто первое побеждает послушанием, тот и остальное отсекает одним ударом и одной степенью [добродетелей] быстро возвышается к небесам. Подлинно неописуемое и непостижимое чудо! И его совершил наш человеколюбивый Господь. [Отныне] можно немедленно восходить на небеса путем одной добродетели или, лучше, заповеди, подобно тому как одним преслушанием мы ниспали и низвергаемся во ад.

122. Как бы особым двойственным миром является человек и именуется, по божественному апостолу, новым. *Кто,* говорится, *во Христе, тот новая тварь* (2 Кор. 5, 17). Небом, землей и всем называется и бывает человек по добродетели. Для него, как замечает Богослов, все говорится и совершается всякая тайна. Притом так как, по апостольскому слову, *наша бранъ не против крови и плоти, но против началъств, властей тъмы* этого века и против поднебесных духов злобы воздушного князя (Еф. 6, 12), то, согласно этому, и в природе наших душевных сил, как в ином великом мире, должны быть наши тайные противники. И действительно, против трех [сил души] три князя [злобы] совершают нападки, противостоя подвижникам. Кто [из них] в чем делает успехи и над чем трудится, в том и испытывает борьбу. Змий, князь бездны, предпринимает военное выступление против внимательно относящихся к сердцу, как имеющий [основание] своей силы на страстных чреслах (см.: Иов 40, 11) и пупе[249]. Чрез сладострастного исполина забвения метает он [в них] жгучие тучи пламенных стрел и, имея как бы некоторое море безбрежной похоти, входит в него, пресмыкается в нем, волнует его, пенит, доводит до кипения и воспламеняет [искушаемых] ко смешению, наводняя их потоками услаждений, и переполняет ими до ненасытимости. Князь этого мира нападает на стремящихся к деятельной добродетели, как поддерживающий[250] борьбу против раздражительной си-

[246] Ἄνω — букв.: вверху.
[247] Τοὺς νόθους.
[248] Διάπνευσις.
[249] Ὀμφαλοῦ.
[250] Ἔχων.

лы. Чарами всякого рода страстей чрез исполина нерадения ведет он хитро [войну] в раздражительной силе, как бы в другом мире — на месте зрелищ или арене. Он побеждает или побеждается всегда мужественно противоборствующими ему, приготовляя им или венки, или стыд пред лицом ангелов. Направляя на них свои полки, он сражается с ними [неусыпно]. Воздушный князь приражается к занимающим свой ум созерцанием, представляя им фантастическое во время приближения с лукавыми воздушными духами к мыслительной и умственной частям души. Посредством исполина неразумия он омрачает возмущением высокий ум, как другое — мысленное — небо, ложно представляя туманные образы и превращения духов, наводя страх призрачными молниями, громом, бурей и треском. Очевидно каждый из трех князей, ведя борьбу с соответствующей силой [трехчастной души], противостоит ей. И кто [из демонов] с какой частью [души] воюет, против той и выступает на состязание.

123. И они [духи злобы] были некогда умами, но, ниспав из этой нематериальности и тонкости, каждый из них приобрел некоторую вещественную грубость, оплотянившись по тому порядку или свойству действия, от которого получил свои качества. Так как демоны[251], подобно человеку лишившиеся ангельского блаженства[252], утратили [способность] наслаждения Божественным, то стали испытывать сладость, как и мы, в земном, сделавшись некоторым образом материальными вследствие склонности к вещественным[253] страстям. И не следует удивляться этому, ввиду того что и наша разумная и мыслящая душа, созданная по образу Божию, забывши Бога, стала скотской, бесчувственной и почти безумной от наслаждения вещественными[254] делами, потому что обычно навык преобразует природу и изменяет ее действия сообразно свободному решению воли. Одни из [злых] духов в некоторой степени вещественны, несносны[255], необузданны, сладострастны, мстительны и, как некоторые плотоядные звери, влекутся к материальному удовольствию и наслаждению. Как псы к крови, так они выказывают свою любовь ко вкушению гнили вместе с [прочими] одушевленными [существами]. Их плоть, наслаждение и жилище вещественны и грубы. Иные [демоны] распутны и падки на плотскую страсть, как пиявки, лягушки и змеи в болотной воде. Иногда они изменяются в рыб, следуют за едким удовольствием распущенности, как бы опытно ощущая его, и плавают в море опьянения. Будучи, как говорят, по природе ленивыми и изнеженными, [эти бесы] радуются изнеживающему действию неразумных удо-

[251] Αὐτοί — букв.: эти.
[252] Ἡδονὴν.
[253] Ὑλικῶν.
[254] Ὑλικῶν.
[255] Βαρέα.

вольствий и возбуждают всегда в душе волны помыслов, нечистых мечтаний, треволнений и бурь. [Некоторые демоны], как воздушные духи, легки и тонки. Они отвлекают душу от созерцания, навевают [на нее] как бы своего рода знойные ветры и мечтания, для прельщения души ложно превращаются то в птиц, то в ангелов. Рисуя[256] в [человеческой] памяти виды некоторых известных предметов, они преображают и извращают всякое духовное созерцание, особенно тех [подвижников], которые борются с ними прежде очищения и духовного рассуждения. Нет ничего духовного, во что бы ни преобразовались тайно [демоны] в воображении. В противовес внутреннему [человеческому] состоянию в мере нравственной высоты они вооружаются и помещают в душах наносимое, то есть прелесть взамен истины, фантастические образы взамен созерцания. Об этом ясно свидетельствует Писание, говоря, что духи злобы делаются явными [в образе] полевых зверей, птиц небесных и пресмыкающихся земли (см.: Ос. 2, 18).

124. Возмущение страстей и плотская война, возбуждающаяся против души, происходят у нас в пяти видах: иногда существующим[257] злоупотребляет плоть; иногда она стремится к противоестественным действиям, как к свойственным природе; иногда, приятно сдружившись с бесами, бывает ими восстановляема против души. Случается же, что душа и сама по себе допускает беспорядочность, как определившая себя страстями. Наконец, возникает борьба и от зависти бесов, которым для нашего смирения попускается нам противиться, когда всеми вышеупомянутыми способами они не достигают [искусительной] цели.

125. Основных причин духовной войны, являющихся у нас от всего и чрез все, три: склонность, злоупотребление существующим и, по допущению, зависть и борьба бесов. Сладострастное возбуждение и восстановление плоти на душу и души на плоть имеют тот же самый характер по навыку и проявлению, какой имеет [мятеж] страстей плоти против души и доблестная борьба души против плоти. Сам враг наш, как бесстыдный, иногда непредвиденно и беспричинно начинает дерзко бороться с нами. Не давай же, друг мой, кровожадной пиявке пить кровь из артерий, потому что она никогда не может изблевать крови. Не допускай и змия с драконом до пресыщения перстью — и легко раздавишь гордыню льва и змия. Воздыхай, пока, сложивши с себя земное[258], не укроешься в вышнем жилище и не преобразишься по образу Иисуса Христа, тебя создавшего.

126. Подлинно совершенной плотью и самолюбием [воплощенным] являются те, которые всегда порабощены наслаждению и славолюбию. В них и зависть пустила корни. Изнуренные злорадством и объятые

[256] Εἰδοποιοῦντα.
[257] Οὖσι.
[258] Ἐκδυθεὶς.

огорчением [по поводу] счастья ближнего, они клевещут на доброе [в нем] как на злое и действительное порождение прелести, не принимают и не веруют в то, что от Духа, и по маловерию не способны ни усмотреть, ни познать Бога. Таковые по своему ослеплению и маловерию справедливо услышат там: *Я не знаю вас* (Мф. 25, 12). Но спрашивающий [о спасении] верный должен или, слушая, верить в то, чего не знает, или изучать то, чему верит, и наставлять постигнутому принимающих [проповедь] с верою, умножая в них талант без зависти. Если же кто не верует в то, чего не знает, и унижает непостигаемое или учит тому, чего сам не изучил, клевеща на преподающих наставление от опыта, тот получит свою полную часть с унаследовавшими[259] в наказание горькую желчь.

127. По мнению истинно премудрых, оратором является тот, кто кратко, посредством общего познания[260], мысленно обнимает существующие вещи. Их, как одно тело, он разделяет и слагает, показывая, что они равносильны[261] по различию и тождеству. Или еще: оратор, по справедливости называемый основательным[262], есть истинно духовный [человек], который, как учитель красноречия, общеупотребительными словами членораздельного голоса разделяет и соединяет пять различных общих и совокупных качеств вещеи, объединенных вочеловечившимся Словом. Постигая их все, он не только обнаруживает их пред другими чистым доказательным словом, но, по выражению внешних учителей, даже может иных просветить являемыми ему в духе созерцаниями. Настоящий философ есть тот, который из [наблюдения] предметом выразумевает их причину или от причины пришел к познанию существующего по непостижимому для ума их единству и своей непосредственной вере; который не только знает, но и испытывает Божественные вещи. Также истинным философом является имеющий деятельный, созерцательный и покорный ум. Превосходный же философский ум свойствен тому, кто оказал успехи в нравственной, естественной и Божественной философии, особенно же в любви к Богу, и [кто] из нравственной философии научен Богом делам, из естественной — речам о природе, из Божественной — созерцанию и непререкаемой истине[263] догматов.

Далее, божественный из божественных есть тот оратор, который истинно существующие вещи отделяет от существующих и несуществующих, свойства тех изъясняет из этих и по Божественному вдохновению усматривает свойства этих на основании тех. Он [оратор] распознает ду-

---

[259] Ἐχόντων — букв.: с имеющими.
[260] Ἐπιστήμης.
[261] Ὁμοδύναμα.
[262] Ἀποδεικτικῷ. Слова «по справедливости называемый основательным» мы перенесли из предшествующей фразы для удобства понимания.
[263] Ἀκρίβειαν.

ховное и невидимое из чувственного и видимого и чувственный и видимый мир из невидимого и сверхчувственного, потому что видимое — образ невидимого и невидимое — первообраз видимого. Представлены нам, говорит некто, образы необразных вещей и виды безвидных, чтобы тот [образный мир] духовно открылся чрез тот [необразный], а тот — чрез этот и [чтобы] мы отчетливо могли видеть [оба мира] совместными или один и другом, изъясняя[264] их словом истины. Оратор представляет сияющее, как солнце, познание не таинственными и иносказательными словами, но посредством духовного [своего] ведения и силы. С величайшей выразительностью он истолковывает и показывает свойства обоих миров, так как один из них служит нам путеводителем, другой же — вечным Божественным домом, приготовленным очевидно для нас. Божественный философ есть тот, кто чрез деятельность и созерцание непосредственно соединившись с Богом, сделался Его другом и называется таковым, как сдружившийся и полюбивший изначальную[265], творческую и истинную Премудрость выше всякой иной дружбы, мудрости и знания. Филолог, а не совершенный философ (хотя слава тайно присвоила ему имя философа, как говорит великий Григорий) есть любящий и исследующий мудрость [устройства] творений Божиих, но, по сказанному в конце этого [творения], упражняющийся в этом любомудрии не тщеславно, [не] ради похвалы и человеческой славы, чтобы быть любителем не вещества, а естествоиспытательной премудрости Божией.

Книжником же состоит[266] изучивший относящееся к Царству Божию, деятельно занимающийся созерцанием Бога и пребывающий в безмолвии, который из сокровищницы своего сердца выносит новое и старое, то есть евангельское и пророческое, [учение], новозаветное и ветхозаветное, теоретическое[267] и деятельное или законное и апостольское. Эти новые и ветхие тайны деятель-книжник и распространяет, познавши их с помощью богоугодной жизни. Итак, книжник — весь практик и упражняется в телесной деятельности. Божественный же оратор есть тот, который естественно занимает среднюю позицию между познаниями и свойствами вещей и все духовно доказывает разделительной силой слова. Наконец, истинным философом является тот, который явно и непосредственно в себе самом имеет сверхъестественное соединение с Богом.

128. Без Духа пишущие, говорящие и намеренные созидать Церковь душевны и не имеют Духа (см.: Иуд. 1, 19), как где-то сказал божественный апостол. Они[268] подпадают проклятию того, который утверждал:

---

264 Ἐμφανῆ ποιεῖν.

265 Πρώτην.

266 Ἐστίν.

267 Διδασκαλικά.

268 Τοιοῦτι — букв.: эти.

«Горе мудрым пред лицом себя самих и разумным пред собою» (см: Ис. 5, 21). И говорят они от себя самих, а не Дух Божий, по слову Господа (см.: Мф. 10, 20), говорит в них. Проповедующие от собственных мыслей прежде очищения введены духом самомнения в заблуждение. Об этом притча гласит: «Видел я человека, мнившего о себе, что он мудр. Безумный же имеет более его надежду» (см.: Притч. 26, 12). И еще завещает нам Премудрость: *Не мечтайте о себе* (Рим. 12, 16). Сам исполненный Духа, божественный апостол объявляет, говоря: *Мы сами неспособны были помыслить что от себя, но способность наша от Бога* (2 Кор. 3, 5). И еще: «Мы говорим как бы от Бога пред лицом Божиим во Христе» (см.: 2 Кор. 12, 19). Слова вышеназванных[269] [гордецов] неприятны и несветоносны, потому что они произносят их, заимствуя не из живого источника Духа, но из своего сердца как некоторого тинного болота, питающего змей, пиявок и лягушек плотских страстей, надменности и невоздержания. Вода их знания зловонна, мутна и тепловата, и пьющие ее, испытывая головокружение, омерзение и тошноту, отвращаются от нее.

129. «Мы — тело Христово, — говорит божественный апостол, — и члены порознь» (см.: 1 Кор. 12, 27). И опять: *Одно тело и один Дух* (Еф. 4, 4), как и названы. Как тело без духа мертво и нечувствительно, так и умертвивший себя страстями чрез нерадение о заповедях по крещении становится чуждым действия [благодати] и непросвещенным Святым Духом и Христовой благодатью. В силу веры и возрождения он имеет духа, но [дух] в нем недвижим и недеятелен вследствие его душевного омертвения. Душа [у человека] одна, но членов тела много. И всеми она владеет, животворит их и движет способных принимать жизнь. Те же члены, которые по какой-либо случайной болезни иссохли, [те] она хотя и держит собой, но безжизненными и бесчувственными, как мертвые и неподвижные. Так и Дух Христов, весь пребывая во всех членах Христовых неслитно[270] и действуя, оживотворяет те из них, которые в состоянии быть участниками [благодатной] жизни, и по немощи разобщившихся с Ним человеколюбиво удерживает, как собственные члены. Потому всякий верный[271] есть участник сыноположения Духа по вере, но остается без действия Его и непросвещенным, лишившись света и жизни Иисусовой вследствие беспечности и неверия. И, несмотря на то что каждый верный — член Христов, имеет Духа Христова, тем не менее иной пребывает неоживленным действием и движением благодати, как неспособный к ее приятию.

---

[269] Τοιούτων — букв.: таковых.
[270] Ἀμιγῶς.
[271] Πιστὸς.

130. Мы утверждаем, что существует восемь основных[272] предметов созерцания: первый — Бог безвидный, безначальный, несотворенный, Причина всего, Троическое Единое и пресущественное Божество; второй — порядок и строй [жизни] разумных сил; третий — устройство существующего; четвертый — домостроительное схождение Слова; пятый — общее воскресение; шестой — страшное второе Христово пришествие; седьмой — вечное мучение; восьмой — Царство Небесное. Четыре [первых предмета созерцания] — прошедшие и уже бывшие, и четыре [последних] — будущие и еще не осуществившиеся. Все они ясно созерцаются и находятся [в памяти] у приобретших с помощью благодати полное очищение ума. Приступающий к ним без света [благодати] пусть знает, что он построяет фантастические образы, а не созерцания, обольщая себя и обольщаясь мечтательным духом.

131. Здесь по возможности необходимо сказать и о прелести, так как по богатству[273] и разнообразию своих козней и засад она многими нелегко распознается и почти непостижима. Прелесть, говорят, обнаруживается в двух видах или, лучше, приходит[274] и приражается в отношении к мечтанию и действиям [людей], хотя начало и причину имеет в одной гордости. Первый вид [прелести] бывает началом второго, а второй — началом третьего или исступления. Началом фантастического созерцания является самомнение, обусловливающее представление Божества под каким-нибудь образом. За самомнением следует прелесть, [ведущая] к заблуждению по причине мечтательности. Мечтательная прелесть порождает хулу, и после того от необычайных признаков во время бодрствования она производит робость, называемую трепетом и смущением души. Таким образом, за чрезмерной гордостью следует прелесть, за прелестью — хула, за хулой — робость, за робостью — трепет, за трепетом — противоестественное исступление ума. Это первый образ прелести от мечтаний. Второй вид прелести по отношению к действиям таков. Свое начало он имеет в сладострастии, рождающемся обычно от естественной плотской страсти. От сладострастия же происходит необузданный порыв к невыразимой безнравственности. Он, разжегши всю природу и потемнив владычественный ум соединением с воображаемыми идолами, приводит его в исступление и опьянением от своего разжигающего влияния делает его помешанным. [Тогда прелестник] пытается предрекать лживые прорицания, пророчески объявляет о видениях некоторых святых и речах их, чрез него открытых, и, опьянев от волнения страсти, изменяется по характеру, как бесноватый[275]. Миряне, обманывающиеся прелестью, называют таковых юродивыми. [Прелестни-

[272] Γενικάς.
[273] Πολυμήχανον.
[274] Ἐπέρχεται.
[275] Δαιμονιώδη.

ки] обосновываются и пребывают при храмах некоторых святых и возвещают что-либо людям благодаря тому, что ими обладают демоны, воздействуют на них и их мучат. [Подобных лиц] следует в полном смысле слова[276] называть бесноватыми, прельщенными и порабощенными прелести, а не пророками, прорицающими настоящее и будущее. Сам бес распутства, омрачив их ум сладострастным огнем, вводит их в исступление, мечтательно показывая им некоторых святых, представляя видения и различные беседы. Но случается, что и сами бесы являются к ним, удручают их страхом и, подчинив игу сатаны[277], принудительно движут их на греховные действия, чтобы до конца иметь их пленниками и рабами, предназначаемыми для мучения.

132. Надобно знать, что прелесть имеет три первоначальные причины, по которым она возникает у людей: гордость, бесовская зависть и карающее попущение. Причины же этих [оснований прелести] следующие: гордости — легкомыслие, зависти — совершенствование, карающего попущения — греховная жизнь. Прелесть от зависти и гордого самомнения получает быстрое исцеление, особенно если кто смирится. Но прелести в виде наказания или предоставления сатане за грех Бог попускает продолжаться иногда до самой смерти. Случается, что и невинные предаются на страдания в целях [их] спасения. Надлежит знать, что сам демон самомнения предсказывает [иногда] в тех, которые тщательно не следят за своим сердцем.

133. Все благочестивые цари и иереи истинно помазуются в новой благодати[278], как некогда преобразовательно древние. Последние были прообразами для нашей истины и не отчасти[279], а все предзнаменовали всех нас, потому что наше царство и священство с теми [древними] не имеют совпадения и однородности, хотя образы их одни и те же. У нас не разграничиваются природой помазание или благодать и призыв к помазанию, но мы обладаем одним и тем же знанием, верой и образом. А из слова истины ясно и известно то, что чистое, бесстрастное и все святейшее в настоящем и будущем веке всецело посвящено Богу.

134. Тот устами теперь изрекает премудрость и размышлением сердца — знание (см.: Пс. 48, 4), кто ясно покажет из существующего Бога Слова Ипостасную Премудрость Бога и Отца и [кто] разумом усматривает в вещах оттиски первообразов[280] и устами при содействии живого слова проповедует мудрость от[281] мудрости, сердце же [свое] ос-

[276] Κυρίως.
[277] Βελίαρ.
[278] Ἐν τῇ ἀνακαινίσει — букв.: в обновлении.
[279] Ἐκ μέρους.
[280] Τῶν ἀρχετύπων.
[281] Ἐκ.

вещает силой обновительного духовного ве?дения. [Он] чрез это ве?дение может в слушателях возбудить веру и их просветить.

135. Великая противница истины, влекущая теперь[282] к гибели людей, есть прелесть. В душах беспечных чрез нее воцарилось темное невежество, отдалившее их от Бога, так что они не знают, есть ли Бог, нас возбудивший и просветивший, или познают и веруют в Него одним лишь бездоказательным словом, а не делом, явление Его усвояют не нам, а одним древним. Свидетельства Писания о Боге они приписывают другим авторам, не высказывавшим их, и славу Божию, как говорит Писание (см.: 2 Петр. 2, 10), хулят. Они совершенно отрицают познание благочестия, изъясняют Писание только чувственно, чтобы не сказать иудейски, и, отвергая пробуждение души еще здесь чрез воскресение, безумно стремятся покоиться в могилах. С таким прельщением неразлучны три страсти: неверие, коварство и беспечность. Они порождают и поддерживают друг друга. Неверие есть учительница коварства, а коварство — спутница беспечности, которое ведет к совершенной лености[283]. Или, наоборот, беспечность есть породительница коварства, как и Господь сказал: *Раб лукавый и ленивый* (Мф. 25, 26). Коварство — мать неверия, потому что всякий коварный неверен, неверующий же небогобоязнен. От небогобоязненности проистекает беспечность — мать небрежности, по которой мы не заботимся о всяком добре и совершаем разнообразное зло.

136. Истинное боговедение[284] и верное познание [истины] составляет совершенное православие догматов. Потому всякий должен так славословить Бога: «Слава Тебе, Христе, Боже наш, слава Тебе! Ты вочеловечился ради нас, пресущественный Бог Слово. Велико таинство Твоего домостроительства. Спаситель наш, слава Тебе!»

137. По великому Максиму, есть три великие цели составления писаний безупречных и непогрешимых: первая — себе на память; вторая — к пользе других; третья — в силу послушания, по которому составлено весьма много писаний для тех, которые смиренно ищут слова [истины]. Пишущий же по человекоугодию, для славы и выказывания своих добродетелей теряет, говорю, награду свою. Он ни здесь не получит никакой пользы, ни в будущем — блаженного воздаяния, но осудится, как льстивый корыстолюбец, торгующий словом Божиим.

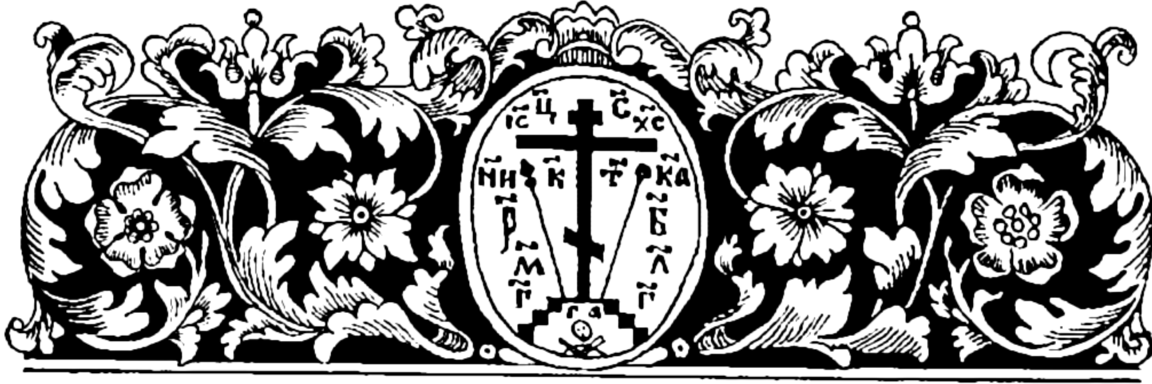

---

[282] Σήμερον.

[283] Ἧς ἡ ὀκνηρία σύμβολον — букв.: которое является знаком совершенной вялости.

[284] Δόξα περὶ θεοῦ.

Того же другие гла́вы [285]

Всякий крещенный во Христа должен достигать всех Христовых возрастов, потому что он уже́ предвосхитил их силу и посредством заповедей может их найти и усвоить. Зачатие [в жизни христианина] есть залог Духа, рождение — действие радости, крещение — очищающая сила огня Духа, преображение — созерцание Божественного света, распятие — умерщвление для всего [греховного], погребение — охранение в сердце Божественной ревности, воскресение — животворное пробуждение души́, вознесение — исступление и восхищение ума к Богу. Кто̀ не приобрел и не ощутил [названных состояний][286], тот еще и телом и духом младенец, хотя считался бы всеми старцем и деятельным.

2. Страдания Христовы сообщают животворное умерщвление тем, которые все их [как бы] претерпевают, чтобы, сострадая [Христу, с Ним] спрославиться. Страдания же от [неумеренных] наслаждений приобретают убийственное умерщвление для принимающих их, потому что лишь добровольное несение Христовых страданий есть распятие распятия и умерщвление умерщвления.

3. Страдать для Христа — значит выдерживать всё случающееся. Неповинным зависть служит к пользе, а нас, виновных, обличение обращает и наказание Господне открывает наш слух[287] к добру́. Потому претерпевшим всё Господь обещает венец во веки веков. Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе, Троица Святая! За всё слава Тебе!

О страстном изменении.

4. Уныние — эта с трудом побеждаемая страсть — расслабляет тело; в изможденном же теле расслабляется[288] и душа́. Когда оба [тело и

---

[285] Текст по изданию «Преподобный Григорий Синаит. Творения» (перевод с греческого и примечания епископа Вениамина (Милова). По структуре повторяет текст в славянском Добротолюбии.

[286] Ταύτας — букв.: их.

[287] Τὰ ὦτα — букв.: уши.

[288] Συγχαυνοῦται.

душа́] приходят в изнеможение, тогда состояние те́ла изменяется от сладострастия. Сладострастие возбуждает нечистое плотское влечение, похотливое плотское влечение [вызывает] воспламенение, воспламенение — бурное восстание[289], восстание приводит в движение память, память — мечтательность, мечтательность — прилог, прилог — сочетание, сочетание — согласие, согласие же выполняет дело или посредством те́ла, или многообразными способами. Та̀к падает побежденный человек.

О до́бром изменении.

5. Терпение во всяком деле рождает мужество, мужество — ревность, ревность — самообладание, самообладание — напряжение, напряжение деятельности или ее возрастание усыпляет невоздержанность те́ла и укрощает сладострастность плотского влечения. Укрощение влечения [плоти] возбуждает тоску, тоска — любовь, любовь — негодование, негодование — горячность, горячность — пробуждение, пробуждение — усердие, усердие — молитву, молитва — безмолвие. Безмолвие рождает созерцание, созерцание — знание, знание — обладание тайнами. Конец тайн — богословие, плод же богословия — совершенная любовь, [плод] любви — смирение, смирения — бесстрастие, бесстрастия же — предви́дение, пророчество и предузнание[290]. Здесь же никто не имеет ни совершенной добродетели, ни уменьшает пороков зараз, но обладает и добродетелью, незначительно[291] возрастающей, и злом, мало-помалу приходящим к небытию.

Об искушениях во сне [292].

6. ***Вопрос:*** каким образом происходит поллюция греховная[293] и негреховная?

Ответ: греховная совершается трояко: от блуда, самоудовлетворения[294] и согласия с помыслами. Негреховная [поллюция] случается седмикратно: чрез мочу, от пи́щи, обременяющей [желудок], от возбуждений, благодаря холодному напитку и рыхлости те́ла, от неумеренного труда и, наконец, по причине разнородных мечтательных о́бразов, возбуждаемых демонами. У подвижников, состарившихся в добродетелях, [поллюция] случается первыми пятью вышеозначенными способами. У бесстрастных же слизистая материя несмешанно вытекает единственно с мочой, потому что вследствие многих богоугодных действий по очище-

[289] Τὴν ἐπανάστασιν.
[290] Πρόγνωσις.
[291] Μικρὸν.
[292] Этой и следующей главы (6-ой и 7-ой) нет в славянском Добротолюбии.
[293] Ῥευστικὴ ἁμαρτία.
[294] Ἐν μαλακία.

нию и освящению у них являются как бы редкие тайные поводы [к поллюции] и им дана благодать воздержания[295] от нее. Последний же вид — мечтательного истечения во сне — имеет место[296] у страстных и физически слабых. Однако и этот вид, как невольный, по словам отцов, негреховен.

Согласно с Промыслом, бесстрастному свойственно безгрешное истечение чрез [известные] промежутки вре́мени, когда остальная семенная материя истребляется Божественным огнем. У подвижника-деятеля необходимость [истечения] многообразна и освобождение [от материи] невинно[297]. Страстному присуще двоякое истечение: свободное[298] и обусловленное[299], согласно с мечтательностью во сне или при бодрствовании. Из [них] первое безупречно, второе же греховно и нуждается в епитимиях.

Бесстрастные имеют одно истечение и освобождение те́ла [от материи] — по Промыслу чрез вещество мочи́. Как излишек [материя], истребляемая у них Божественным огнем, изливается и уничтожается по вышеуказанному [способу]. У деятелей и средних существует, я говорю, шесть по́водов к неизбежному «текучему движению», посредством которых тело очищается и освобождается от соблазняющего[300] вещества и от естественных и необходимых потребностей, именно: тяжелая пи́ща, возбуждение, вследствие холодного напитка, слабости организма[301], неумеренных трудов. И наконец, природа терпит [истечение] по своей собственной[302] вине — от зависти бесов.

Равным образом немощные и новоначальные имеют шесть страстных причин [истечения]: чревоугодие, пустословие, осуждение, тщеславие и еще два — согласие с мечтаниями и нападение бесов по зависти. Промыслу же, неизменно наблюдающему за ними[303], свойственно освобождать их природу от [источника] разврата, вкравшихся в нее чуждых излишков и животных[304] влечений и учить их тщательному упражнению в смирении и совершенному обузданию себя во всём.

7. Находящийся в уединении и питающийся подаянием[305] должен принимать милостыню при семи условиях: во-первых, просить полезного; во-вторых, употреблять с пользой; в-третьих, принимать получаемое

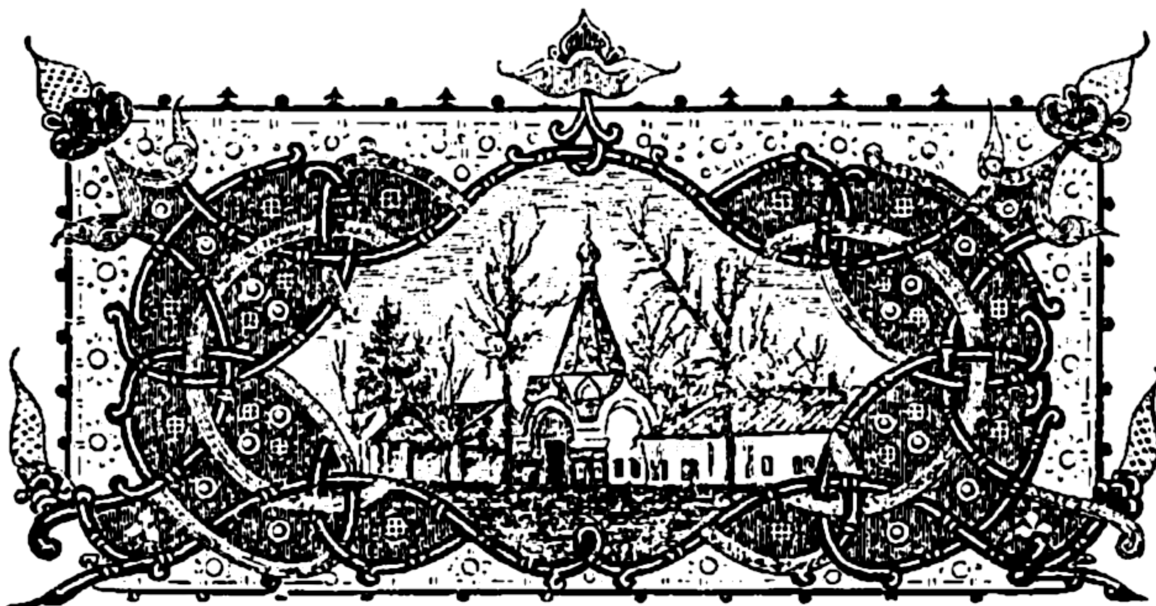
---

[295] Σωφροσύνης.
[296] Ἐστι.
[297] Ἄμεμπτος.
[298] Ἀπόρροια.
[299] Δύσροια.
[300] Φθοροποιοῦ.
[301] Φύσεως.
[302] Δι᾽ ἑαυτῆς.
[303] То есть за новоначальными и немощными.
[304] Ἀλόγων — бессловесных.
[305] Ἐσθίων ἀγάπην.

как бы от Бога; в-четвертых, верить, что Бог есть мздовоздаятель; в-пятых, быть исполнителем Его заповедей; в-шестых, не допускать пренебрежения ими; в-седьмых, не быть алчным, но уделяющим [милостыню другим] и сострадательным. Ограничивший себя такими правилами[306] радуется тому́, что̀ руководится Богом, а не людьми.

306 Ὁ γὰρ ἐν τούτοις τοιοῦτος.

Обстоятельное рассуждение [307] о безмолвии и молитве, сверх того о признаках благодати и прелести и о том, какое различие горячности и энергии и как легко впасть в прелесть без руководителя, 10 глав [308].

Нам следовало бы, о знаменоносец Лонгин, сказать, согласно великому Учителю, что для нас не надобно пособия от Писания и различных отцов, но быть, таким образом, наученными Самим Богом. *И будут*, говорится, *все научены Богом* (Ин. 6:45), то есть как бы от Него и чрез Него. [Непосредственно] же узнать и изучить полезное удостоились не только мы [безмолвники], но и всякий, кто̀ бы то ни был из верующих, так что закон Духа но́сится начертанным на скрижалях сердец наших и мы[309] херувимски удостаиваемся беседовать с Иисусом посредством чистой молитвы, что̀ весьма дивно. Так как в момент возрождения мы — младенцы, не понимающие благодати, не усматривающие обновления и не сознаю́щие ни чрезвычайных величия и славы, которые мы получили, ни обязанностей душевно и духовно возрастать путем [исполнения] заповедей и разумно знать, что̀ мы приняли, то многие из нас по беспечности и страстному навыку впадают в бесчувственность и омрачение. Мы не помним ни того, есть ли Бог, ни того, кто̀ мы и какими стали, сделав-

---

[307] В слав. Добротолюбии «Ведение известное».

[308] Текст по изданию «Преподобный Григорий Синаит. Творения» (перевод с греческого и примечания епископа Вениамина (Милова). По структуре повторяет текст в славянском Добротолюбии.

[309] Слово «непосредственно» мы переставили в нача́ло фразы, а в действительности оно стои́т в подлиннике с таким словосочетанием: «...мы непосредственно, херувимски удостаиваемся».

шись сынами Божиими, сынами Света, детьми и членами Христа. Разве мы, если уже́ мужами крещаемся, то лишь [крещаемся] в воде, а не ощущаем и Духа? Если мы в Духе обновлены и, веруя бездоказательной, мертвой и недеятельной верой, утверждаем, что мы находимся в сомнении [относительно своей облагодатствованности], то мы подлинно[310] являемся, таким образом, плотскими, плотски живем и действуем. Когда же раскаиваемся, то лишь внешне[311], а не созна́ем, не выполняем духовно заповедей. И благодать, удостаивающую некоторых своего обнаружения после их многих трудов[312], мы принимаем [очевидно] как обман. Если слышим об ее действии от иных, то по зависти полагаем, что это прелесть. Та̀к до смерти мы остаемся мертвыми — живущими и действующими не во Христе. И, что̀ имели мы, то̀ вследствие неверия или отчаяния во время отшествия [из этого міра] и суда, по Писанию, отнимается от нас (см.: Мк. 4:25), не мысливших, что сообразны отцу должны быть и дети — Божии от Бога и духовные от Духа. *Рожденное от Духа*, сказано, *дух есть* (Ин. 3:6). Но мы — плотские, хотя и предназначены быть верными и небесными, и вследствие этого Дух Божий не пребывает в нас. Потому и предал [нас] Господь разграблениям и пленениям и умножил кровопролития, справедливо желая нас улучшить и научить веровать или залечить [наше] зло сильнейшими целебными средствами.

2. С помощью Бога, дающего слово благовествующим о духовных[313] благах, прежде всего надлежит сказать о том, ка̀к может кто̀ найти или, лучше, уже́ нашел приобретенное, то есть получил чрез крещение Христа в Духе, согласно апостолу Павлу, утверждавшему: «Разве вы не знаете, что Христос Иисус живет в сердцах наших?» (см.: 2 Кор. 13:5). Затем [скажем], ка̀к можно усовершенствоваться и после того сохранить достигнутое[314]. Самый лучший и ближайший[315] путь [к истине] — говорить сокращенно о предельном[316], имеющем громадную широту, вместе с обусловливающим его средним. Многие[317] предавались подвигу до нахождения искомого, далее же не двигались и не заботились об этом. Таковые довольствуются только началом, которое нашли и, претыкаясь, идут ложным путем. Они думают, что шествуют верной доро́гой, а [на деле] увлекаются в сторону[318] от нее. Иные, достигши средней степени просвещения, прежде конца изнемогли, впали в беспечность или, возвратившись к прежнему, из-за нерадивой жизни стали опять новоначальными. Некоторые, вступившие в меру совершенства, становясь по

---

[310] Αὐτόχρημα.
[311] Σωματικῶς.
[312] Κόπων.
[313] Τοιαῦτα — букв.: таковых.
[314] Τὸ εὑρεθέν.
[315] Σύντομος — букв.: краткий.
[316] Τὰ ἄκρα — букв.: крайнее.
[317] Мы опустили слово «потому» в начале предложения.
[318] Ἔξωθεν.

делам равными средним и новоначальным, падают и изменяются в прежнее [состояние] по причине беззаботности и самомнения. Новоначальным же, средним и совершенным свойственны: одним — деятельность, другим — просвещение и последним — очищение души́, или воскресение.

Каким образом достигается действие.

3. Действие Духа, Которого мы таинственно получили в крещении, приобретается двумя способами. Прежде всего следует вообще сказать, что дар [Святого Духа] открывается[319] исполнением заповедей с помощью великого и долговременного труда, как сказал подвижник Марк[320]. И поскольку мы совершаем заповеди, постольку явно озаряет нас [Дух] свойственными Ему блистаниями. Во-вторых, Дух Святой является в послушании чрез познание и непрерывное призывание Го́спода Иисуса, то есть чрез память о Боге. Навыком к первому образу жизни [дар благодати] находится медленнее, навыком же ко второму — ускореннее, если [только] напряженно и терпеливо копать землю в поисках золота [благодати]. И если мы желаем найти и познать истину, не блуждая, то будем стремиться иметь лишь одно сердечное действие, совершенно безвидное и нео́бразное, а мечтательно не станем, [как] в зеркале, усматривать ни о́браза, ни очертания лица́, по-видимому, кого-либо из святых, ни созерцать света, [так как] прелесть, особенно вначале, обыкновенно вводит ум неопытных этими призраками в заблуждение. Будем заботиться[321] только об одном, чтобы иметь совершающимся в сердце действие молитвы, согревающее и радующее ум и воспламеняющее ду́шу к невыразимой любви Бога и людей. Потому видящему происходящее от молитвы [требуется] немалое сокрушение и смирение, тем более что даже у новоначальных молитва есть всегда движущее внутреннее[322] действие Святого Духа, в начале распространяющееся из се́рдца как огонь радости, в конце же проявляющееся как благоухающий свет.

4. Признаки нача́ла [действия] молитвы в тех, которые ищут его правильно, а не как любопытствующие, таковы, согласно Премудрости, сказавшей, что она приобретается теми, кто̀ не испытует ее, и тѐм является, кто̀ в нее верит (см.: Прем. 1:2). В некоторых [действие] ее сказывается[323] как восходящий свет, в других — как трепетная радость, в прочих — как радость, в иных — как смешение радости и страха, в некоторых — как трепет и радость, иногда же — как слёзы и страх. Радуется душа́ промышлению и милосердию Божию, страшится и трепещет Его пришествия, будучи виновной во многих грехах. У иных вначале проис-

---

319 Ἀποκαλύπτεται.

320 Ὁ ἅγιος Μάρκος — букв.: святой Марк.

321 Перед словами «будем заботиться» мы выпустили союз «но».

322 Νοερὰ — букв.: разумное.

323 Ὁρᾶται — букв.: видится.

ходит[324] неописуемое сокрушение и крайнее напряжение[325] души́, подобно ско́рби рождающей и страдающей в муках рождения, по Писанию (см.: Откр. 12:2), так как живое и действенное Слово, то есть Иисус, как говорит апостол, проходит до разделения души́ и те́ла[326], суставов и мозгов (см.: Евр. 4:12), чтобы насильственно отсечь страсти от всех частей души́ и те́ла. В других [подвижниках] просвечивают[327] несокрушимый мир и любовь в отношении всех, в прочих — радость, которую отцы часто называют взыгранием[328], как силу духа, и движением живого се́рдца. Это [состояние] еще именуется биением и дыханием Духа, невыразимо обращающегося от нас к Богу (см.: Рим. 8:26). Исаия называет его волной правды Божией, великий Ефрем — острием[329], а Господь — *источником воды́, текущей в жизнь вечную* (Ин. 4:14). Водой, бьющей в сердце и разливающейся с великой напряженной силой, [Господь] собственно назвал [благодать] Духа.

5. Взыграние[330], или радость, имеет два различия, именно: есть радость спокойного характера, которая именуется биением, воздыханием и рассуждением духа, и есть бурная[331] сердечная радость, называемая игранием [духа], восторженным движением[332], или трепетанием[333], или величественным взлетом живого се́рдца в Божественную воздушную сферу. Окрыляемая ревностью от Божественного Духа и освобожденная от оков страстей, душа́ прежде смерти пытается возвыситься к небу, неудержимо стремясь освободиться от тяжести [те́ла]. Это [переживание] носит название волнения, воскипения и возбуждения духа [соответственно словам]: *Иисус Сам восскорбел духом, сильно возмутился и сказал: гдѐ вы положили его?* (Ин. 11:33, Ин. 11:34). Божественный же Давид указывает на рознь великого и малого восторгов, говоря: *Го́ры прыгали, как овны, и холмы, как агнцы* (Пс. 113:4). Это он сказал о совершенных и новоначальных подвижниках. [Иначе] было бы непонятным, если бы о бездушных, а не об одушевленных[334] гора́х и холмах вспоминал как о прыгающих.

6. Следует знать, что Божественный страх не имеет трепета, но трепетную радость, образующуюся с помощью молитвы в пламени Божественного страха. Здесь я разумею трепет не радости, а гнева или наказания и оставления [свыше]; страх же [предполагаю] не от трепета перед гневом или наказанием, но от мудрости, которая называется началом

---

[324] Γίνεται.

[325] Πόνος — букв.: труд.

[326] Σώματος.

[327] Ὁρᾶται.

[328] Σκίρτημα.

[329] Νυγμὸν.

[330] Мы выпустили в начале гл. 5 слова́: «До́лжно знать, что».

[331] Μέγα.

[332] Ἅλμα — букв.: припрыгивание.

[333] Перед словом «трепетанием» мы выпустили «или же».

[334] Αἰσθητῶν — букв.: чувствующие.

премудрости. Страх, называемый у отцов двойственным, разделяется трояко: на вводный, совершенный и именуемый собственно трепетом, то есть колебанием и сокрушением.

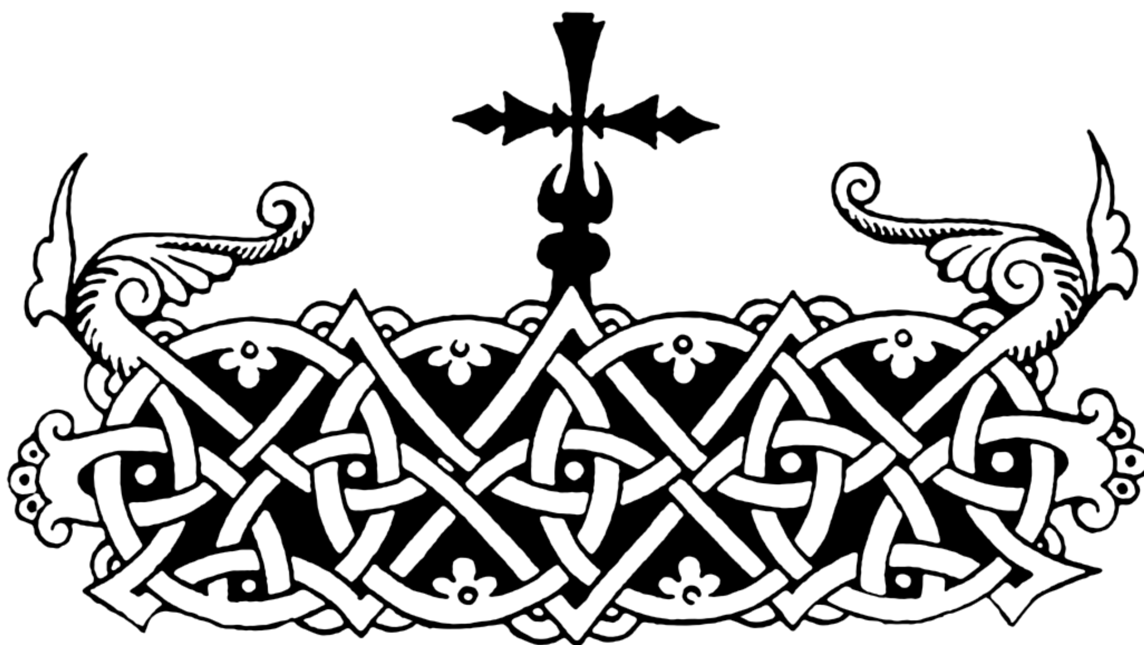
7. Трепет имеет многообразные оттенки[335]: один — от гнева, другой — от радости, следующий — от плотской страсти (когда вследствие избытка крови около се́рдца, как говорят, происходит кипение), иной — от старости, так же от греха или прелести, иной — от проклятия, павшего на человеческий род чрез Каина. Сверх того, в начале подвижника борют[336] трепет радости и трепет от греха. Трепет [по природе своей] бывает не у всех одинаковый. Его признаки двоякие: во-первых, трепетный восторг в великой радости и слезах, которыми благодать утешает ду́шу; во-вторых, неумеренное разгорячение, гордость и жгущее ду́шу жестокосердие, возбуждающее члены [те́ла] к сожительству или к телесной связи и любви и вызывающее разврат чрез согласие души́ с мечтаниями.

8. У всякого новоначального двояко действие [опыта] и без смешения двойственным образом совершается в сердце: одно — от благодати и другое — от прелести. Великий Марк Подвижник та̀к свидетельствует об этом, говоря: «Есть действие духовное и есть сатанинское действие, неизвестное разве младенцу». И еще есть троякая теплота действия, возгреваемая в людях то благодатью, то прелестью и грехом, то переполнением кровью, которое Фалассий Африканский называл растворением и смешением, укрощаемым и усмиряемым умеренным воздержанием.

9. Действие благодати есть сила огня Духа, которая в радости и веселии се́рдца движет, укрепляет, согревает и очищает ду́шу, прекращает как бы на час помыслы и временно умерщвляет телесное движение. Признаки и плоды [благодати], обнаруживающие истину и непоколебимо удостоверяющие нас в ней, таковы: слёзы, сокрушение, смирение, воздержание, молчание, терпение, замкнутость[337] и прочие [добродетели] этого рода.

10. Действие прелести есть воспламенение греха, разгорячающее ду́шу в услаждении, пробуждающее бешеное страстное влечение к плотскому сожительству в телесном движении. По святому Диадоху, беспорядочно и бессмысленно всё, что̀ отличается неразумной радостью, или всё, что̀, по справедливому выражению, непитательно, весьма содействует страстности теплохладными наслаждениями и доставляет похоти при сотрудничестве ненасытного чрева вещество разжигающего удовольствия. Отсюда [действие прелести] привлекает и разгорячает к плотскому смешению и по той причине движет, жжет и приковывает к себе ду́шу, чтобы человек навыком в сладострастии мало-помалу изгонял из себя благодать.

[335] Διαφορὰς.
[336] Πολεμεῖ.
[337] Τὸ κρύπτεσθαι.

Преподобный Григорий Синаит
О безмолвии и двух о́бразах молитвы
в 15-ти главах[338].

Существуют два о́браза единения [с Богом] или, лучше, с двух сторон входы умной молитвы, движимой в сердце Духом. Благодаря им или ум предвосхищает молитву[339] там [в сердце], прилепляясь, по Писанию, к Господу (см.: Пс. 72:28), или предшествующее проявление действия [Святого Духа] привлекает ум огнем веселия и привязывает его к призыванию и единению с Господом Иисусом. Хотя Дух ка каждого действует своеобразно, как желает (см.: 1 Кор. 12:11), по слову апостола, но случается, что у некоторых одно действие Духа предшествует другому, соответственно тем о́бразам [молитвы], о которых мы сказали. Иногда действие совершается в сердце — разумеется, когда уменьшаются страсти и когда открывается Божественная теплота[340] чрез непрерывное призывание Иисуса Христа, *потому что Бог наш*, — говорит Писание, — *есть огонь поядающий* страсти (Евр. 12:29). Но иногда Дух влечет к Себе ум, водружая его в глубине се́рдца и освобождая от привычки к круговращению. Тогда он [ум] ведется пленником уже́ не в Ассирию из Иерусалима, а из Вавилона в Сион и делает лучшее переселение, так что и сам с пророком говорит: «В воз-

---

[338] Текст по изданию «Преподобный Григорий Синаит. Творения» (перевод с греческого и примечания епископа Вениамина (Милова). По структуре повторяет текст в славянском Добротолюбии.

[339] Αὐτήν — букв.: ее.

[340] Θέρμης.

вращение Господом плена Сиона [мы были как бы видящие во сне]» (см.: Пс. 125:1), и еще: *Возрадуется Иаков и возвеселится Израиль* (Пс. 13:7), то есть деятельный и созерцательный разум, с помощью Божией побеждающий страсти путем деятельности. Он видит Бога в созерцании, поскольку оно доступно ему. Тогда в радости от Божественной сладости ум, как бы приглашенный на великолепнейшую трапезу, поет: «Ты приготовил пред лицом моим трапезу в противовес притесняющим меня демонам и страстям» (см.: Пс. 22:5).

Каким образом следует совершать молитву.

2. Соломон сказал: *Утром сей семя твое* — разумеется молитвы — *и вечером не давай отдыха руке твоей*, чтобы молитва, имея случайный перерыв своего постоянства, не лишилась [заслуженного] жребия в час услышания, *потому что ты не знаешь, то̀ или другое будет удачнее* (Еккл. 11:6). С утра, сидя на скамье вышиной в ¾ фута[341], принудь ум из ме́ста начальствования, [или из головы́], сойти в сердце и удержи его в нём. Поникнув же головой как бы от утомления[342], а в груди́, плечах и шее [от напряжения] испытывая чувствительную боль, мысленно или душевно восклицай непрерывно: *Господи, Иисусе Христе, помилуй мя*. Затем посредством самостеснения и утруждения часто и как бы со скорбным расположением духа всегда имей вкушаемыми постоянно наподобие одной пи́щи три имени, [только что упомянутые]. Вкушающие меня, говорится, будут алкать еще более (см.: Сир. 24:23). Переведя ум на другую половину молитвы, говори: *Сыне Божий, помилуй мя*. Многократно прочитывая эту половину [молитвы], ты не должен часто по лености переменять ее [на первую]. И растения, пересаживаемые часто, не укореняются. Далее, сдерживай дыхание легких, чтобы не дышать без необходимости, так как слышание вылетающих из се́рдца вздохов омрачает ум, рассеивает мысли и, изгоняя ум из се́рдца[343], предает его плену забвения или вместо того незаметно настраивает его на заботливость о друго́м, чего приобретать не следует. Если же увидишь нечисто́ты коварных ду́хов, то есть помыслы, восстающие или преобразующиеся в твоем уме, не изумляйся, не останавливайся на них, хотя бы тебе вспоминались[344] и добрые объяснения некоторых веще́й, и не вникай в них, но, насколько возможно сдерживая дыхание, заключая ум в сердце и повторяя без перерыва постоянно призывание Го́спода Иисуса, ты скоро пожжешь и оттеснишь помыслы, невидимо бичуя их Божественным именем. Потому и Лествичник говорит: «Именем Иисуса бей

[341] Σπιθαμιαία — букв.: в одну пядь (½ локтя или 25 см).
[342] Ἐμπόνως — букв.: трудолюбиво.
[343] Ἐκεῖθεν — букв.: оттуда.
[344] Ἀναφαίνωνται — букв.: являлись.

врагов, так как ни на небе, ни на земле нет никакого более крепкого оружия».

О дыхании.

3. Что ты должен сдерживать дыхание, об этом свидетельствуют отшельник Исаия и многие другие. Исаия говорит: «Сдерживай неудержимый ум, который теснится и рассеивается вражескою[345] силою, после крещения снова возвратившеюся с другими злейшими ду́хами в ленивую ду́шу по ее беспечности». И, как замечает Господь, *бывает последнее хуже первого* (Мф. 12:45). Другой [святой отец] также учит: «Память о Боге монах должен иметь вместо дыхания». Или, по слову иного [аскета], «ты должен иметь любовь к Богу, предвосхищающую собственное дыхание». И Новый Богослов [так наставляет]: «Убавляй втягивание ноздрей, чтобы не дышать без необходимости». А Лествичник [говорит]: «Память об Иисусе пусть соединится с твоим дыханием, и тогда узна́ешь ты пользу безмолвия». Апостол [о том же свидетельствует так]: *Уже́ не я живу́, но живет во мне Христос* (Гал. 2:20), действуя и вдыхая Божественную жизнь. И Господь говорит, взяв пример от дуновения чувственного ве́тра: *Дух дышит, где хочет* (Ин. 3:8). Так как мы, очищенные [крещением], получили залог Духа и приняли, согласно брату Божию Иакову, слово как посеянное семя (ср.: Иак. 1:21), то всё это, как бы соединившись с нами, некоторым образом нас обожает в нераздельном и неслитном богообщении, преисполняя нас [духовно] по благости [Божией]. Но вследствие пренебрежения заповедями, этими охранителями благодати, мы вновь по беспечности впа́ли в страсти и взамен дыхания Святого Духа наполнились ветром злых ду́хов. Очевидно, от них, как говорят отцы, происходят леность и неправильное дыхание. Приобретший же Духа и от Него получивший очищение воспламеняется Им и вдохновляется к Божественной жизни, [Духом] говорит, мыслит и движется, по слову Го́спода: *Не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас* (Мф. 10:20). Равным образом имеющий противного духа и подчинившийся его господству[346] делает и говорит противоположное [святому].

Каким образом следует петь псалмы.

4. Утомившись, говорит Лествичник, пусть, встав, молится и, опять севши, пусть мужественно продолжает прежнее дело[347]. Хотя он сказал это об уме, то есть что отмеченное надлежит совершать, когда [кто] дос-

---

[345] Τῆς ἐναντίας.
[346] Κυριευθείς.
[347] Лествица. Сл. 27, гл. 23.

тигнет охранения се́рдца, но то̀ же самое уместно сказать и о псалмопении. Передают, что Варсонофий Великий был спрошен о том, каким образом следует петь псалмы. Старец отвечал: «Часы и песнопения являются церковными преданиями. Они даны к пользе[348] для соглашения. А скитяне не поют ни часов, ни песнопений не имеют, но рукоделие, и наедине упражнение[349], и незначительное молитвенное правило. Стоя на молитве, ты должен говорить *Трисвятое, Отче наш*, молить Бога об освобождении от ветхого человека и слишком не останавливаться на молитвенном правиле[350], потому что твой ум должен быть в [умной] молитве весь день»[351]. Этим старец показал, что упражнение наедине есть сердечная молитва, а непродолжительная молитва есть стояние на псалмопении. Определенно [об этом] говорит и великий Иоанн Лествичник. Дело безмолвия, [по его словам], отсутствие забот во всём, молитва неленостная, или стояние и, в-третьих, постоянное делание се́рдца[352], безопасное от расхищения[353]. Это есть седалище молитвы и также безмолвия.

О различии поющих псалмы.

5. Откуда то̀ различие, что одни учат петь много, другие — мало, прочие — совершенно не петь, но выполнять только какое-либо рукоделие, [умную] молитву[354], коленопреклонение или другой некоторый болезненный труд?

Разрешение этого [вопроса] таково. Снискавшие благодать деятельной жизнью, многими трудами и годами, как научились [приобретать благодать], так и прочих наставляют. Они не верят и не одобряют тех, которые по милости Божией искусно достигли этого [дара] в короткое время и теплой верой, как говорит святой Исаак. Потому, окрадываемые неразумием и самомнением, они порицают таковых и другим вполне ручаются за то, что если бывает [иное что̀ сравнительно с ними], то это прелесть, а не проявление благодати. Они не знают, что *легко в очах Го́спода*, по Писанию, *скоро и внезапно обогатить бедного* (Сир. 11:21). Или еще так говорит притча о благодати: начало мудрости — приобретать премудрость (см.: Притч. 4:7). И апостол современных ему учеников, не знающих о благодати, укоряет, говоря: *Или вы не знаете*

[348] Καλῶς.
[349] Μελέτην.
[350] Εἷς αὐτήν.
[351] Отв. 74.
[352] Мы удерживаем принятый в переводе творений Лествичника термин «делание».
[353] Лествица. Сл. 27, гл. 46.
[354] Ввиду повторения дважды сло́ва «труд» в первой фразе гл. 5 мы за ненужностью выпускаем одно из них.

самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть (2 Кор. 13:5), то есть по вашей беспечности вы [нравственно] не усовершаетесь. Оттого [подобные ли́ца] вследствие неверия и высокомудрствования не принимают [в качестве истинных] необыкновенные свойства молитвы, своеобразно[355] производимые в некоторых Духом.

Противоречие.

6. Скажи мне, так [судящий]: если кто пости́тся, воздерживается, бодрствует, стои́т [на молитве], совершает коленопреклонения, плачет, упражняется в нестяжательности, не есть ли это деятельность? Почему же ты говоришь, что без деятельности, выполняя только [правило] псалмопения, невозможно владеть молитвой? Это ли не дела́?

Отвечаю: если кто устами молится, а умом блуждает, какую приобретает пользу? Когда один созидает, а другой разрушает, кроме труда ничего [от этого не получается]. Но, как трудится кто телом, так должен и умом [трудиться], чтобы не представляться праведным наружно[356], а сердечно быть переполненным нечистотой и беззаботностью. Это и апостол утверждает, говоря: «Если я молюсь языком, то есть устами, то *дух мой*, или голос мой, *молится, но ум мой остается без плода*» (1 Кор. 14:14). И еще: *Хочу пять слов сказать умом моим* и прочее (1 Кор. 14:19). Свидетель же, что [Павел] об этом говорит, — Лествичник. Он в «Слове о молитве» замечает: «Великий совершитель великой и превосходной молитвы говорит: “Хочу лучше пять слов сказать умом моим”» и прочее. Видов деятельности[357] много, но они частны. Сердечная же молитва, как источник добродетелей, по Лествичнику, велика и всеобъемлюща, чрез нее приобретается всякое бла́го. Отмечая превосходство [молитвенного] де́ла, святой Максим говорит: «Нет ничего страшнее размышления о смерти и великолепнее памяти о Боге». А некоторые, будучи омрачены и маловерны по великому бесчувствию и невежеству, в настоящее время даже и слышать не желают, есть ли благодать.

7. Немного поющие, думаю, хорошо поступают, преклоняясь[358] пред умеренностью, потому что всякая мера, согласно мудрецам, прекрасна, чтобы [иначе их] ум, потратив на деятельность всю душевную силу, не выказал своей невнимательности в молитве и бессилия в ней. Потому [безмолвники], отчасти воспевая псалмы, наиболее же пусть устремляются к молитве. Равным образом, когда ум обеспокоивается от непрерывного мысленного вопля и настойчивого утверждения [внима-

---

[355] Ἰδιοτρόπως.
[356] Τῷ μὲν σώματι.
[357] Ἐργασίαι.
[358] Τιμηκότες.

ния на молитве], тогда ему следует предоставлять незначительный отдых высвобождением его из стеснения безмолвием на простор псалмопения. Это прекрасный порядок и учение премудрых мужей.

8. Хорошо поступают и те, которые совершенно не поют псалмов, если они [нравственно] созрели. Таковые не нуждаются в псалмопении, но [должны пребывать] в молчании, непрекращаемой молитве и созерцании, если достигли просвещения. Они соединены с Богом и не имеют необходимости отвлекать свой ум от Него и повергать его в смятение. Падение для послушника, говорит Лествичник, есть собственная воля, а для безмолвника — разлучение с молитвой. Ум таковых, когда отступает от памяти Божией, как от жениха, занимается самыми ничтожными делами, прелюбодействует. Обучение и прочих этому порядку не прививается у всех. У послушных простецов и неграмотных — да, потому что благодаря смирению послушание [их] имеет участие во всякой добродетели. Непослушным же, простецы ли они или ученые, не дается [эта наука], чтобы они не подверглись неосторожно прелести, так как самовольный не в состоянии избегнуть самомнения, за которым обычно следует прелесть, как говорит святой Исаак. Некоторые, не размышляя о будущем вреде, встречающихся с ними учат действовать по своему обычаю, [то есть личными усилиями], для того чтобы ум привык к памяти Божией и полюбил ее, что̀ невозможно, особенно живущим независимо. Притом благодаря нечистоте своего ума, непредочищенного слезами по высокомудрствованию, они отражают в нём, как в зеркале, более постыдные образы помыслов, а не молитву. Нечистые же ду́хи в их сердцах, тревожимые страшным именем Божиим, скрежещут зубами, желая погубить их бичующего. Если своевольник услышит или [книжно] изучит это делание и пожелает его усвоить, то пострадает в одном из двух: или впадет в прелесть, если будет себя принуждать, и окажется неисправимым, или если будет нерадивым, то в течение всей своей жизни останется чуждым [духовного] возрастания[359].

9. Скажу и я, как немногое познавший опытно. Когда, безмолвствуя, днем или ночью сидишь, в смирении непрерывно молясь Богу без помыслов, и придет в изнеможение ум от воплей, [а] тело почувствует боль и сердце от сильного утверждения непрерывного призывания [в нём] Иисуса не будет испытывать ни теплоты, ни радости[360], от которых рождаются ревность и терпение подвижника, тогда, поднявшись, стой и пой псалмы один или вместе с учеником, который с тобой живет, или занимайся рассуждением о каком-либо слове [Писания], или памятью о смерти, или рукоделием, или иным чем, или, внимательно читая, более стой, чтобы доставить телу труд. Когда сто́ишь на псалмопении один, читай *Трисвятое*, затем также молитву [умную произноси] душевно или

---

[359] Ἀπρόκοπος.
[360] Εὐφραινόμενος.

мысленно, внимая умом сердцу. Если же охватывает уныние, читай два или три псалма и умилительные тропари без пения, потому что таковые, как говорит Лествичник, не поют. Безмолвникам[361] для радости достаточно предпринимаемого по благочестию сердечного труда, как заметил святой Марк, и теплоты духа, подаваемой им к возвеселению и ликованию. После [чтения] псалма мысленно или душевно читай нерассеянно молитву и *Аллилуиа*. Таковой устав святых отцов Варсонофия, Диадоха и прочих.

Псалмы, по словам божественного Василия, следует переменять ежедневно для возбуждения усердия и чтобы ум не терял удовольствия от всегда однообразного пения[362]. Уму для еще большего укрепления и ревности следует предоставлять и свободу. Если же ты стои́шь на псалмопении с верным учеником, то пусть он читает псалмы. Ты же, молясь и тайно внимая сердцу, остерегайся [рассеянности]. Все суждения чувственного или рассудочного характера, исходящие из се́рдца, презирай с содействием молитвы, потому что безмолвие есть до вре́мени отложение[363] мыслей небожественных[364] и не от Духа с целью не утратить большего при внимании к ним.

О прелести.

10. Ты, любящий Бога, тщательно внимай [нижесказанному] для осведомления. Когда, выполняя дело, вне или внутри себя увидишь свет, или огонь, или какой-нибудь образ — Христа ли, или ангела, или когонибудь другого — не принимай того, чтобы не потерпеть вреда. Не сосредоточивай внимания на образно представляемом тобой самим и не позволяй таковое изображать уму. Всё это, отвне неуместно воображаемое, ведет к душевному прельщению. Истинное нача́ло молитвы есть сердечная теплота, сожигающая страсти непоколебимой любовью [к Богу], вносящая в сердце отраду и радость и утверждающая его несомненным извещением. Всё привходящее в ду́шу, говорят отцы, чувственное то или духовное, [как скоро] сомневается в нём сердце, не принимая его, возникает[365] не от Бога, но послано врагом. И, если заметишь свой ум некоторой невидимой силой влекомым к внешнему или ввысь, не верь тому́ и не позволяй ему влечься, но тотчас принудь его к своему делу. Являющееся от Бога, сказал святой Исаак, приходит само собой и неожиданно.

[361] Αὐτοῖς — букв.: им.
[362] Τὰ αὐτὰ.
[363] Ἀπόθεσις.
[364] Θειοτέρων.
[365] Ἔστιν.

Правда[366], иногда враг внутри природных чресл мечтательно видоизменяет духовное как хочет, предлагая одно вместо другого. Он вместо теплоты наводит неравномерное жжение, так что душа́ отягощается этого рода хитростью, вместо веселья возбуждает бессловесную радость и мокротное наслаждение, отчего явно происходят самомнение и тщеславие. [Хотя враг], укрываясь от неопытных, пытается свое обольщение выставить [под образом] действия благодати, но время, опытность и чувство обыкновенно обнаруживают сатану[367] перед теми, которым не безызвестно совершенно его коварство. Гортань, по слову Писания (см.: Иов 34:3), различает яства, то есть вкус духовный показывает ясно и безошибочно всё, каково оно есть.

О чтении.

11. Будучи деятелем, говорит Лествичник, прочитывай деятельные Писания. Тебе, выполняющему их [предписания], излишне другое чтение. Всегда читай о безмолвии и о молитве собственно[368] у Лествичника, у святого Исаака, у святого Максима, у Нового Богослова, у ученика его Стифата, у Исихия, у Филофея Синайского и у тех, которые [писали] о том же. Остальные же писания на время отложи, не как отвергаемые, но как не совместимые с [твоей] целью и своим повествованием удаляющие ум от молитвы. Да будет твое чтение наедине, [чуждое] тщеславия голосом, исходя [без притязания] на изящество произношения или изысканность речи и без звукового удовольствия. Отсутствуя [в собрании, не следует воображать себя] как бы присутствующим там, нечувствительно увлекаясь страстным желанием нравиться некоторым [лицам]. [Да не будет] также твое чтение ненасытным, потому что мера — самое лучшее во всём, ни быстрым, медленным или небрежным, но благоговейным, приличным, спокойным, стройным, понятным, разумным, духовным и рассудительным. Укрепляясь при таких [свойствах чтения], ум получает силу и в состоянии[369] крепко молиться. При вышесказанных же противоположных этим [свойствам чтения] ум приобретает омрачение, слабость и исступление, так что в голове страдает [самая] способность мышления, и слабеет в молитве.

12. Ежечасно обращай внимание на наклонность, тщательно наблюдая, куда она влечется, богоугодно[370] ли для самого́ добра и ради ли душевной пользы ты сидишь, безмолвствуя, или воспевая псалмы, или чи-

---

[366] Εἰ («если») мы перево́дим словом «правда» для избежания периодической речи.

[367] Αὐτὸν — букв.: его.

[368] Οἷον — букв.: именно.

[369] Ἐν ἕξει.

[370] Εἰ κατὰ Θεὸν.

тая, или молясь, или упражняясь в какой-либо иной добродетели, чтобы не быть незаметно [духовно] окраденным. Да не явишься ты по схиме деятелем, образом же мыслей и действий искателем человекоугождения, а не богоугождения.

Много козней у лукавого, и весьма зорко смотрит он тайно, к чему склоняются наши намерения. Не замечаемый многими, он всегда стремится обесценить[371] дело неве́домо для нас, чтобы совершаемое было не по Богу. Но, хотя он неумолимо борется и бесстыдно приступает к нам, ты, имея твердое намерение [угождать] Богу, будешь им разграбляться нечасто, несмотря на невольное вынуждение [подчас] к колебанию направления[372] твоей воли. Равным образом побеждается ли кто по немощи невольно, скоро прощается и похваляем бывает Знающим сердца́ и намерения [людей]. Страсть эта, разумею тщеславие, не позволяет монаху усовершенствоваться в добродетели, так что он несет[373] труды, а в старости оказывается бесплодным. Тщеславие всегда приближается ко всем трем и обнажает их от добродетельных трудов — я говорю о новоначальном, среднем и совершенном [подвижниках].

13. Познав из опыта, я утверждаю еще то, что монах никогда не имеет нравственного совершенства без следующих добродетелей: поста́, воздержания, бодрствования, терпения, мужества, безмолвия, молитвы, молчания, плача и смирения. Эти добродетели друг друга рождают и охраняют. Непрерывный пост, иссушая плотскую страсть, рождает воздержание, воздержание производит бодрствование, бодрствование — терпение, терпение — мужество, мужество — безмолвие, безмолвие — молитву, молитва — молчание, молчание — плач, плач — смирение, смирение, наоборот, — плач. Восходя обратно по порядку, ты найдешь, что матери рождают дочерей. В добродетелях большей, чем эта, взаимной соподчиненности по происхождению не существует. Также вполне очевидно всем и противоположное этим [добродетелям].

14. Здесь надлежит определить по порядку труды и болезненность [аскетической] деятельности и ясно показать, каким образом следует проходить каждый род деятельности[374], чтобы иной, согласно наставлению[375], небезболезненно идя этим путем и не получив плода, не обвинил ни нас, ни других в том, что не так [обстоит дело], как мы сказали. Сердечная же болезненность и телесный труд поистине выполняют дело, как оно есть[376]. Чрез них обнаруживается действие Святого Духа, которое в крещении дано тебе и всякому верующему, но вследствие нераде-

[371] Συλᾶν.

[372] Ἡ ῥοπή.

[373] Ὑπομένει — букв.: терпит.

[374] Ἐργασίαν.

[375] Ἐξ ἀκοῆς — букв.: по слуху.

[376] Οἶδεν.

ния о заповедях погребается страстями и по невыразимому милосердию ожидает нашего покаяния, чтобы в конце подвига за наше бесплодие не услышать нам: *Возьмите у него талант* (Мф. 25:28) — и такое: *У него отнимется и то, что̀ он думает иметь* (Лк. 8:18), — и не быть в наказание посланными на вечное мучение в геенне. Всякая телесная и духовная деятельность, не имеющая болезненности и труда, не приносит ее проходящему никакого — ни телесного, ни духовного — плода, потому что Царство Небесное, сказал Господь, с принуждением воспринимается, *и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11:12). Здесь под принуждением разумеется болезненное во всём телесное чувство. Нередко многие безболезненно трудились или трудятся в течение непродолжительного вре́мени и, перенося труды безболезненно, не с кипучей ревностью се́рдца оказываются чуждыми чистоты и не участвующими [в дарах] Святого Духа вследствие отказа от горьких трудов. Небрежно и вяло выполняющие многое, хотя иногда и сильно изнуряются, как кажется, но они, глубоко нечувствительные[377], никогда не собирают плодов[378] по причине безболезненности [подвигов]. Свидетель [этого] говорит: «Хотя бы мы имели в нашей жизни все великие [подвиги], но если не приобрели болезненного се́рдца, то все они становятся поддельными и попорченными»[379]. Равным образом, когда мы, без напряжения шествуя [к небу] и сбиваясь от уныния в развлечения, не получаем пользы, то омрачаемся, показывая, что в этих [развлечениях] мы нашли отдохновение, которого там нет, невидимо связываемся неразрешимыми путами и становимся малоподвижными и недеятельными во всяком труде, умножая в себе изнеженность, в особенности если мы новоначальны. Об этом свидетельствует и великий Ефрем, говоря: «Выполняй труд с болезненностью, чтобы избегнуть болезненности легкомысленных трудов. Если, по пророку, наши чресла не придут в расслабление от труда поста́, если нас не охватят болезни, как рождающую младенца (см.: Ис. 21:3), от напряженного утверждения се́рдца [в молитве], то мы не родим духа спасения на земле се́рдца (см.: Ис. 26:18)», как ты и слышал уже́. Считая себя за нечто, мы хвалимся только долголетием [подвигов], пребыванием в бесплодной пустыне, расслаблением [от трудов] и безмолвием. Во время кончины мы несомненно позна́ем весь плод [своей жизни].

15. Самостоятельно[380] невозможно кому-либо изучить науку добродетелей, хотя некоторые и пользовались, как учителем, своим опытом. Сами по себе, а не по совету усовершенствовавшиеся в деятельности обычно имеют или, лучше, рождают [в себе] самомнение. Если Сын ни-

---

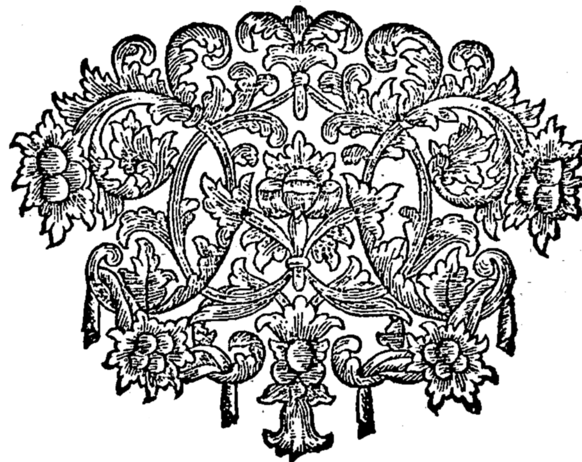
377 Βάθος ἀνάλγητοι.

378 Плоды подразумеваются подвижнические без определенного обозначения.

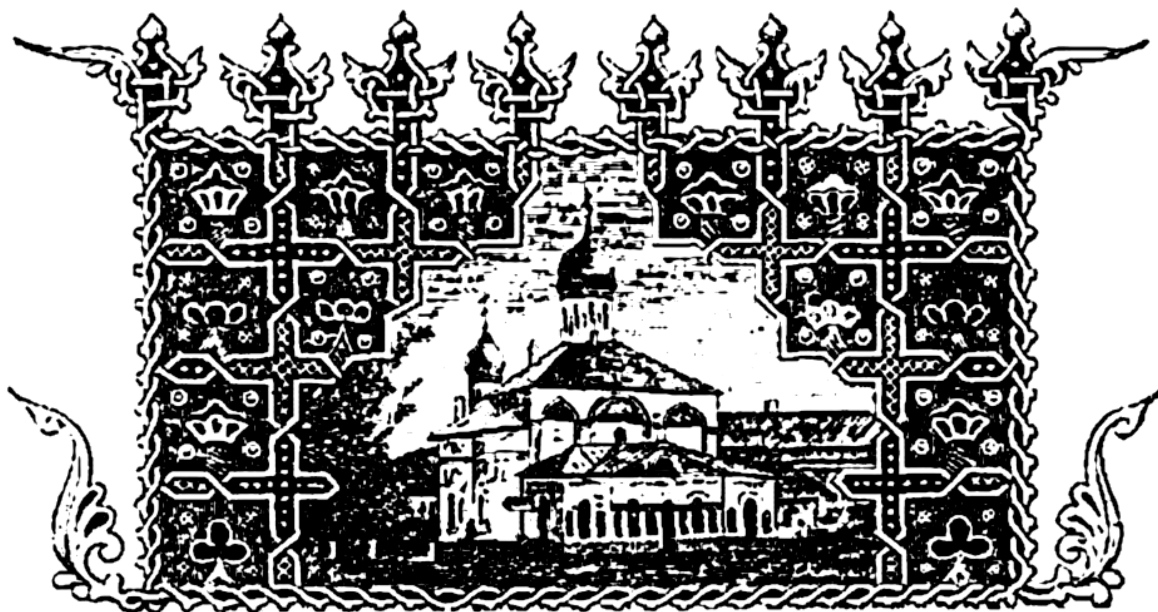
379 Лествица. Сл. 7, гл. 64.

380 Δι᾽ ἑαυτοῦ.

чего от Себя не творит, но, как научил Его Отец, так и творит (см.: Ин. 5:19) и Дух *не от Себя говорить будет* (Ин. 16:13), то есть ли кто достигший столь великой высоты́ добродетелей, на которой бы не нуждался в тайноводстве[381] себя кем-либо посторонним? Таковой в самопрельщении кажется имеющим более безумие, чем добродетель. Потому следует повиноваться тем, которые [опытно] прошли труды в деятельной добродетели, и соблюдать под [их руководством] пост [до ощущения всегда] голода, неприятное воздержание, терпеливое бодрствование, утомительное коленопреклонение, утруждающее [тело] неподвижное стояние, непрерывную молитву, нелицемерное смирение, непрекращаемые сокрушение и воздыхание, мудрое молчание, как бы приправленное солью, и во всём терпение. Но жить всегда в покое или пребывать прежде старости или болезни в непрерывной бездеятельности[382] не следует. Ты, говорит Писание, *будешь есть от трудов рук твоих* (Пс. 127:2), и еще [замечает оно]: Царство Небесное принадлежит употребляющим усилие (см.: Мф. 11:12). Кто напряженно старается совершить вышеупомянутые виды деятельности, тот с Богом соберет своевременно и плоды от них.

[381] Τοῦ μυσταγωγοῦντος.
[382] Ἐν τῷ καθίσματι.

Его же главы о молитве [383]

О том, как безмолвствующему надлежит сидеть при молитве и не оканчивать ее поспешно.

Иногда для утруждения более сиди на скамье, иногда — на постилке, но редко, в меру и лишь для отдохновения; тебе надлежит терпеливо оставаться в положении сидящего по следующему замечанию Писания: они [апостолы] были постоянно в молитве (см.: Деян. 1, 14). Не следует быстро вставать по нерадению, из-за болезненной печали, мысленного вопля и непрерывного утверждения ума [на молитве]. Ибо вот, говорит пророк, *скорбь объяла нас, муки, как женщину в родах* (Иер. 6, 24). Потому, поникши вниз головой и ум собрав в сердце, если, конечно, оно открыто, призывай на помощь Господа Иисуса. Трудясь же [в молитве] и часто чувствуя боль в голове и плечах, переноси ее, ищи Господа в сердце с напряжением и ревностью. *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12). Этими словами Господь справедливо поставил на вид важность названных[384] трудов, так как пребывание в них с терпением есть мать болезней души и тела.

Каким образом следует читать молитву.

2. Одни из отцов так произносили [молитву]: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*; другие же [читали] половину ее:

[383] В славянском Добротолюбии «О безмолвии». Текст по изданию «Преподобный Григорий Синаит. Творения» (перевод с греческого и примечания епископа Вениамина (Милова). По структуре повторяет текст в славянском Добротолюбии.

[384] Τοιούτων.

Иисусе, Сын Божий, помилуй мя, что более легко по бессилию ума. От себя без Духа [Святого] ни один [человек] не может призвать Господа Иисуса чисто и совершенно, если не будет молиться в Духе Святом, более лепеча, как младенец, неспособный произнести [слов] раздельно. Однако часто не следует переменять призывания имен по лености, но [важно] произносить их с постоянством и продолжительно. Сверх того, одни учат говорить молитву устно, другие — мысленно. Я же полагаю — тем и другим [способом], потому что иногда по изнеможению ум не в состоянии произносить молитву, иногда — уста. По этой причине надлежит молиться двояко: и устами и умом. Тихо и невозмутимо надобно взывать, чтобы голос, приводя в смятение чувство и сосредоточенность ума, не воспрепятствовал молитве. Пока ум, навыкая в [этом] деле, не получит силы от Духа и не усовершится, до тех пор не научится безраздельно и твердо молиться. Тогда, [то есть в силе Духа], не будет необходимости произносить [молитву] устно, да и невозможно, потому что достаточно сил к выполнению [молитвенного] упражнения одним здоровым умом.

Каким образом следует удерживать ум [от рассеянности].

3. Знай, что сам по себе никто не может удержаться умом (от рассеянности), если не будет удержан Духом. Как всегда движущийся, ум отличается неустойчивостью не по природе, но располагается ко круговращению вследствие нашей беспечности и от начала [грехопадения] усвоил склонность к рассеянности. Когда мы нарушением заповедей отделились от Бога, возродившего нас [в крещении], тогда прервали единение с Ним, а в чувстве [утратили] разумное чувство Его. Отсюда отклонившийся и удалившийся от Бога ум всюду водится, как пленник, и не может установиться [в сердце] иначе, как если не подчинится Богу, не поставит себя [в зависимость] от Него, не соединится с Ним радостно и если не будет часто и напряженно Ему молиться. Пусть ум[385] каждый раз то, во что падает, мысленно исповедует тотчас Прощающему все лицам, сокрушенно и смиренно просящим прощения и всегда призывающим Его святое имя. [Не без основания и Давид] говорит: «Исповедайтесь Господу и призывайте святое имя Его» (см: Пс. 104, 1). Стеснение же дыхания при смежении уст удерживает ум [от рассеянности], но лишь отчасти; [затем] он снова рассеивается. Итак, когда [в сердце] наступит действие молитвы, тогда оно совершенно удержит ум около себя, обрадует его и не допустит до пленения. Впрочем, бывает и так, что[386] ум и мысль молящегося и установившегося в сердце блуждают, заботясь о

---

[385] Со слов «пусть ум» начинается у святого Григория периодическая речь. Мы разбиваем ее на предложения.

[386] Ἔστιν ὅτε — букв.: бывает и то, когда.

постороннем[387]. Мысль никому не подчиняется, кроме совершенных в Духе Святом и достигших нерассеянности [ума] во Христе Иисусе.

Как надобно устранять помыслы.

4. Никто из новоначальных никогда не изгонит помысла, если его не удалит Бог. Только сильным свойственно бороться с помыслами и их[388] отвергать. Но и эти изгоняют их не сами по себе, а движутся на сопротивление им с Богом, как облеченные в Его всеоружие. Ты же, когда приходят помыслы, непрерывно и прилежно призывай Господа Иисуса, и они отбегут, не снося исходящей от молитвы сердечной теплоты, и рассеются, как бы палимые огнем. Иисусовым именем, говорит Лествичник, бичуй врагов, потому что Бог наш есть огонь, истребляющий злобу. Быстрый на помощь Господь вскоре осуществит месть за взывающих к Нему всей душой день и ночь. Не имеющий же действия молитвы побеждает помыслы иным образом. Бог отгоняет их от него тогда, когда он, подражая Моисею, встанет и обратит к нему руки и очи (см.: Исх. 17, 11), затем, опять севши, терпеливо начинает произносить молитву. Этим способом пользуется не приобретший силы молитвы. Но и мощный воздействовать молитвой[389] на телесные страсти — я разумею блуд и уныние — страсти жестокие и тяжкие, — часто вставая, [молитвенно] простирает руки в целях защиты от них. Однако из [опасения] прелести недолго он выполняет это и вновь садится, чтобы враг не обольстил его ум, показав в небе какой-либо образ истины, так как иметь ум, даже безопасный от падения, вверху, внизу, и в сердце, и везде сохранить его неповрежденным свойственно только одним чистым и совершенным.

Как следует петь псалмы.

5. Одни говорят, что [надобно петь] мало, другие — что много, а третьи — что совсем не следует петь. Ты же во избежание смятения ни часто не пой, ни совсем не оставляй пения по причине последующего расслабления и беспечности, а подражай поющим немного, потому что мера во всем — самое наилучшее, по словам немудрых мудрецов. Петь много уместно проходящим деятельную жизнь ввиду неведения ими [созерцания] и вследствие труда, но не для безмолвствующих, которые имеют достаточно сил быть в одном Боге и, молясь Ему сердечно, удерживаться от помыслов. По Лествичнику, безмолвие и есть отложение помыслов о чувственных и мысленных предметах. Потратив всю силу на длительное псалмопение, ум расслабляется и неспособен крепко и тер-

[387] Ἄλλα — букв.: об ином.
[388] Αὐτούς.
[389] Ὁ ἔχων τὴν τῆς προσευχῆς ἐνέργειαν — букв.: имеющий действие молитвы.

пеливо молиться. Ночью, сказал Лествичник, больше отдавайся молитве, меньше же — псалмопению. Так и ты должен поступать. Когда заметишь ты, что в тебе действует молитва во время твоего сидения[390] [на скамье] и непрерывно движется в сердце, никогда не оставляй ее до известного времени ради того, чтобы встать на пение, пока она промыслительно не отступит от тебя. Иначе, оставив Бога внутри, будешь стоя вести с Ним беседу вне, отклонившись от высот к земному. К тому же произведешь ты [в душе] замешательство и выведешь ум из [состояния] покоя. По своему имени безмолвие находит и дело такое, чтобы выполнять его в мире и тишине, тем более что и Бог есть мир, возвышающийся над шумом и смятением. Надлежало бы и пению нашему, сообразно строю жизни, быть не плотскому, но ангельскому. Пение с восклицанием голоса символизирует мысленный вопль и дано нам на случай беспечности и [духовного] огрубения для возобновления истинного настроения. Лишь незнающим, что молитва, по Иоанну Лествичнику, есть источник добродетелей, напояющий силы души, как растения, уместно петь много, без меры и всегда быть занятыми многими разнообразными подвигами, пока они от крайне напряженной деятельности не возрастут в созерцании и не приобретут умную молитву, действующую внутри них. Вообще иная деятельность безмолвия и иная — общежития. Каждый остающийся при том, к чему призван, спасется. Потому я страшусь писать из-за немощных, видя, что ты пребываешь в среде таковых. Всякий же терпеливо молящийся[391] по слуху или [книжному] учению, не приобретя руководителя, губит [свой труд].

Вкусивший благодати должен, по отцам, петь умеренно, более упражняясь в молитве, при расслаблении же петь или читать деятельные [главы] отцов. Корабль не требует весел, когда ветер надувает паруса, так как этот ветер доставляет благоприятное дуновение к незатруднительному преплыванию соленого моря страстей. По остановке же в безветрие [корабль] приводится в движение веслами или лодкой. Некоторые в качестве возражения ссылаются на святых отцов или по крайней мере на известных[392] из них в том отношении, что они совершали всенощное стояние и хранили непрекращающееся псалмопение. Этим при свете[393] Писаний ответим: не у всех подвижников все совершенно — по недостатку ли ревности, по скудости ли силы. Малое для великих во всяком случае не ничтожно и великое для малых не вполне совершенно. Потому не всегда — теперь или еще давно прежде деятели — и не все шли тем же самым путем или крепко всегда держались его до конца. Многие от деятельной жизни пришли к созерцанию и прекратили все

[390] Ἐν τῷ καθίσματι.
[391] Ἐν προσευχῇ πάσχων — букв.: в молитве терпящий.
[392] Τινας — букв.: некоторых.
[393] Ἐκ.

[дела], субботствуя[394] по духовному закону, и радовались в одном Боге, насыщаясь по благодати Божественной пищи, не попускавшей им ни петь, ни упражняться в чем-либо ином, [кроме молитвы]. Они, уже отчасти достигшие края желаний, по временам находились в изумлении, как бы в виде залога [вечного блаженства]. Иные спасались деятельностью до конца [жизни], успокоившись в ожидании будущего воздаяния. Некоторые при кончине удостоверялись [в спасении] или после смерти источали благоухание во свидетельство своего спасения. [Это те], которые, как и все, имея благодать крещения, благодаря неведению и пленению своего ума, пока жили, не переживали[395] [ощутительного] таинственного богообщения. Другие отличаются искусством в том и другом, то есть в пении и молитве, и так проводят жизнь, обладая обильной благодатью как вечнодвижимой и ни в чем не встречая препятствий. Иные же до конца в особенности хранили безмолвие. Как бы только одни соединившиеся с Единым Богом, они, будучи простецами, почерпали в молитве полное довольство. Совершенные, как мы сказали, на все сильны в укрепляющем их Христе, Которому слава во веки веков. Аминь.

Его же, к некоему спрашивающему относительно обуздания чрева.

6. Что скажу о чреве — царе страстей? Если можешь его умертвить или сделать полумертвым, не давай ему послабления. Подчинило оно меня, возлюбленный, и я, как раб и данник его, служу ему, сотруднику демонов и вместителю страстей. Чрез него происходит наше падение и чрез него наше восстание, когда оно повинуется хорошей дисциплине. Чрез него мы ниспали из первого и второго Божественного достоинства, потому что, изначала подвергшиеся порче, мы снова восстановлены во Христе. И вот теперь опять отчуждились от Бога пренебрежением Его заповедей, оберегающих и умножающих благодать при совершенствовании [души]. Не зная того, мы прельщаемся, думая, что пребываем с Богом.

Много различий в питании имеют тела, как сказали отцы. Один [человек] мало, другой много требует для поддержания своей природной крепости. Каждый довольствуется пищей по силе и привычке. Однако безмолвствующий всякий раз должен быть голодающим[396], не насыщаясь. Когда чрево отягощено и ум чрез это помутился, тогда [человек] не в состоянии произносить молитву напряженно[397] или чисто. Под влиянием[398] испарений от многих яств он клонится ко сну, сильно желает

[394] Σαββατίσαντεσ.
[395] Μὴ κοινωνήσαντες — букв.: не имели.
[396] Ἐνδεὴς.
[397] Κραταιῶς.
[398] Ἐκ.

скорее лечь, а благодаря тому[399] во сне на его ум нападают бесчисленные фантастические образы. Ввиду этого желающему получить спасение и ради Господа принуждающему себя жить безмолвно, как я думаю, хлеба достаточно ? фунта, воды или вина — ежедневно три или четыре чаши; от всех случайно имеющихся питательных продуктов следует вкушать понемногу, избегая пресыщения, чтобы таким мудрым употреблением [пищи, именно] пробованием всех [яств], можно было удалиться от гордости и, благодаря за все Бога, не показать гнушения Божиими творениями, весьма прекрасными. Таково рассуждение благоразумных. Немощным же верою и душою более полезно воздержание от пищи[400]. Им и апостол повелел есть злаки (см.: Рим. 14, 2), потому что они не веруют, что Бог сохранит их. Что же я скажу тебе? Ты искал правила [в питании], но оно весьма тяжело тебе, старому. Молодые же могут сохранить в пище вес и меры. Как же ты удержишь то [правило]? Тебе при вкушении следует соблюдать свободу во всем. Если же ты будешь побеждаться [чревоугодием], раскаивайся, вновь начинай [исправляться] и не прекращай так поступать всякий раз, падая и вставая, всегда упрекая себя самого, а не другого, и будешь иметь покой, мудро, по Писанию, совершая победу чрез падения. Впрочем, не преступай границы, какую мы обозначили прежде, и достаточно будет тебе, так как остальные яства не укрепляют тела столько, сколько употребление хлеба и воды. Потому и пророк, другое вменяя ни во что, сказал: «Сын человеческий, ешь весом хлеб твой и мерой пей воду» (см.: Иез. 4, 9 и далее). Питание[401] имеет три предела: воздержание, довольство и сытость. Воздержание выражается[402] в ощущении голода и после вкушения, довольство — в том, чтобы не голодать и не отягощаться, сытость же — в незначительном отягощении [пищей]. После насыщения есть — это дверь чревобесия, чрез которую входит блуд. Ты же, тщательно осознавши сказанное[403], не преступая границ, избери по своей силе лучшее, потому что совершенным, по апостолу, свойственно то, чтобы и насыщаться, и голодать, и во всем быть сильным (см.: Флп. 4, 12-13).

Его же, о прелести и о многих предметах

7. Смотри, я хочу, чтобы ты точно знал о прелести, остерегался ее и чтобы, водимый неведением, крупно не повредил себе и не погубил своей души. Свободный выбор человека легко склоняется к сообществу с врагами, особенно у неопытных, как наиболее преследуемых ими. Вблизи и вокруг новоначальных и своевольных бесы обыкновенно разверты-

---

[399] Ἐξ οὗ.
[400] Τῶν ἐδωδίμων.
[401] Ἡ βρῶσις.
[402] Ἐστι.
[403] Ταῦτα — букв.: это.

вают сети помыслов и гибельных мечтаний и [приготовляют] рвы падений, так как [душевный] город их — под властью иноземцев. И не надобно удивляться, если кто-либо из неопытных обольщен, или впал в исступление ума[404], или принял и принимает прелесть, или увидел чуждое истины, или говорит неуместное по неопытности и неведению. Иной, часто распространяясь об истине, невежественно и незаметно говоря одно вместо другого, не и состоянии правильно сказать, как обстоит [то или иное] дело. Он многих устрашает, а ни безмолвников наводит порицание и смех своей безумной деятельностью. И нет ничего удивительного в том, что какой-нибудь новоначальный после многих трудов впадает в прелесть. Это случалось со многими ищущими Бога теперь и прежде.

Память о Боге, или умная молитва, выше всех родов деятельности. Она, как и любовь Божия, является главой добродетелей. Но бесстыдно и нагло желающий войти к Богу и чисто исповедать Его и усиливающийся приобрести Его в себе, если будет попущено [свыше], легко умерщвляется теми — разумею демонов, — так как самонадеянно и дерзко ищущий несогласного с личным[405] состоянием влечется тщеславно к достижению [искомого] преждевременно. Сжаливающийся над людьми Господь, часто обращая внимание на то, как мы дерзки в [само]возвышениях, не попускает нам быть испытываемыми, чтобы каждый, познав свое самомнение, возвратился [к истинному подвижничеству] сам и прежде чем стал позором[406] и смехом для демонов и плачем для людей, особенно когда кто ищет этого дивного дела с долготерпением, смирением и более всего с подчинением и спрашиванием опытных, чтобы незаметно вместо пшеницы не пожать терния или[407] горького вместо сладкого и вместо спасения не найти бы погибели.

Сильным и совершенным свойственно одним всегда бороться с демонами и против них непрерывно простирать духовный меч, которым служит слово Божие (см.: Еф. 6, 17). Немощные же и новоначальные, как крепостью, пользуются благоговейным бегством, со страхом избегают единоборства и, не отваживаясь на него преждевременно, этим спасаются[408] от смерти. Ты же, если, успешно[409] безмолвствуя, ожидаешь быть с Богом, никогда не принимай чего-либо чувственного или духовного, представляющегося вне или внутри [тебя], хотя бы то образ Христа, или по-видимому ангела, или облик святого, или [хотя бы] в уме просвечивал и мечтательно напечатлевался свет. Ум и сам по себе имеет природную способность мечтать. Он легко может строить образы того,

---

[404] Ἐξέστη.

[405] Ἰδίαν.

[406] Ὄνειδος.

[407] Καί.

[408] Διαφεύγκυσν — букв.: избегают.

[409] Καλῶς.

чего домогается у не внимающих тщательно этому и [тем] самому себе причиняет вред. Такое воспоминание доброго и злого обычно внезапно формирует умственные образы и ведет к мечтательности. Отсюда [подобный человек][410] произвольно[411] становится мечтателем, а не безмолвником. Потому будь внимателен, не веришь ли ты чему-либо в силу быстрого увлечения, прежде спрашивания и многого исследования, хотя бы то казалось добрым, чтобы не получить вреда. Всегда оставайся негодующим на мечтания[412], сохраняя свой ум постоянно бесцветным, безвидным и бесформенным. Часто многим причиняло вред и посланное Богом к испытанию для венца. Наш Господь желает испытать, куда склоняется наш свободный выбор. Но усмотревший что-либо мысленно или чувственно и принимающий то без [совета] опытных, пусть [явление было] и по воле Божией, легко прельщается или прельстится в будущем, как воспринимающий [все] необдуманно. Новоначальному надобно быть внимательным к сердечной деятельности, как необманчивой, все же другое не принимать до момента[413] умиротворения страстей. Бог не негодует на того, кто, строго внимая себе, во избежание прелести не примет [знамений] от Него без спрашивания [опытных] и многого исследования, но более восхваляет его, как мудрого, хотя на некоторых и негодовал. Впрочем, спрашивать надлежит не всех, но одного того, кому вверено управление другими, кто блистает жизнью и, будучи, по Писанию, бедным, многих обогащает (см.: 2 Кор. 6, 10). Было немало неопытных [руководителей], повредивших многим неразумным, за которых по смерти выдержат они суд. [Право] руководить других принадлежит не всем, но лишь тем, которым дано божественное рассуждение, или, по апостолу, *различение духов* (1 Кор. 12, 10), разделяющее мечом слово худшее от лучшего. Каждый обладает своим разумом и естественным деятельным или научным рассуждением, но не все [имеют] духовное [рассуждение]. Поэтому премудрый Сирах сказал: *Живущих с тобою в мире да будет много, а советником твоим — один из тысячи* (Сир. 6, 6). Не мал труд — найти руководителя, не заблуждающегося ни в словах, ни в делах, ни в размышлениях. Чужд ли кто прелести, это выясняется в том, имеет ли он на деятельность и на ее понимание свидетельства от Божественных Писаний, смиренномудрствуя в том, о чем ему надлежит рассуждать. Отчетливо же постигнуть истину и быть чистым от несовместимого[414] с благодатью — труд не малозначительный, потому что диаволу обычно показывать свою прелесть в виде истины, особенно новоначальным, и преобразовывать свое коварное в духовное. Вследствие этого усердно стремящийся в безмолвии достигнуть чистой

[410] Ὁ τοιοῦτος — букв.: таковой.
[411] Ἀφ᾿ ἑαυτοῦ.
[412] Πρὸς αὐτό — букв.: негодующим на то.
[413] Ἕως καιροῦ.
[414] Τῶν ἐναντίων — букв.: от противоположного.

молитвы должен идти к [своей цели] путем спрашивания опытных и в великом трепете и печали, непрерывно оплакивая собственные грехи, скорбя о них и страшась [адского] мучения, отпадения от Бога и разлучения [с Ним] теперь и в будущем [веке]. Когда диавол увидит коголибо живущим в плаче, то не медлит там, опасаясь[415] смирения, производимого плачем. Если же кто с самомнением мечтает достигнуть высокого, приобретши сатанинское, а не истинное желание, то такового, как своего служителя, [сатана] беспрепятственно[416] опутывает своими сетями. Потому хранение в молитве и плача является величайшим оружием против того, чтобы от радости молитвы не впасть в самомнение, но, избрав себе [в удел] утешительную печаль, соблюсти себя невредимым.

Свободная от прелести [Иисусова] молитва, ввергающая на землю нашего сердца огонь, сопровождается теплотой, пожигающей страсти, как терния, и образующей в душе тишину и радость. Теплота приходит не с правой или левой стороны, не свыше, но в сердце струится наподобие источника воды от животворящего Духа. Ее одну и желай найти в своем сердце и ею владеть, всегда храня свой ум немечтающим, обнаженным от рассуждений и мыслей, и не бойся, потому что Сказавший: Ободритесь: это Я, не бойтесь (Мф. 14, 27) — Он Сам, Которого мы ищем, находится с нами и неизменно нам покровительствует. Призывая Бога, мы не должны страшиться или сетовать. Если же некоторые, лишившись разума, совратились в прелесть, то знай, что они потерпели это от своеволия и гордости. А в послушании со спрашиванием и смиренномудрием ищущий Бога никогда не понесет ущерба благодатию Христа, желающего всем людям спастись. Если же случается с таковым испытание, то оно возникает и попускается для оценки и увенчания его и сопровождается быстрой помощью Бога посредством Ему ведомых способов. Кто правильно живет и безупречно обращается с другими, удаляясь человекоугодничества и высокоумия, [против того] хотя бы весь полк демонов воздвиг бесчисленные испытания, не повредил бы ему, как говорят отцы. Самонадеянно же и своевольно шествующие [в жизни] — те легко подвергаются вреду. Потому безмолвствующий всегда должен держаться царского пути. Обычно излишество во всем беспрепятственно сопутствуется самомнением, которое сменяется прелестью. Умеряй в молитве не дыхание лишь ноздрей, как неопытные, но и дыхание ума некоторым смыканием уст для предотвращения вредного надмения.

Существуют три добродетели безмолвия, которые следует тщательно хранить и ежечасно распознавать, всегда ли мы сберегаем их, чтобы как-нибудь, скрадываемые забвением, мы не стали шествовать в жизни вне их. Они таковы: воздержание, молчание и самоунижение, то есть смирение, друг друга порождающие и охраняющие. От них происходит

---

[415] Δειλιῶν — букв.: страшась.
[416] Ἐὐκόλως.

и непрерывно возрастает молитва. Начало действия благодати в молитве открывается различно у тех или иных людей, так как в нас, выражаясь словом апостола, замечается и познается многообразное разделение даров Духа по Его воле (см.: 1 Кор. 12, 11), обнаруживающееся у нас по образу Илии Фесвитянина[417]. Именно, в некоторых приходит дух страха, разрушающий горы их страстей и раздробляющий их жестокие сердца, как камни, так что у них от страха плоть как бы пригвождается гвоздями и становится мертвой. В других же является потрясение или обрадование, которое отцы весьма ясно называли взыгранием. И у первых [это взыграние] также обнаруживается внутри невещественно и существенно, но само оно безлично, несущественно и чувственно неопределенно. У иных, особенно у усовершенствовавшихся в молитве, Бог производит тонкое, мирное и законченное веяние света, когда Христос, по апостолу, таинственно вселится в сердце (см.: Еф. 3, 17) и проявится в духе. Потому Бог на горе Хорив говорил Илии, что не в том или в ином Господь, не в частных действиях новоначальных, но в тонком веянии света — там Господь, показавший совершенство молитвы.

Вопрос: что будет кто-либо делать, когда демон преобразуется в ангела света и прельщает человека?

Ответ: по причине этого [явления] человек имеет потребность во многой рассудительности, чтобы распознавать различие добра и зла. Легкомысленно не вверяйся[418] скоро представляющимся образам, но, будучи медлительным, доброе принимай, а дурное отвергай со многим испытанием. Ты прежде должен оценивать и рассматривать, а потом верить. Знай, что действия благодати явны и демон хотя видоизменяется, но не может возбудить ни кротости, ни приветливости, ни смирения, ни ненависти к миру, ни прекращения [плотских] наслаждений и страстей, что составляет действие благодати. Бесовские[419] же действия [таковы]: гордость, высокоумие, устрашение и всякое зло. По данным действиям и можно распознать, от Бога ли свет, воссиявший в твоей душе, или от сатаны. Фридакс подобен по вкусу горчице и уксус цветом похож на вино. Но пробованием гортань узнает и определяет различие каждой [из этих вещей]. Так и душа, если имеет рассуждение, может чувством ума познавать дарования Святого Духа и призрачные мечтания сатаны.

---

[417] Κατά τὸν τύπον Ἠλιοῦ τοῦ Θεσβίτου.

[418] Μὴ ἐπιδίδου — букв.: не предавайся.

[419] Ἐκείνου.

Из жития преподобного отца нашего Максима Капсокаливита [420].

Об умной благодатной молитве

Божественный Григорий Синаит, встретив святого Максима и беседуя с ним, между прочим спросил его: прошу тебя, отче мой честнейший, скажи мне: держишь ты умную молитву? Тот, поникши немного главою, ответил ему: не хочу скрывать от тебя, честный отче, чуда Пресвятой Богородицы, которое было со мною. От юности моей имел я великую веру к Госпоже моей Богородице и умолял Ее со слезами, да подаст мне сию благодать умной молитвы. В один день, пришедши в храм, как имел обычай, просил я Ее о сем с безмерною теплотою сердца, и когда потом с любовию целовал святую икону Ее, вдруг ощутил в груди моей и в сердце моем некую особенную теплоту и пламя, исшедшее от святой иконы, которое не жгло меня, а орошало и услаждало, и вносило в душу мою великое умиление. С этого момента, отче мой, сердце мое начало извнутрь себя говорить молитву, и ум мой услаждается памятованием Господа моего Иисуса Христа и Пресвятой Владычицы моей Богородицы и всегда пребывает в сем памятовании о Них; и с того времени молитва не пресекалась в сердце моем, – прости мне.

Говорит ему св. Григорий: скажи мне, святый отче, бывало ли с тобою в то время, как ты говорил молитву: Господи Иисусе Христе и проч., божественное какое изменение, или исступление, или другой какой плод Духа Святого? – Божественный Максим ответил ему: да; и сего ради, отче, я уходил в пустынные места и всегда любил полное безмол-

[420] Публикуется по переводу Феофана Затворника. См. Добротолюбие.

вие, да наслаждусь в большей мере плодоммолитвы, т. е. преизобильною любовию к Богу и восхищением ума к Господу.

Святой Григорий спросил его: прошу тебя, отче, скажи мне: имеешь ты то, о чем сказал. Божественный Максим, потупив очи, говорит ему: не пытай о моих прельщениях.

Тогда святой Григорий сказал ему: о, когда бы и мне дал Бог иметь такое же прельщение, какое у тебя, отче святый! – Впрочем, прошу тебя, скажи мне: в тот час, как ум твой восхищаем бывает к Богу, что видит он умными очами своими? И может ли тогда ум вместе с сердцем возводить молитву? Святой Максим ответил ему: нет, не может. Ибо когда благодать Святого Духа придет в человека посредством молитвы, тогда молитва прекращается[421], так как ум тогда весь овладевается благодатию Святого Духа и не может более действовать собственными своими силами, но пребывает бездействен и повинуется только Духу Святому, и куда хощет Дух Святый, туда и ведет его, или в невещественный воздух света Божественного, или в другое какое созерцание несказанное, или, как часто бывает, в божественную беседу, и кратко сказать, как хощет Утешитель, Дух Святый, так и утешает рабов Своих; какая потребна каждому из них, ту и подает им благодать Свою. Сие, что говорю я, может всякий явно видеть в пророках и апостолах, которые сподоблялись видеть всякого рода видения, хотя люди насмехались над ними, почитали их прельщенными и упившимися. Так пророк Исаия видел Господа, на Престоле высоком превознесенного и окруженного Серафимами. Первомученик Стефан видел отверстые небеса и Господа Иисуса одесную Отца, и проч. – Таким же образом и ныне рабы Христовы сподобляются видеть разные видения, которым некие не верят и никак не признают их истинными, но считают прелестями, и тех, которые видят их, называют состоящими в прелести. Дивлюсь я таким много и неудомеваю, что это за люди, и как ослепились они, что, будто слепые, не видят и не веруют тому, что обетовал неложный Бог устами пророка Иоиля, именно, что это самое даст Он верующим, говоря: *излию от Духа Моего на всяку плоть и прорекут* (Иоил. 2, 28), – каковую благодать Господь ниспослал на учеников Своих, и ныне подает ее, и будет подавать до скончания века, по обетованию Своему, всем верным рабам Своим. Итак, когда сия благодать Духа Святого сойдет на кого-либо, то не что-либо обычное показывает ему из вещей чувственного мира сего, но показывает то, чего тот никогда не видел и не воображал. Тогда ум такого человека научается от Святого Духа высшим и сокровенным тайнам, которых, по божественному Павлу, ни око человеческое не может видеть, ни ум уразуметь сам собою никогда (1 Кор. 2, 9). И чтоб тебе понять, как ум наш видит их, вникни в то, что я скажу тебе. Воск, когда далеко от огня находится, бывает тверд, и можно взять его и держать; но как только ввергнешь его

---

[421] Так и у св. Исаака.

в огонь, тотчас растаивает, и там в огне возгорается и горит, и бывает весь светом, и таким образом кончается весь среди огня. Так и ум человеческий, когда один сам о себе бывает, не сретясь с Богом, тогда уразумевает, как обычно, окружающее его по силе своей, – когда же приблизится к огню Божества и к Духу Святому, тогда весь всецело овладевается оным огнем Божеским, и бывает весь свет, и там в пламени Духа Святого возгорается и разливается в божеских помышлениях, и никак не возможно ему тогда среди огня Божества помышлять о своем и о том, о чем хочет.

После сего святой Григорий напомянул ему: бывает, Капсока-ливите мой, и другое нечто, подобное сему, что однако ж есть действо прелести. – На это великий оный Максим ответил ему: бывает; но у каждой из сих свои особые признаки, – иные признаки прелести, и иные – благодати. Когда злой дух прелести приближается к человеку, то возмущает ум его и делает диким, сердце ожесточает и омрачает, наводит боязнь и страх и гордость, очи извращает, мозг тревожит, все тело в трепетание приводит, призрачно пред очами показывает свет не светлый и чистый, а красноватый, ум делает исступленным и бесноватым, и уста заставляет говорить слова непотребные и хуль-ные; тот, кто видит сего духа прелести, большею частию серчает и исполнен бывает гнева, смирения совсем не знает, ни истинного плача и слез, но всегда хвастается своими хорошествами и тщеславится ими, всегда без сдержанности и страха Божия поддается движениям страстей, наконец выходит из ума и приходит в совершенную пагубу. От таковой прелести да избавит нас Господь молитвами твоими, отче честный. – Признаки же благодати суть следующие: когда входит в человека благодать Святого Духа, то собирает ум его и делает его внимательным и смиренным, приводит ему на память смерть и грехи его, будущий суд и вечное мучение, душу его исполняет сокрушенным умилением и подвигает к плачу и слезам, очи его делает кроткими и полными слез, и чем более сближается с человеком, тем более умиротворяет душу его и утешает святыми страданиями Господа нашего Иисуса Христа и беспредельным Его человеколюбием, и ум исполняет возвышенными созерцаниями: а) недомыслимой силы Божией, как Он единым словом все из не сущего привел в бытие, б) безмерной силы, коею все содержит, всем управляет и о всем помышляет, в) непостижимой Святой Троицы и неисследимой бездны Божеского существа и прочее. Тогда ум человека восторгается Божеским оным светом и просвещается светом Божеского ведения, сердце делается тихим и кротким и обильно источает плод Духа Святого – *радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, любовь, смирение* и прочее (Гал. 5, 22), и душа его восприемлет неизреченное веселие.

Слыша сие, св. Григорий Синаит пришел в исступление, изумляясь тому, что говорил преподобный Максим, и более не называл уже его человеком, но земным Ангелом.

Монах Феофан, Лестницу божественных даров написавший, которую он опытно познал, вдохновленный Богом [422].

Восхождение божественное.

10.	Совершенство.	И на вершине, не имеющее предела, совершенство
9.	Несказанное просвещение сердца	От него же несказанное просвещение сердца
8.	Неописуемое освещение	Следом приходит неописуемый свет
7.	Виденье небесных таинств.	И сподобляется зреть небесные тайны
6.	Очищение ума	Ум же очищается
5.	Умиротворение помыслов	От которых мысли умиротворяются
4.	Слезы сердечные	Следом Богом даруются слезы сердечные
3.	Действие святое	А за ней приходит странное действие святое
2.	Сердечная теплота	От нее рождается в сердце теплота
1.	Чистая молитва	Первая есть чистая молитва

Первой ступенью является чистая молитва.
От нее рождается в сердце теплота,
А за ней приходит странное действие святое.
Следом Богом даруются слезы сердечные,
От которых мысли умиротворяются.
Ум же очищается.
И сподобляется зреть небесные тайны.
Следом приходит неописуемый свет.
От него же несказанное просвещение сердца.
И на вершине, не имеющее предела, совершенство

---

[422] Перевод осуществлен по английскому и славянскому переводам. Преимущественно использовался английский. Для лучшего понимания смысла, рекомендую почитать славянский текст (там перевод немного другой).

Нижняя ступень одного требует –
Чистоты молитвы.
Но у молитвы бывает много видов.
И если я заговорю об этом сейчас,
То моя беседа будет слишком долгой.
Знай, мой друг, всему учит опыт, а не слова.
Лествица, поднимающая до свода небес
Есть десять ступеней оживотворения души,
Десять ступеней, пророчащих ей жизнь,
Как говорит некий боговдохновенный святой:
Не прельщайте себя пустыми надеждами,
Что в мире, в который вы прийдете, обрящете жизнь,
Если, вы не постараетесь найти ее в этом мире.
Десять ступеней – это Богом дарованная мудрость
Десять ступеней – это плод всех книг
Десять ступеней – это путь к совершенствованию,
Десять ступеней – это путь восхождения до небес,
На этих десяти ступенях человек познает Бога.
Лестница может показаться короткой,
Но если ваше сердце опытно познает эти ступени,
То вы найдете сокровища, которые мир не может в себя вместить -
Божественный источник, источающий неизреченную жизнь.
Десять ступеней лучший учитель,
Показующий каждому свои ступени.
Если ты видишь себя надежно стоящим
На лестнице божественных даров,
Спроси себя на какой ступени находишься сейчас,
Чтобы и мы, ленивые, могли получить от этого пользу.
Если хочешь узнать обо всем этом,
Откажись от всех бессмысленных вещей,
Кажущихся тебе разумными,
Ибо без отречения от них ничему не научишься.
Лишь опыт учит, но не слова.
Помню я тебе говорил изреченье
Одного избранника Божьего,
Но я снова тебе напомню его изреченье:
«Тот, кто не встал на божественную лестницу,
Кто не задумывался об этих вещах,
Тот испытает ужасный страх и трепет,
Когда прийдет ему срок умирать,
И наполнится он неукротимой тревогой».
На этих страшных словах
Я заканчиваю свои строки,

И хорошо что это так;
Тех, кто жестокосерден,
А я первый из них,
Эти строки ведут к покаянию и святой жизни.
Не обещаньями святых даров,
Но страхом душевных мук.
Имеющий уши слышать, да услышит!
Ты, кто написал все эти строки, слушай:
«Бесполезны все эти милости (блага)!
Как ты осмелился написать такие вещи?
Почему не трепещишь, излагая их?
Разве не слышал ты как пострадал Оза,
Когда пытался спасти Ковчег Завета (Всевышнего) от падения?
Не думай, что я говорю как учитель (учу тебя своими словами),
Но как человек, сам себя осуждающий,
Зная что награда ждет тех, кто стремится к подвижничеству,
Зная свою полную бесполезность.

